

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

ISSN 2713-2811

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

**Сетевой
научно-практический журнал
частного и публичного права**

pravojournal.ru

4 (28) / 2024

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

Сетевой
научно-практический журнал
частного и публичного права

№ 4 (28) ISSN 2713-2811
Вологда 2024

Издается с июня 2018 года
Выходит 4 раза в год

Учредители:

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Вологодский государственный университет»

Главный редактор:
В. Н. Некрасов

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по трем научным специальностям: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.4.

Дата выхода в свет: 26.12.2024

Журнал представлен на сайте в свободном бесплатном доступе
в полнотекстовом формате

Адрес редакции: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2
Телефоны: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70
E-mail: pravojournal@vipe.fsin.gov.ru, ejournal@inbox.ru

Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: pravojournal.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер Эл № ФС77-76066 от 24 июня 2019 г. ISSN 2713-2811

© ВИПЭ ФСИН России, 2024

© ВоГУ, 2024

VILE of the FPS of Russia
Vologda State University

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

**Online scientific and practical
journal of private and public law**

№ 4 (28) ISSN 2713-2811
Vologda 2024

Published since June 2018

Published four times a year

Founders:

VILE of the FPS of Russia (Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia),

VoSU (Vologda State University)

Editor-in-Chief:

Vasilii N. Nekrasov

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.

Manuscripts are reviewed and not returned to the authors.

The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

Presented in the system of the Russian Science Citation Index (RSCI)

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications,
in which the main scientific results of dissertations for the degree of PhD., for the degree of Dsc.
should be published of the following scientific specialties: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.4.

Date of publication: December 26, 2024

The journal is presented on the website in free access in full-text format

Address of the editorial office:

2, Shchetinin street, Vologda, 160000, Russian Federation

Phones: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70

E-mail: pravojournal@vipe.fsin.gov.ru, ejournal@inbox.ru

Website: pravojournal.ru

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.

Registration Number EI No. FS77-76066 dated June 24, 2019. ISSN 2713-2811

© VILE of the FPS of Russia, 2024

© VoSU, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Некрасов В. Н. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор юридических наук (главный редактор);

Голодов П. В. – начальник кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (заместитель главного редактора);

Крюкова О. Ю. – старший научный сотрудник отделения организации и координации научно-исследовательской деятельности и международного сотрудничества организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук (ответственный секретарь);

Барков А. В. – профессор кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Воронина Н. П. – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Гаврилов Б. Я. – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Городов О. А. – профессор кафедры коммерческого права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник НИИ ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Дугенец А. С. – главный редактор федерального научно-практического журнала «Административное право и процесс», заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации; главный научный сотрудник лаборатории сравнительного правоведения юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Квашнин В. А. – профессор кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, доктор исторических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор;

Корень Т. А. – заместитель директора по учебной и научной работе Могилевского филиала Частного учреждения образования «БИП – институт правоведения» (Республика Беларусь), кандидат юридических наук;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Кузнецова Е. В. – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Кургузкина Е. Б. – профессор кафедры уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук;

Кучин О. С. – профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент, академик РАЕ, заслуженный деятель науки и техники РАЕ;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор наук, профессор криминологии;

Миронов А. В. – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Мишальченко Ю. В. – генеральный советник Экономического суда СНГ, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Попович М. М. – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Самович Ю. В. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Санташов А. Л. – профессор 25 кафедры (военной администрации, административного и финансового права) Военного университета имени Князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации; профессор кафедры уголовного права и криминологии Северо-Западного института Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Силкин В. П. – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

Углицких Д. В. – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Уторова Т. Н. – директор Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук;

Фархутдинов И. З. – ведущий сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры судебной власти Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

EDITORIAL COUNCIL

Vasilii N. Nekrasov – Acting Head of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law) (Editor-in-Chief);

Pavel V. Golodov – Head of the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, (Deputy Editor-in-Chief);

Ol'ga Yu. Krukova – Senior Researcher of the Sub-branch of Organization and Coordination of Research Activities and International Cooperation of the Organizational and Scientific Department of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law) (Executive Secretary);

Aleksei V. Barkov – professor at the Civil Law Department of the Military University of the Ministry of Defense of the Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Natal'ya P. Voronina – professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Boris Ya. Gavrilov – Head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Sciences (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Valid Member of the Peter Academy of Sciences and Arts;

Oleg A. Gorodov – professor at the Commercial Law Department of the Law Faculty of the Saint Petersburg State University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Ivan V. Dvoryanskov – Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, professor at the Department of Penitentiary Law and the Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Aleksandr S. Dugenets – Editor-in-Chief of the Federal Scientific and Practical Journal "Administrative Law and Process", Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Valentina I. Zubkova – professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Chief Researcher at the Laboratory of Social and Legal Research and Comparative Law of M.V. Lomonosov Moscow State University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Vladimir A. Kvashnin – professor at the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Ivan Ya. Kozachenko – Head of the Department of Criminal Law of the Ural State Law University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Tat'yana A. Koren' – Deputy Director for Academic and Scientific Work of the Mogilev Branch of the Private Educational Institution "BIP - Institute of Law" (Republic of Belarus), PhD in Law;

Lev L. Kruglikov – professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Demidov Yaroslavl State University, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Valid Member of the International Higher Education Academy of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences;

Aleksandr L. Kuzminykh – professor at the Department of Philosophy and History of the Faculty of Psychology of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Elena V. Kuznetsova – associate professor at the Department of State Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Elena B. Kurguzkina – professor at the Department of Criminal Procedure Law of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Sciences (Law);

Oleg S. Kuchin – professor at the Department of Forensic Expertise and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Academician of RANH, Honored Worker of Science and Technology of RAN;

Gorazd Meshko – professor at the Department of Criminal Justice and Security of the University of Maribor (Slovenia), Doctor, Professor of Criminology;

Aleksei V. Mironov – associate professor at the Department of Civil Law Disciplines of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Yurii V. Mishalchenko – General Counsel of the CIS Economic Court, Dsc. in Law, Dsc. In Economics, Professor;

Roman V. Nagornykh – professor at the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Natal'ya V. Panteleeva – Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Kuleshov Mogilev State University (Republic of Belarus), PhD in Law, Associate Professor;

Vladimir A. Ponikarov – professor at the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Marina M. Popovich – associate professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Roman A. Romashov – professor at the Department of State Law Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Yuliya V. Samovich – professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Andrei L. Santashov – professor at the 25th Department (Military Administration, Administrative and Financial Law) of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation; professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the North-Western Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;

Vyacheslav I. Seliverstov – professor at the Department of Criminal Law and Criminology of M.V. Lomonosov Moscow State University, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Vyacheslav P. Silkin – associate professor at the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Sergei A. Starostin – professor at the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Sciences (Law), Professor;

Dmitrii V. Uglitskikh – Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Sciences (Law);

Tatyana N. Utorova – Director of the North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State University (MSAL), Candidate of Sciences (Law);

Insur Z. Farkhutdinov – Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Law) (by agreement);

Dulat S. Chukmaitov – professor at the Department of Criminal Law Disciplines of the Zhetysu State University named after Ilyas Zhansugurov (Republic of Kazakhstan), Dsc. in Law, Professor;

Vyacheslav B. Shabanov – Head of the Department of Criminalistics of the Law Faculty of the Belarusian State University, Dsc. in Law, Professor;

Aleksandr S. Shatalov – professor at the Department of Judicial Power of the National Research University "Higher School of Economics", Doctor of Sciences (Law), Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	9
АПКАЕВ Д. М. Теоретико-правовое содержание категории «привилегия»	15
ЛАПШИН В. Е. Новая волна в исследовании методологических вопросов отечественной юриспруденции (Рец. на кн.: Метатеория и методология права и правопорядка : монография / кол. авторов ; под ред. д-ра юрид. наук А. В. Аверина, д-ра юрид. наук, проф. М. Л. Давыдовой. Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2023. 249 с.)	24
ПЕТРОВА Т. В. Доверие в системе правовых ценностей	29
АНИСКИНА Н. В., МИГАЧЕВ Ю. И., КРЫЛОВА Е. С. Процессуальные проблемы и противоречия в практике привлечения субъектов предпринимательской деятельности к административной ответственности	37
МАЛКОВА Л. Л., СИЗОВ Д. О. Ротация на государственной службе: отдельные проблемы теории и практики	46
НАГОРНЫХ Р. В. Административный контроль применения дискреционных полномочий в сфере соблюдения прав осужденных.	57
АВДЕЕВА Е. В. Уголовная политика в сфере экономических преступлений	61
АГАРКОВ А. В. Существуют ли различия между соблюдением норм криминальной субкультуры и деятельностью запрещенной экстремистской организации «АУЕ»* в местах лишения свободы?	73
АНТОНЯН Е. А., АФАНАСЬЕВА О. Р. Экологическая преступность: основные тенденции развития и предупреждения	80
КОВАЛЕВ О. Г. Организация профилактической деятельности с осужденными при обеспечении безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы	90
КУЧИН О. С. Оценка признаков хищения правоприменителем при квалификации мошенничества	95
ЛОЖКИН Ю. А. Сравнительно-правовые аспекты досудебного соглашения о сотрудничестве по российскому уголовно-процессуальному законодательству и сделки о признании вины в США	106
МОРОЗОВ Р. М. Актуальные вопросы использования искусственного интеллекта в расследовании преступлений	114
НЕКРАСОВ В. Н. 10 условий успешной трансформации уголовного права в эпоху инновационных перемен. Условие № 2	122
РУМЯНЦЕВ Н. В., РЫСЕВ А. А. Характеристика отдельных показателей криминальной субкультуры, используемых в правоприменительной деятельности: анализ судебно-следственной практики	128
САНТАШОВА Л. Л., ЛАПЕНКОВ Е. О. Социально полезные связи осужденных к лишению свободы как средство их исправления: проблемы и пути совершенствования	136
САРАТОВА О. В., ВЛАСОВА Н. А. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства в сфере полномочий прокурора на досудебных стадиях	143
САФОНОВА Д. В. Социальная обусловленность уголовной ответственности за совершение мошенничества с использованием электронных средств платежа	149
СМИРНОВА П. В. Теоретическое изучение критико-правового метода в разрезе науки уголовного права	157
СПИРИДОНОВА Ю. Н., ШАТАЛОВ А. С., О некоторых вопросах стадии возбуждения уголовного дела и ее месте в системе досудебного производства	162
УТОРОВА Т. Н., КОЛПАКОВА Л. А. Трансформация уголовно-правовых механизмов охраны государственного суверенитета	167
ХАГУР Ю. А. Криминогенные факторы самоуправства	177
ЦИРИК С. В. Проблемы использования категории «интеллектуальная собственность» в уголовном законодательстве	182
МОЛДОВА К. А., КОНДРАТОВСКАЯ С. Н., САВИНОВ Д. В. Стимулирование работников к добросовестному труду: проблемы правового регулирования и пути решения	186
САЛМИНА И. А. Порядок исполнения судебных решений как объект уголовно-правовой охраны	193
КИРИЛОВСКАЯ Н. Н. Криминализация экоцида на международном и национальном уровнях	199

* Деятельность организации признана экстремистской, запрещена на территории Российской Федерации.

CONTENT

EDITORIAL	9
APKAEV D.M. Theoretical and Legal Content of the Category "Privilege"	15
LAPSHIN V.E. A New Wave in the Study of Methodological Issues of Domestic Jurisprudence (Book review: Metatheory and Methodology of Law and Order: Monograph. Ed. by Averin A.V., Davydov M.L. Vladimir, 2023. 249 p.)	24
PETROVA T.V. Trust in the System of Legal Values	29
ANISKINA N.V., MIGACHEV YU.I., KRYLOVA E.S. Procedural Problems and Contradictions in the Practice of Bringing Business Entities to Administrative Liability	37
MALKOVA L.L., SIZOV D.O. Rotation in the Civil Service: Some Problems of Theory and Practice	46
NAGORNYKH R.V. Administrative Control over the Use of Discretionary Powers in the Field of Observance of the Rights of Convicts	57
AVDEEVA E.V. Criminal Policy in the Field of Economic Crimes	61
AGARKOV A.V. Are There any Differences between Compliance with Norms of Criminal Subculture and Activities of the Banned Extremist Organization "AUE" in Places of Detention?	73
ANTONYAN E.A., AFANAS' EVA O.R. Environmental Crime: Key Trends in Development and Prevention	80
KOVALEV O.G. Organization of Preventive Activities with Convicts while Ensuring Safety of Penitentiary Institutions	90
KUCHIN O.S. Assessment of Elements of Theft by a Law Enforcement Officer when Qualifying Fraud	95
LOZHKIN Yu.A. Comparative Legal Aspects of a Pre-Trial Cooperation Agreement under Russian Criminal Procedure Law and a Plea Bargain in the United States	106
MOROZOV R.M. Topical Issues of the Use of Artificial Intelligence in Crime Investigation	114
NEKRASOV V.N. Ten Conditions for Successful Transformation of Criminal Law in the Era of Innovative Changes. Condition No. 2.	122
RUMYANTSEV N.V., RYSEV A.A. Characterizing Individual Indicators of Criminal Subculture Used in Law Enforcement Activities: Analysis of Judicial and Investigative Practice	128
SANTASHOVA L.L., LAPENKOV E.O. Socially Useful Ties of Persons Sentenced to Imprisonment as a Means of Their Correction: Problems and Ways of Improvement	136
SARATOVA O.V., VLASOVA N.A. Improving Criminal Procedure Legislation in the Sphere of the Prosecutor's Powers at Pre-Trial Stages	143
SAFONOVA D.V. Social Conditionality of Criminal Liability for Committing Fraud Using Electronic Means of Payment	149
SMIRNOVA P.V. Theoretical Study of the Critical Legal Method in the Context of Criminal Law Science	157
SPIRIDONOVA Yu.N., SHATALOV A.S. On Some Issues of a Criminal Case Initiation Stage and Its Place in the System of Pre-Trial Proceedings	162
UTOROVA T.N., KOLPAKOVA L.A. Transformation of Criminal Law Mechanisms for the Protection of State Sovereignty	167
KHAGUR Yu.A. Criminogenic Factors of Arbitrariness	177
TSIRIK S.V. Problems of Using the Category of Intellectual Property in Criminal Law ..	182
MOLODOVA K.A., KONDRATOVSKAYA S.N., SAVINOV D.V. Encouraging Employees to Work in Good Faith: Problems of Legal Regulation and Solutions.	186
SALMINA I.A. A Procedure for the Execution of Court Decisions as an Object of Criminal Law Protection	193
KIRILOVSKAYA N.N. Criminalization of Ecocide at International and National Levels	199

*The organization's activities are recognized as extremist and are prohibited on the territory of the Russian Federation.

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Вашему вниманию предлагается четвертый в 2024 г. выпуск сетевого научно-практического журнала «*Ius publicum et privatum*».

На страницах журнала рассматриваются актуальные вопросы российского и зарубежного законодательства, эффективности применения правовых норм и совершенствования нормотворческого процесса, анализируются теоретические и исторические аспекты государственно-правовых явлений.

Журнал включает рубрики, соответствующие различным отраслям права и направлениям юридической деятельности.

Выпуск открывают материалы, публикуемые в рамках специальности **«Теоретико-исторические правовые науки»**.

В статье Д. М. Апкаева анализируется категория «привилегия», акцентируется внимание на ее эвристическом характере и ориентации на достижение нового результата: издание нового закона, внесение нового правила в действующий закон, отмену устаревшего закона. Раскрывается теоретико-правовое содержание рассматриваемой категории с позиции системного подхода. Представлен конгломерат ключевых признаков правовых привилегий: социальность, нормативность, формальная определенность, институциональность, обязательность, выражающаяся в государственном принуждении, интеллектуально-волевой характер, субъективная избирательность, процедурность, референтность с понятием «правовое преимущество».

Продолжает рубрику подготовленная доктором педагогических наук, кандидатом юридических наук, доцентом В. Е. Лапшиным, рецензия на монографию «Метатеория и методология права и правопорядка» под редакцией доктора юридических наук А. В. Аверина и доктора юридических наук, профессора М. Л. Давыдовой. По мнению автора рецензии, исследование проблем права и правопорядка неизбежно связано с обращением к методологическим вопросам, которые должны быть решены с учетом контекстуальности и многоуровневности права и правопорядка. Именно в этом ключе рассматриваются общетеоретические и отраслевые проблемы рецензируемой монографии. В заключение В. Е. Лапшин отмечает, что монография содержит оригинальный авторский материал, направленный на решение проблем понимания и применения метатеории и методологии в исследованиях права и правопорядка.

В исследовании кандидата юридических наук Т. В. Петровой рассматривается феномен доверия как одного из основных элементов системы правовых ценностей. Отмечается, что моральные и правовые ценности неразрывно связаны с социальной природой человека и общества. Подчеркивается важность разграничения понятия «доверие» в праве, социологии и философии. В праве доверие имеет трехступенчатую структуру, которая проявляется на индивидуальном, групповом и общесоциальном уровнях, выполняет измерительную функцию, отражающую отношение граждан к правовой системе, а также деятельности органов государственной власти и государству в целом.

Специальность **«Публично-правовые (государственно-правовые) науки»** представлена тремя статьями. Открывает рубрику исследование кандидата юридических наук Н. В. Анискиной, доктора юридических наук, профессора Ю. И. Мигачева, Е. С. Крыловой. В статье рассматриваются основные процессуальные проблемы и противоречия, возникающие в правоприменительной практике арбитражных судов и судов общей юрисдикции при решении вопроса о подсудности дел об административных правонарушениях по ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ. Сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства в части формирования единого подхода к вопросу определения подсудности дел, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии), а также ужесточения санкций за нарушения, предусмотренные ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ.

Следующая статья подготовлена кандидатом экономических наук, доцентом Л. Л. Малковой и Д. О. Сизовым. Авторами исследуются теоретико-правовые и прикладные вопросы ротации кадров на государственной службе. Анализируется понятие «ротация кадров», раскрываются правовые основы данного института, приводится классификация видов ротации кадров, рассматривается зарубежный опыт применения данной кадровой технологии. Также в статье представлены результаты анкетирования государственных служащих, касающегося вопроса ротации кадров, сформированы предложения по совершенствованию исследуемого правового института.

В статье доктора юридических наук, доцента Р. В. Нагорных обосновывается вывод о том, что положение осужденных напрямую зависит не только от справедливости правосудия, но и от законности применения дискреционных полномочий должностными лицами пенитенциарных учреждений. Использование дискреционных полномочий без надлежащей ответственности и контроля приводит к фактическим нарушениям прав человека. Постепенное же внедрение в пенитенциарную практику моделей, способствующих большей транспарентности и ответственности персонала в принятии решений, поможет достичь баланса между необходимостью обеспечения внутреннего порядка и уважения прав каждого осужденного.

По специальности **«Уголовно-правовые науки»** публикуются семнадцать статей. Открывает раздел посвященная актуальным вопросам уголовной политики в отношении бизнеса и предпринимателей статья кандидата юридических наук, доцента Е. В. Авдеевой. Автором исследуются вопросы неприменения мер защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в ходе расследования преступлений, декриминализации, выделения специальных составов, усложнения процессов, требующих конструирования новых составов и др. Дана оценка их воздействия на общественные отношения в отложенном периоде, сформулированы актуальные проблемы правоприменительной практики и пути их решения. Проанализированы тенденции, которые обусловлены развитием технологий,

экономических отношений, рассмотрен вопрос введения института уголовной ответственности юридических лиц.

В исследовании кандидата юридических наук, доцента А. В. Агаркова рассматривается структура ячейки международного общественного движения «АУЕ», деятельность которого признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации. В ходе судебных разбирательств по уголовным делам, связанным с деятельностью движения, была выявлена проблема разграничения исторически сложившихся норм криминальной субкультуры и идеологии преступного мира, являющихся основой деятельности рассматриваемой организации. Даны рекомендации по разрешению указанной проблемы, которые могут быть использованы в ходе уголовного судопроизводства.

В статье доктора юридических наук, профессора Е. А. Антонян и доктора юридических наук, доцента О. Р. Афанасьевой проведен комплексный анализ современной экологической преступности и определены тенденции ее развития как результата реализации государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования. Авторы статьи пришли к следующим выводам: 1) динамика количества зарегистрированных экологических преступлений и числа лиц, выявленных за их совершение, в период с 2017 по 2023 г. характеризуется тенденцией к снижению, что, по мнению специалистов, не отражает реального состояния преступности ввиду высоких показателей ее латентности; 2) установлена тенденция к снижению доли экологической преступности в общей структуре зарегистрированной преступности; 3) наблюдается рост раскрываемости на фоне сокращения абсолютных показателей, отражающих количество раскрытых и нераскрытых экологических преступлений.

В статье доктора юридических наук, кандидата психологических наук, профессора О. Г. Ковалева рассматриваются содержание и особенности профилактической деятельности с осужденными как средство обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы, роль пенитенциарных психологов, начальников отрядов, воспитателей, представителей оперативных, режимных и надзорных подразделений учреждений уголовно-исполнительной системы в ее проведении. Поднимаются вопросы организации взаимодействия сотрудников при осуществлении общей пенитенциарной и оперативно-розыскной профилактики, реализации основных ее видов (групповой и индивидуальной), современных приемов, методов и технологий для обеспечения безопасности в уголовно-исполнительной системе.

Доктор юридических наук, профессор О. С. Кучин рассматривает понятие хищения, его признаки, формы, способы. Акцентируется внимание правоприменителя на постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации в части квалификации хищения в форме мошенничества и постановления Конституционного Суда Российской Федерации, где предметом рассмотрения явилось слушание дела о проверке конституционности п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ. Делается вывод, что правоприменитель при квалификации действий виновных лиц не всегда учитывает требования диспозиции соответствующих статей УК РФ и разъяснения высшей судебной инстанции страны.

В исследовании Ю. А. Ложкина на основе уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки проведен сравнительный анализ двух схожих по своему содержанию уголовно-процессуальных институтов (досудебного соглашения о сотрудничестве в Российской Федерации и сделки о признании вины в США), описаны их сходства и различия, достоинства и недостатки по отношению друг к другу. Сделан вывод о том, что сделка о признании вины воплощает в себе принцип процессу-

альной экономии, который ставится в приоритетное положение по отношению к принципу установления объективной истины по уголовному делу.

Продолжает рубрику статья кандидата юридических наук, доцента Р. М. Морозова, посвященная внедрению искусственного интеллекта в деятельность органов предварительного расследования. Автором выдвинуто предположение, что использование искусственного интеллекта может повысить производительность труда сотрудников следственных органов и сократить объем выполняемых ими задач, помочь в анализе больших объемов данных, выявлении закономерностей и раскрытии преступлений прошлых лет и серийных преступлений, а также поспособствовать биометрической идентификации преступников, установлению места происшествия и выполнению повседневных задач, таких как заполнение статистических карточек и составление запросов. По мнению автора, для эффективного применения искусственного интеллекта требуются изменение уголовно-процессуального законодательства, внедрение электронного уголовного дела и уточнение понятия технических средств.

Исследование доктора юридических наук В. Н. Некрасова продолжает серию статей, посвященных поиску условий, основных принципов и «маяков», на которые следует ориентироваться при разработке и реализации уголовно-правовых механизмов, направленных на обеспечение эффективного осуществления инновационной деятельности в Российской Федерации. В статье анализируются особенности инновационной деятельности и ее видов, формулируются предложения по перечню уголовно-правовых средств, направленных на охрану инновационных общественных отношений.

В статье доктора юридических наук, доцента Н. В. Румянцева и А. А. Рысева рассмотрены регулятивные и атрибутивные элементы, составляющие структуру криминальной субкультуры лидеров преступной среды, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, с точки зрения практического значения для привлечения их к уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии. Предложена характеристика регулятивного элемента через призму принятых лидерами преступной среды правил поведения для всех участников данного сообщества. Определены проблемы толкования криминальной идеологии, рассмотрены примеры, при которых сторона защиты, решая свои задачи, пытается перевести криминальные понятия в правовое поле.

Раздел продолжает исследование кандидата юридических наук, доцента Л. Л. Санташовой и Е. О. Лапенкова, которое посвящено основным проблемам поддержания социально полезных связей осужденных к лишению свободы и направлениям их совершенствования. Авторами анализируются нормы законодательства, направленные на восстановление и укрепление социально полезных связей осужденных, предлагаются изменения в УИК РФ.

В статье кандидата юридических наук, доцента О. В. Саратовой и доктора юридических наук, профессора Н. А. Власовой рассматривается ряд проблемных моментов, возникающих в ходе реализации полномочий прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Анализируются позиции авторитетных ученых и предлагается ряд дополнений в действующее отечественное законодательство.

Продолжает рубрику статья Д. В. Сафоновой, в которой анализируются наиболее часто встречающиеся в юридической литературе критерии социальной обусловленности нормативных предписаний в части установления уголовной ответственности за совершение мошенничества с использованием электронных средств платежа. Обосновывается социальная необходимость данной ответственности и делается вывод о нецелесообразности

борьбы с таким проявлением мошенничества административными или гражданско-правовыми средствами.

Исследование П. В. Смирновой посвящено научной критике как одному из значимых методов познания правовой действительности. В условиях постклассического этапа становления научной мысли сформировался плюрализм взглядов на методологию уголовно-правовой науки. Особенно роль научной критики прослеживается при реформировании уголовного законодательства, которое сегодня вступило в новую стадию – активного использования института административной преюдиции. В юридической литературе все чаще ведется дискуссия о значении и сущности феномена научной критики. В связи со сложностью предмета уголовного права возникает существенная необходимость определения научно обоснованных методик применения критико-правового метода при проведении правовых исследований.

Кандидат юридических наук, доцент Ю. Н. Спиридонова и доктор юридических наук А. С. Шаталов рассматривают проблемы процессуального статуса участников уголовного судопроизводства, заинтересованных в исходе дела; вопросы обеспечения и реализации их прав на стадии возбуждения уголовного дела; способы проверки сообщений о преступлениях, такие как получение объяснений и изъятие предметов и документов, а также вопросы дальнейшего совершенствования стадии возбуждения уголовного дела.

В статье кандидата юридических наук, доцента Т. Н. Уторовой и кандидата юридических наук, доцента Л. А. Колпаковой исследуется эволюция уголовного законодательства России в сфере защиты конституционного строя в период 2013–2024 гг. Проанализированы причины и последствия введения четырнадцати новых составов преступлений в гл. 29 УК РФ. Выявлены основные направления криминализации: противодействие сепаратизму, защита Вооруженных сил Российской Федерации, борьба с диверсионной деятельностью, экстремизмом и угрозами со стороны иностранных организаций. Особое внимание уделено проблемам правоприменения новых норм, включая неопределенность юридических конструкций и сложности разграничения смежных составов. Определены ключевые тенденции развития законодательства: усиление репрессивной составляющей, акцент на превентивных мерах, расширение уголовной юрисдикции в отношении деятельности иностранных организаций. Сделан вывод о смещении баланса в сторону приоритета государственной безопасности над личными правами граждан.

В статье Ю. А. Хагур анализируются общеуголовные причины и условия преступности, определяются их роль и значение при самоуправстве. Сделан вывод о влиянии общеуголовных детерминант преступности на совершение самоуправства, которое является либо способом разрешения социального конфликта, либо этапом в достижении других общественно опасных целей.

Завершает рубрику статья С. В. Цирика, в которой с позиции правоприменения рассматриваются проблемы использования категории «интеллектуальная собственность» в уголовном законодательстве. На основании анализа различных источников права делается вывод об отсутствии единого понятийного аппарата по исследуемому вопросу. Интеллектуальная собственность трактуется неоднозначно, приводится авторское определение рассматриваемого явления для целей уголовного законодательства.

Специальность **«Частно-правовые (цивилистические) науки»** представлена двумя статьями.

В статье К. А. Молодовой, кандидата юридических наук, доцента С. Н. Кондратовской и Д. В. Савинова проведен анализ действующего трудового законодательства России в ча-

сти порядка применения мер поощрения и взыскания работников, сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования поощрений и взысканий в трудовых отношениях.

И. А. Салмина в своем исследовании отмечает, что реализация судебной власти выступает необходимым залогом устойчивости и нормального существования государства и общества, соблюдения законности и правопорядка, защиты прав, свобод и законных интересов граждан и иных субъектов правоотношений. Вместе с тем судебная власть – это сложный системный институт, базирующийся на целом комплексе составляющих его элементов, отражающих ценностные ориентиры, а также организационные и процессуальные аспекты функционирования власти. В статье рассматривается порядок исполнения судебных решений как объект уголовно-правовой охраны, исследуются его содержание и структура, выявляются существующие уязвимости и определяются пути их устранения либо обеспечения надежной защиты.

Завершает выпуск публикация по специальности **«Международно-правовые науки»**. В статье кандидата юридических наук, доцента Н. Н. Кириловской рассматривается вопрос криминализации экоцида в международном и национальном праве. Автор отмечает, что здоровая окружающая среда является важнейшим условием существования человечества и для ее защиты важно криминализировать экоцид на международном уровне установить индивидуальную уголовную ответственность для должностных и частных лиц. Обращается внимание, что при наличии положительных результатов криминализации экоцида на национальном уровне, в законодательстве некоторых государств отсутствуют такой состав преступления, общие позиции относительно названия данного преступления, его состава, квалификации и мер наказания.

Мы приглашаем активных читателей и авторов нашего журнала обмениваться научными идеями на его страницах. Надеемся, что статьи, представленные в данном выпуске, будут способствовать пополнению и обновлению научной базы исследований по разным правовым вопросам.

С уважением,
главный редактор доктор юридических наук

Некрасов Василий Николаевич

Научная статья

УДК 341

doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.001

Теоретико-правовое содержание категории «привилегия»

ДАМИР МАРАТОВИЧ АПКАЕВ

Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир,
Россия

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

damirrrhan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2530-2430>

Аннотация. В статье проанализировано значение категории «привилегия», акцентировано внимание на ее эвристическом характере и ориентации на достижение нового результата: издание нового закона, внесение нового правила в действующий закон, отмену устаревшего закона. Дано теоретико-правовое содержание категории «привилегия», точки зрения системного подхода. Представлен конгломерат ключевых признаков правовых привилегий: социальность; нормативность; формальная определенность; институциональность; обязательность, выражаемая в государственном принуждении; интеллектуально-волевой характер; субъективная избирательность; процедурность; референтность с понятием «правовое преимущество».

Ключевые слова: привилегия; правовое регулирование; равноправие; преимущества; право.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Д л я ц и т и р о в а н и я: Апкаев Д. М. Теоретико-правовое содержание категории «привилегия» // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 4 (28). С. 15–23. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.001.

Original article

Theoretical and Legal Content of the Category “Privilege”

DAMIR M. APKAEV

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir,
Russia

Penza State University, Penza, Russia

damirrrhan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2530-2430>

Abstract. Studying the meaning of privilege, it is initially necessary to pay attention to the fact that it is heuristic in nature and aims to achieve a new result: publication of a new law, introduction of a new rule into the current law, and repeal of an outdated law. The theoretical and legal content of the category “privilege” should be considered from various points of view of a systematic approach. The conglomerate of key features of legal privileges should be produced in the following order: sociality; normativity; formal certainty; institutionality; obligation expressed in

state coercion; intellectual and volitional character; subjective selectivity; procedural nature; reference with the concept of "legal advantage".

Key words: privilege; legal regulation; equality; advantages; law.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Apkaev D.M. Theoretical and legal content of the category "privilege". *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 4 (28), pp. 15–23. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.001.

При осмыслении содержания правовой нормы необходимо иметь в виду, что законодатель – это субъект правотворчества, который может сделать грамматическую ошибку или нарушить общепринятый языковой стиль. Иногда неточность, допущенная законодателем с точки зрения русского языка, влечет за собой неправильную интерпретацию закона правоприменителем, что может сказаться на реализации привилегий, указанных в акте.

Привилегия как особая правовая категория является значимым компонентом юридической действительности, согласно которой отдельным индивидам предоставляется возможность иметь и пользоваться наиболее фундаментальными благами и средствами для комфортного существования в социальном пространстве.

Общественная значимость привилегий для развития всего социума предельно велика. Они играют глубинную преобразовательную роль при коллективной регуляции. Как правило, настоящий феномен подразумевает, что нельзя иметь или делать некоторые вещи, пока не получишь разрешение. Например, можно воспользоваться привилегией и быть членом парламента, только если сначала добиться разрешения быть законно избранным.

Для того чтобы при апелляции к привилегиям имелись определенные порядок и стабильность в ее предоставлении, дефиниция «привилегия» начинает использоваться в нормативных положениях, выражая возможность совершать действия или получать выгоду, а также разрешать или отказывать другим совершать то же действие или получать такую же выгоду. Впервые факт употребления указанного понятия можно обнаружить в римском праве.

Привилегия (*privilegium*) в переводе с латинского означает «специальный закон для особого лица», «закон или постановление, изданные в пользу или против одного лица, то есть исключительный закон», «привилегия, преимущественное право» [1, с. 811]. Наиболее ярким примером существования настоящего феномена в римской юриспруденции является термин «*privilegium odiosum*», обозначающий особое правовое положение, связанное с ущербом для его обладателя [2, с. 75].

Конечно, нельзя в полной мере утверждать, что семантическое значение слова «привилегия» со времен существования римского права осталось неизменным. Вполне вероятно, что его смысловая нагрузка за время существования в праве несколько видоизменилась. Рассмотрим различные определения привилегии, которые являются актуальными на сегодняшний день.

Прежде всего обратимся к известным тезаурусам, в которых разъясняется значение и смысл целого ряда слов и словосочетаний. Так, многочисленные современные словари репрезентируют понятие «привилегия» в трех ипостасях; во-первых, как исключительное право, преимущество, предоставленное государственному органу либо должностному лицу; во-вторых, в качестве монопольного права на изобретение, специального докумен-

та, удостоверяющего и охраняющего это право; в-третьих, в виде исключительного права на льготы или (и) льготы, предоставленные таким правом [3, с. 194].

Интересной видится интерпретация лексемы «привилегия» в Толковом словаре русского языка под авторством С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. В своем глоссарии они объединили в себе несколько понятий и под привилегией понимают «преимущественное право, льгота» [4, с. 588]. Предположительно данный подход обусловлен тесной корреляцией таких дефиниций в повседневном обиходе. Действительно «преимущественное право» и «льгота» в семантическом значении соприкасаются друг с другом и могут означать одно и то же. Однако считаем, что не следует говорить об их смысловой идентичности в юридической сфере.

Не ограниваясь только анализом энциклопедического значения понятия «привилегия», очень важно рассмотреть его общеправовое содержание. Для этого обратимся к трактовкам видных ученых права по поводу данного лексического оператора.

Достаточно емкое определение привилегии предлагают А. В. Малько и С. Ю. Суменков: она представляет собой юридическое преимущество, направленное на создание режима наибольшего благоприятствования, распространяющееся главным образом на властные органы и должностные лица, характеризующее специальный и индивидуальный статус субъектов, имеющее для них стимулирующее и компенсирующее значение [5, с. 84].

А. Г. Репьев на основе выделенных им признаков привилегии указывает, что привилегия – это юридическое преимущество, заключающееся в предоставлении особых дополнительных прав и гарантий путем материального, духовного, властного или иного содействия, осуществляемого на основе положительной оценки предпринимательской, трудовой, служебной и иной социально полезной деятельности для ее прямой или опосредованной поддержки [6, с. 59].

Разделяя в целом позицию названных ученых, хотелось бы отметить, что феномен привилегии в праве непосредственно связан с разнообразными подходами к дефиниции «право» и может быть определен через позитивистское правопонимание. Таким образом, привилегии в праве можно рассматривать, по крайней мере, в двух плоскостях: первая обусловлена недоработками, которые определяются как дефекты в праве, возникающие вследствие объективных и субъективных обстоятельств; вторая – позитивной природой и предопределяет понятие «правовые привилегии». Широкое понимание правовых привилегий заключается в представлении их как совокупности правовых средств, которые обеспечивают формирование объема и содержания свободы, а в узком понимании – совокупности условий, которые являются некими препятствиями на пути реализации субъективного права в рамках реализации общественных отношений.

Подтверждая высказанное выше предположение, следует констатировать, что привилегии в праве и правовые привилегии не являются тождественными. Привилегии в праве более емкое понятие, так как объединяют в себе и правовые привилегии, и дефектные состояния, детерминированные объективными и субъективными факторами при формировании и реализации законодательных установлений.

Анализ теоретико-правового содержания данной категории невозможен без выявления и раскрытия ее самобытных характеристик. В случае названного феномена этот аспект в юридической литературе является предельно дискуссионным. Об этом свидетельствует целый конгломерат выявленных признаков. Почти в каждом определении исследователи апеллируют к череде поливариантных качеств настоящего правового явления. Обобщая весь

спектр сведений и научных изысканий по этому вопросу, выделим следующие ключевые признаки категории «привилегия».

1. Социальность. Данный признак характеризует основное содержание привилегии, выражающееся в способности привилегии упорядочивать отношения в обществе. При регулировании применяются способы дозволистского и ограничительного характера.

Правовое регулирование привилегий охватывает социальные процессы и явления, происходящие в обществе. В процессе развития общественных отношений трансформируются также основные направления социального регулирования. Для того чтобы обеспечить согласованность личной свободы индивида с общественным самосохранением, необходимо не только нравственное совершенствование, но и существование в обществе правовых привилегий, которые предписывают возможность совершать определенные действия в конкретных ситуациях.

Таким образом, привилегии обеспечивают интеграцию общества, приводят к консенсусу социальных сил в целях достижения экономической, демографической, политической и социальной стабильности.

2. Нормативность. Нормативность привилегии обусловлена естественной и необходимой потребностью общества в урегулировании отдельных социальных связей. Сущность нормативности заключается в направленности на регулирование охранительных отношений, внесение в них общеобязательности и порядка, определенного правила поведения.

Я. В. Гайворонская, раскрывая структуру нормативности, отмечала ее как первичное, исходное свойство социальной материи, предопределяемое ее внутренней потребностью в упорядоченности и способностью к самоорганизации [7, с. 148]. Таким образом, нормативность привилегий выражается в систематизации социальных норм, которые направлены на упорядочение общественных отношений.

Предоставление привилегий должно устанавливаться законом, основываться на обоснованности и целесообразности данных привилегий, сочетании интересов личности и публичных интересов в области реализации привилегий. Здесь интересно мнение А. А. Дергунова, который, рассматривая проблему соотношения преимущественного права и привилегии, отмечал, что последняя как компонент преимущественного права должна представлять собой нормативно закрепленную возможность обладать благом, которого нет у иных субъектов [8, с. 120].

Привилегия выступает как закрепленная система нормативных предписаний, регламентирующих порядок предоставления преимуществ отдельной группе лиц. И вполне справедливо под привилегиями понимать такие случаи, когда при всех прочих условиях преимущество предоставляется законом определенной группе лиц, обладающих какими-то особыми признаками.

Важным критерием нормативности привилегии являются правовые основания ее получения. Они имеют различные причины. Например, замещение высшего должностного положения в политической сфере (самостоятельная область деятельности и управления делами общества, включая экономику, культуру и иные социальные сферы, а также внутренние и внешние направления взаимодействия через отношения между общественными объединениями (нации, классы, политические объединения) и вовлекая данные элементы в деятельность по управлению данными государственными делами) предоставляет привилегии в виде служебного автотранспорта [9].

Следует подчеркнуть, что правомерное предоставление привилегии не нарушает права и свободы человека и гражданина, не умаляет их, а лишь увеличивает тот их объем, который был индивиду предоставлен ранее.

Объем и содержание привилегии должны быть подвижными и вводиться/отменяться в зависимости от изменений, происходящих в обществе.

Таким образом, под нормативностью как признаком привилегии следует понимать ее отражение как объективного явления правовой реальности в юридической норме, зафиксированной в соответствующей форме права, характеризующейся наивысшими пределами, объемами, что детерминировано разумностью, обоснованностью и законностью правовой регламентации общественных отношений.

3. Формальная определенность. П. П. Баранов указывает, что в современных условиях развития государственности и правовой культуры привилегия, принятая или санкционированная государством и охраняемая им от нарушений, должна быть зафиксирована в специальной форме [10, с. 122].

Общеобязательность нормы определяется необходимостью к исполнению всех участников общественных отношений. Следовательно, формальная определенность привилегии выражается в письменной форме в официальных документах органов власти и должностных лиц, на основании которых регулируются общественные отношения и действия субъектов общественных отношений.

Формальная определенность в интерпретации привилегии должна основываться на максимальной адекватности законодательства условиям жизни, изменчивости, приспособляемости. Особое внимание стоит уделить быстрому внедрению цифровых технологий в жизнь. Данное обстоятельство обусловлено рядом факторов и, прежде всего, тем, что законодательство должно соответствовать новым потребностям социальной и экономической жизни. А нормативный правовой акт является наиболее подходящей для этого формой права.

4. Институциональность. Институциональность выступает как основополагающий процесс создания юридических норм. С. В. Синюков полагает, что институциональность есть внешнее выражение регулятивной активности государства, главной целью которой является формирование перечня юридических норм [11, с. 114].

Основная функция законотворческого процесса заключается в решении специальных задач, возникающих в связи с выбором наилучшей реализации привилегии. В данной ситуации большая роль отводится «качеству», компетенции законодателя. Именно поэтому юридическая подготовка носит важный характер, так как без нее просто невозможно применение качественного кодифицированного права.

Качество нормативного правового акта, регламентирующего привилегии как конечный продукт законотворчества, находится в прямой зависимости от полноты соблюдения принципов законотворчества непосредственно в ходе осуществления правовой деятельности. В случае несоблюдения механизмов законотворческого процесса могут возникнуть противоречия в обществе по вопросам реализации привилегии.

Говоря о механизме регулирования привилегий в праве, в первую очередь необходимо исходить из того, что он осуществляется в сфере действия права, которое выражается в правовом воздействии и правовом регулировании, а государство возлагает на себя контролирующие задачи.

Таким образом, институциональность привилегии предусматривает строго установленный процесс принятия правовых актов, регламентирующих процесс закрепления, изменения или упразднения привилегии.

5. Обязательность, выражаемая в государственном принуждении. Привилегии не обладают принудительным характером, поскольку в большинстве случаев воспринимаются

обществом социально-необходимыми и полезными регуляторами. Именно поэтому к принудительной стороне привилегии обращаются лишь в случаях нарушения последнего.

Сочетание интересов личности и государства в сфере привилегий предполагает, что свобода личности не носит абсолютный характер, поскольку каждый участник общественных отношений обязан соблюдать пределы своего дозволенного поведения в отношении других лиц и государства. В частности, когда государство предоставляет привилегии, то устанавливается цель достижения равновесия между интересами общества, личности и государства [12, с. 120].

Привилегии могут привести к возникновению социальных разногласий, борьбе между членами общества и внести разлад в равновесие человеческого бытия. В целях установления обязательности исполнения воли законодателя и поддержания порядка государство использует принудительные меры.

За несоблюдение предусмотренных предписаний государство устанавливает наказание, которое является соразмерным совершенному проступку. В тех случаях, когда причиненный ущерб носит незначительный характер, применяется наказание в рамках административной или гражданско-правовой юрисдикции, если же причинен более тяжкий вред, то применяется уголовное законодательство. Таким образом, устанавливая привилегии, государство выступает гарантом его соблюдения.

Возможность наказания является сдерживающим фактором нарушения установленных привилегий. Однако если нарушения норм, регламентирующих реализацию привилегии, носят массовый характер, то применение санкций становится чрезвычайно трудным, а иногда и неэффективным. Общество должно принять привилегии как общие стандарты поведения и признать обязательство их соблюдать. В такой ситуации граждане добровольно соблюдают привилегии, а верховенство права играет фундаментальную роль в обществе, становясь основным механизмом регулирования человеческого поведения и взаимодействия.

6. Интеллектуально-волевой характер привилегии. Привилегии являются результатом выражения воли человека. Ее интеллектуальный аспект связан с тем, что привилегия отражает разные представления, интересы и цели в обществе. Содержание привилегии основывается на социальных и правовых потребностях лица или группы лиц, обладающих правом выражать свободу воли.

Процесс создания привилегий занимает важное место во всей системе правотворчества, огромная роль здесь отведена творческой составляющей. Мыслительную часть также трудно переоценить. Законотворчество – процесс, включающий в себя многонаучный спектр деятельности, работа по обобщению и систематизации – огромный труд, требующий специальной квалификации субъектов, ее проводящих.

Интеллектуально-волевой признак привилегий является основополагающим элементом законотворческого процесса, способствующим реализации творческих замыслов человека в нормативном акте.

7. Субъективная избирательность. Привилегии не должны содержать имен собственных, а скорее применяться к общим классам индивидов. Это особое понимание гласит, что привилегии должны действовать безлично, чтобы уменьшить возможности для дискриминации. Цель состоит не в том, чтобы навязать условия реального равенства между гражданами, а в том, чтобы не допустить, чтобы привилегии наносили ненужный вред отдельным лицам и/или социальным группам.

Применение привилегии не носит массового характера, предусматривает признак избирательности предоставления преимуществ, основываясь на отдельных критериях.

Возможность применения привилегии каждым членом общества нивелирует значение привилегии и ведет к нарушению базовых принципов равноправия. Привилегия является средством, с помощью которого законы отражают интересы общества и отвергают простую волю или капризы нескольких влиятельных лиц. Это, однако, не означает, что законы не могут проводить некоторые различия в привилегиях по возрасту, полу и т. д., если для этого есть веские причины.

Цель привилегии состоит не в том, чтобы продвигать интересы одних людей за счет других, а в том, чтобы защищать всех без каких бы то ни было различий, поддерживать баланс в обществе. Однако данное обстоятельство не является абсолютным. Государственным чиновникам понадобятся особые полномочия, которых нет у обычных граждан. Тем не менее любые привилегии должны быть сведены к минимуму. Такие особые полномочия должны быть возложены не на лицо, а на должность, и они должны толковаться узко, как осуществляемые только для общего блага.

8. Процедурность – создание, применение и защита привилегии, а точнее порядок данных действий, четко регламентируемый законодательством.

Государство не должно устанавливать в законе привилегии, если они не поддерживаются широким консенсусом мнений. Попытка меньшинства принудить большинство приведет к затруднениям в осуществлении общественных отношений. Следовательно, государству необходимо осуществлять свою деятельность для поддержания универсальных внешних условий существования привилегий и регулирования действий людей в интересах общего общественного благосостояния.

Таким образом, единственным источником привилегий, придающим им юридический характер, является признание государством. Привилегия – часть устоявшейся мысли и привычки, которая получила отчетливое и формальное признание в виде общих правил, подкрепленных авторитетом и властью. Только те привилегии, которые государство создает или признает, становятся законом.

9. Референтность с понятием «правовое преимущество». Привилегия – это благо, предоставляемое некоторым субъектам правоотношений с целью установления правового баланса.

С формальной точки зрения нарушением принципа равноправия также выступает предоставление на нормативном уровне привилегий в связи с принадлежностью к той или иной социальной группе. С другой стороны, государство является гарантом защиты прав и свобод граждан, а значит, может и должно предоставлять преимущества лицам, нуждающимся в «особой заботе» со стороны государства.

Привилегии предусматривают наделение определенного субъекта правоотношений преимуществами, заранее оговоренными нормативным актом [13, с. 41].

Получается, что привилегии закрепляют преимущества, которые позволяют претендовать на получение дополнительных прав, регламентируемых и защищенных законодательством. На это указывал А. Г. Репьев, который отмечал, что это «специальный нормативно установленный порядок совокупного применения правил и способов, ставящих субъекта в более выгодное положение относительно других» [14, с. 27].

Преимущества способствуют разрешению ситуаций, которые не были предусмотрены или ожидаемы законодательством, поскольку нормативный акт не может регламентировать порядок действий во всех жизненных ситуациях. Также необходимо указать, что преимущества обеспечиваются последовательностью со стороны правоприменителя, иначе возникнет нарушение принципа равенства перед законом. Они должны быть гибкими и последовательными, поскольку преимущества расширяют законодательство.

Исходя из всего вышесказанного можно резюмировать, что привилегия – это специально закрепленная в нормах права совокупность специальных мер, предпринимаемых государством, направленных на возможность субъекта правоотношений претендовать на конкретный минимум социальных благ и соответствующее поведение контрагентов (государства, органов публичной власти, общества, организаций, граждан), а также обращаться в компетентные юрисдикционные органы за их защитой с целью поддержания и (или) восстановления нормального функционирования общества и государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дворецкий И. Х. Латино-русский словарь. М., 1976. 1096 с.
2. Сомов В.П. Латинско-русский юридический словарь. М., 1995. 104 с.
3. Пашкова Г. Г. Сравнительная характеристика социально-обеспечительных льгот и привилегий // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 30. С. 193–200.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 1994. 907 с.
5. Малько А. В., Суменков С. Ю. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения : моногр. Пенза, 2005. 179 с.
6. Репьев А. Г. Категория «Привилегия»: доктрина, законодательство, практика // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (85). С. 53–60.
7. Гайворонская Я. В. Концепция нормативности права в отечественном правоведении (Советский и постсоветский периоды) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. 246 с.
8. Дергунов А. А. Преимущественное право как юридический термин и правовое преимущество как правовое понятие: вопросы соотношения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 5. С. 116–121.
9. О распространении на Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС) положений Конвенции о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений : федер. закон от 04.11.2019 № 352-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 44. Ст. 6173.
10. Баранов П. П. К вопросу о понятии и сущности права // Москва: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2015. № 3. С. 116–123.
11. Синюков С. В. О понятии правотворчества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. : Экономика. Управление. Право. 2011. Т. 11, № 2. С. 114–117.
12. Холодная Е. В. О правовом принципе баланса интересов личности, общества и государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 3 (122). С. 116–121.
13. Дергунов А. А. Преимущественное право в системе правовых преимуществ: аспекты соотношения // Пролог: журнал о праве. 2022. № 3 (35). С. 34–43.
14. Репьев А. Г. Особая правовая процедура в системе правовых преимуществ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 21–28.

REFERENCES

1. Dvoretiskii I.Kh. *Latino-russkii slovar'* [Latin-Russian dictionary]. Moscow, 1976. 1,096 p.
2. Somov V.P. *Latinsko-russkii yuridicheskii slovar'* [Latin-Russian legal dictionary]. Moscow, 1995. 104 p.
3. Pashkova G.G. Comparative characteristic of social and security privileges and privileges. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of Tomsk State University*, 2018, no. 30, pp. 193–200. (In Russ.).
4. Ozhegov S.I. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 1994. 907 p.

5. Mal'ko A.V., Sumenkov S.Yu. *Privilegii i immunitety kak osobye pravovye isklyucheniya: monogr.* [Privileges and immunities as special legal exceptions: monograph]. Penza, 2005. 179 p.
6. Rep'ev A.G. Category "privilege": doctrine, legislation, practice. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 1 (85), pp. 53–60. (In Russ.).
7. Gaivoronskaya Ya.V. *Kontseptsiya normativnosti prava v otechestvennom pravovedenii (Sovetskii i postsovetskii periody): dis. ... kand. yurid. nauk* [The concept of normativity of law in domestic jurisprudence (Soviet and post-Soviet periods): Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Saint Petersburg, 2001. 246 p.
8. Dergunov A.A. Preemptive right as a legal term and legal advantage as a legal concept: issues of correlation. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 2021, no. 5, pp. 116–121. (In Russ.).
9. On the Extension to the World Intellectual Property Organization (WIPO) of the provisions of the Convention on the Privileges and Immunities of Specialized Agencies: Federal Law No. 352-FZ of November 4, 2019. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2019. No. 44. Art. 6, 173. (In Russ.).
10. Baranov P.P. On the question of the concept and essence of law. *Moskva: Rossiiskaya akademiya narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii = Moscow: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*, 2015, no. 3, pp. 116–123. (In Russ.).
11. Sinyukov S.V. On the concept of lawmaking. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Proceedings of the Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*, 2011, vol. 11, no. 2, pp. 114–117. (In Russ.).
12. Kholodnaya E.V. On the legal principle of balancing the interests of the individual, society and the state. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2018, no. 3 (122), pp. 116–121. (In Russ.).
13. Dergunov A.A. Preferential right in the system of legal advantages: aspects of the ratio. *Prolog: zhurnal o prave = Prologue: Journal of Law*, 2022, no. 3 (35), pp. 34–43. (In Russ.).
14. Rep'ev A.G. Special legal procedure in the system of legal advantages. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of Tomsk State University. Law*, 2019, no. 34, pp. 21–28. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДАМИР МАРАТОВИЧ АПКАЕВ – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, соискатель Пензенского государственного университета, Пенза, Россия, damirrrhan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2530-2430>

DAMIR M. APKAEV – Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia, Degree Seeking Applicant of the Penza State University, Penza, Russia, damirrrhan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2530-2430>

Статья поступила 11.06.2024

Научная статья

УДК 340

doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.002

**Новая волна в исследовании
методологических вопросов отечественной
юриспруденции**
(Рец. на кн.: **Метатеория и методология права
и правопорядка : монография / кол. авторов ;
под ред. д-ра юрид. наук А. В. Аверина, д-ра юрид. наук,
проф. М. Л. Давыдовой. Владимир : Владимирский филиал
РАНХиГС, 2023. 249 с.)**

ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЛАПШИН

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия

Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия

ve_lapshin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>

Аннотация. Методология права имеет важнейшее значение в познании явлений правовой действительности. Исследование проблем права и правопорядка неизбежно связано с обращением к методологическим вопросам, которые должны быть решены с учетом контекстуальности и многоуровневности права и правопорядка. Именно в этом ключе рассматриваются общетеоретические и отраслевые проблемы в коллективной монографии «Метатеория и методология права и правопорядка». В качестве основы метатеории права рассматриваются правовые метафеномены. В контексте изучения сущности правопорядка исследованы инструментальные возможности конструктивизма и поликонтекстуальности. Значительное место уделяется анализу методологических аспектов общеправовых и конституционно-правовых исследований (контент-анализ, коэволюционный процесс, умное регулирование, методология правового регулирования, методология юридической техники, методология теории правоприменения, конституционный правопорядок и др.).

Ключевые слова: правовые метафеномены; правопорядок; методология; правовая методология; методология правового регулирования; правовое регулирование; умное регулирование; юридическая техника; коэволюционный процесс; методология правового познания; контент-анализ; правопонимание; юридическое мышление; метатеоретическое мышление; конструктивизм; поликонтекстуальность; онтология юридической методологии.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Лапшин В. Е. Новая волна в исследовании методологических вопросов отечественной юриспруденции (Рец. на кн.: Метатеория и методология права и правопорядка : монография / кол. авторов ; под ред. д-ра юрид. наук А. В. Аверина, д-ра юрид. наук, проф. М. Л. Давыдовой. Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2023. 249 с.) // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 4 (28). С. 24–28. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.002.

Original article

A New Wave in the Study of Methodological Issues of Domestic Jurisprudence

**(Book review: Metatheory and Methodology of Law and Order:
Monograph. Ed. by Averin A.V., Davydov M.L. Vladimir, 2023. 249 p.)**

VITALII E. LAPSHIN

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
Vladimir, Russia

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir,
Russia

ve_lapshin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>

Abstract. The methodology of law is of crucial importance when studying legal reality phenomena. Consideration of problems of law and the rule of law is inevitably associated with addressing methodological issues that should be resolved taking into account the contextuality and multilevel nature of law and the rule of law. General theoretical and sectoral problems are considered in the monograph “Metatheory and Methodology of Law and Order”. Legal metaphenomena are considered as the basis of the meta-theory of law. In the context of studying the essence of the rule of law, instrumental possibilities of constructivism and polycontextuality are studied. Considerable attention is paid to the analysis of methodological aspects of general legal and constitutional legal research (content analysis, coevolutionary process, smart regulation, methodology of legal regulation, methodology of legal technique, methodology of the law enforcement theory, constitutional law and order, etc.).

Keywords: legal metaphenomena; law and order; methodology; legal methodology; methodology of legal regulation; legal regulation; smart regulation; legal technique; coevolutionary process; methodology of legal cognition; content analysis; legal understanding; legal thinking; metatheoretical thinking; constructivism; polycontextuality; ontology of legal methodology.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Lapshin V.E. A new wave in the study of methodological issues of domestic jurisprudence (Book review: Metatheory and Methodology of Law and Order: monograph. Ed. by Averin A.V., Davydov M.L. Vladimir, 2023. 249 p.). *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 4 (28), pp. 24–28. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.002.

В юридической науке методологические вопросы исследования права и правопорядка имеют важнейшее значение, поскольку от обоснованности выбранного метода и приема исследования во многом зависят его объективность и достоверность. Нередко в качестве генеральной идеи в методологических исследованиях выдвигают проблему правопонимания либо констатируют методологический плюрализм, а идейный стержень не постулируется. В этой связи неподдельный интерес вызывает монографическое исследование на оригинальную тему «Метатеория и методология права и правопорядка». Это коллективный научный труд, который направлен на решение исследовательской задачи анализа особенностей содержания и взаимодействия метатеории и методологии в изучении права и правопорядка.

В настоящее время можно утверждать о формировании широкого спроса на использование в исследованиях метатеоретического подхода [1–6]. В то же время содержательные рамки, а также особенности его использования применительно к правовым исследованиям не получили комплексного и всестороннего освещения. В этой связи предпринятая авторами монографии попытка проанализировать комплекс проблем, связанных с возможностью использования метатеоретического подхода в методологии исследования права и правопорядка, заслуживает пристального внимания и одобрения.

Методология права имеет важнейшее значение в познании явлений правовой действительности. В этой связи методологическим вопросам правоведения всегда уделялось пристальное внимание. Можно отметить труды как представителей советского поколения ученых-юристов (Н. Г. Александров, С. С. Алексеев, В. К. Бабаев, М. И. Байтин, С. Н. Братусь, В. П. Каримерчук, Д. А. Керимов, В. Н. Кудрявцев, О. Э. Лейст, Н. И. Матузов, П. Е. Недбайло, О. С. Иоффе, А. А. Пионтковский, И. С. Самощенко, М. С. Строгович, В. М. Чхиквадзе, В. А. Шабалин, А. Ф. Шебанов, И. Е. Фарбер, Л. С. Явич и др.), так и современных исследователей (В. М. Сырых, В. М. Баранов, Л. В. Голоскоков, Н. А. Власенко, А. И. Овчинников, И. Ю. Козлихин, А. В. Поляков, Ю. Е. Пермьяков, В. А. Толстик, В. В. Трофимов, К. В. Шундилов и др.). Заметный вклад в разработку методологии юридических наук внесли не только правоведы, но и философы (Л. К. Белых, Ф. М. Бурлацкий, Г. М. Гак, Г. Е. Глезерман, Д. И. Чесноков, Е. А. Якуба и др.). В настоящее время эти традиции поддерживаются и современными философами (С. А. Лебедев).

Несмотря на большой объем исследований, состояние методологии в российском правоведении оставляет желать лучшего. Характеризуя концентрацию и интенсивность научных исследований, иногда используют термин «волна». Так, Н. Н. Тарасов на рубеже веков говорил о второй волне интереса ученых-правоведов к вопросам методологии [7, с. 32]. Вот уже подходит к концу первая четверть нового столетия, и, очевидно, можно говорить об интересе к исследованию методологической проблематики в рамках третьей волны. Казалось бы, с учетом существующего в юридической науке запроса на междисциплинарность, междисциплинарность, трансдисциплинарность и т. п. методологические «прорывы» следовало бы ожидать в этом направлении. Попытки подобных экскурсов можно наблюдать в рамках различного рода постклассических исследований права, но говорить о существенных результатах по итогам подобных исследований пока преждевременно. В этой связи импонирует предпринятая коллективом авторов монографии попытка осуществить анализ методологических аспектов права менее революционными средствами. Хотя и здесь без постклассических подходов не обошлось, но в рамках данного монографического исследования подобный симбиоз выглядит вполне удачным. В этом ключе считаем справедливыми утверждения авторов о перспективности «умеренного конструктивизма», который состоит в диалогическом взаимодополнении действия и структуры, проявляющейся в качестве фундаментальной социальной антиномии (И. Б. Ломакина, И. Л. Честнов).

Представляется, что выбранный предмет научного анализа обладает необходимым уровнем новизны и актуальностью. Структурно монография состоит из введения и основной части, включающей три главы. В рамках основной части рассматриваются общая характеристика метатеории и методологии права, методологические аспекты общеправовых исследований, методологические вопросы конституционно-правовых исследований. Работа содержит ряд интересных тем, заслуживающих пристального внимания и дальнейшего осмысления, в частности: рассмотрение правовых метафеноменов как основы метатеории права (В. В. Шаханов), исследование методологии правового познания (А. С. Тимошук),

изучение методологии юридического мышления (Д. В. Зыков), рассмотрение поликонтекстуальности как методологического приема исследования правопорядка (Е. В. Свинин), анализ методологии «умного регулирования», позволяющего сформулировать проблему необходимого качественного изменения технико-юридического инструментария (М. Л. Давыдова и В. В. Слеженков), изучение методологических вопросов юридической техники (М. Л. Давыдова), исследование метатеоретических истоков проблемы правопонимания и методологических аспектов теории правоприменения (А. В. Аверин).

Интересным и перспективным видится применение метода контент-анализа. Контент-анализ является инструментом переработки качественно-описательной формы выражения в количественно-цифровую. Текстовые объекты могут быть многословными, витиеватыми. Одни и те же смыслы могут выражаться в разных словесных формах. Одни и те же слова могут иметь разный смысл. Анализ этапов использования метода и его недостатков создает условия для дальнейшего широкого использования (С. В. Бошно).

Методологически ценными для анализа права и правопорядка являются рассуждения о понятии правового процесса развития как коэволюции (со-развития) естественно-социального (общественного) и искусственного (обусловленного государством, его непосредственной рационально организованной правотворческой и иной юридической деятельностью) источников правовой динамики, как синергетическое единство сил, приводящих в движение сложноорганизованный механизм воспроизводства права, процесс правового развития. В этой связи рассмотрение процессов развития права в качестве коэволюционного процесса предполагает, что объективное и субъективное, естественно-социальное и искусственное (рационально-организованное) находятся в постоянном переплетении и взаимодействии, тем самым отражая сложный процесс организации социально-правовой жизни общества (В. В. Трофимов).

Положительно следует оценить усилия авторов монографии в развитии методологии конституционно-правовых исследований: методологических вопросов формирования категории «конституционный правопорядок» (А. В. Безруков и Е. В. Свинин); особенностей использования методологических средств в сфере публично-правового регулирования (А. В. Каляшин и А. В. Сенатов); методологии конституционно-правовых отношений как универсальной системы равновесия «конституционного режима» (Е. В. Лунгу); метатеоретических аспектов философии международного права в контексте доктрины множественности конститутивных процессов (Э. А. Каракулян).

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что монография содержит оригинальный авторский материал, направленный на решение проблем понимания и применения метатеории и методологии в исследованиях права и правопорядка. Усилия авторского коллектива по исследованию заявленного предмета научного анализа следует признать достаточными, а само монографическое исследование заслуживающим пристального внимания со стороны исследователей, интересующихся проблемами философии и методологии права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шаханов В. В. «Уровневая» система познания права как гносеологическая матрица юриспруденции // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 3. С. 18–31.
2. Карпунина В. В. Метатеоретический подход к исследованию юридической техники: новые возможности и перспективы // *Ius Publicum et Privatum*. 2023. № 4 (24). С. 17–24.
3. Лапшин В. Е., Шаханов В. В. Законность как теоретико-правовая категория (метафеноменальный анализ) // *Ius Publicum et Privatum*. 2022. № 1 (16). С. 39–47.

4. Шаханов В. В. Метафеноменальный анализ как инновация в сфере методологии права // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 474–477.
5. Свинин Е. В. Теоретико-методологические вопросы разработки понятийного ряда абстракции «правопорядок» // Государство и право. 2019. № 2. С. 5–12.
6. Теория и метатеория юридической техники: от правосознания к правопорядку : моногр. / под ред. д-ра юрид. наук А. В. Аверина, д-ра юрид. наук, проф. М. Л. Давыдовой. Владимир, 2022. 242 с.
7. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. 264 с.

REFERENCES

1. Shakhanov V.V. “Level-based” system of law cognition as an epistemological matrix of jurisprudence. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2024, vol. 28, no. 3, pp. 18–31. (In Russ.).
2. Karpunina V.V. Metatheoretical approach to the study of legal technology: new opportunities and prospects. *Ius publicum et privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava = ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 4 (24), pp. 17–24. (In Russ.).
3. Lapshin V.E., Shakhanov V.V. Legality as a theoretical and legal category (meta-phenomenal analysis). *Ius publicum et privatum: setevoi nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava = ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2022, no. 1 (16), pp. 39–47. (In Russ.).
4. Shakhanov V.V. Metaphenomenal analysis as an innovation in the field of methodology of law. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*, 2021, no. 15, pp. 474–477. (In Russ.).
5. Svinin E.V. Theoretical and methodological issues of developing a conceptual series of abstraction “law and order”. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2019, no. 2, pp. 5–12. (In Russ.).
6. *Teoriya i metateoriya yuridicheskoi tekhniki: ot pravosoznaniya k pravoporyadku: monogr.* [Theory and metatheory of legal technology: from legal awareness to law and order: monograph]. Ed. by Averin A.V., Davydova M.L. Vladimir, 2022. 242 p.
7. Tarasov N.N. *Metodologicheskie problemy yuridicheskoi nauki* [Methodological problems of legal science]. Ekaterinburg, 2001. 264 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЛАПШИН – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, ve_lapshin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>

VITALII E. LAPSHIN – Doctor of Sciences (Pedagogy), Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Personality Psychology and Special Pedagogy of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia, professor at the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activity of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia, ve_lapshin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>

Статья поступила 05.11.2024

Научная статья

УДК 340.13

doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.003

Доверие в системе правовых ценностей

ТАТЬЯНА ВЯЧЕСЛАВОВНА ПЕТРОВА

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, tpetrova72@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен доверия как один из основных элементов системы правовых ценностей. Отмечается, что моральные и правовые ценности неразрывно связаны с социальной природой человека и общества. Подчеркивается важность разграничения понятия «доверие» в праве, социологии и философии. В праве доверие имеет трехступенчатую структуру, которая проявляется на индивидуальном, групповом и общесоциальном уровнях, выполняет измерительную функцию, отражающую отношение граждан к правовой системе, а также деятельности органов государственной власти и государству в целом.

Ключевые слова: доверие; правовые ценности; мораль; закон; традиционные ценности; правовая система.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Петрова Т. В. Доверие в системе правовых ценностей // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 4 (28). С. 29–36. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.003.

Original article

Trust in the System of Legal Values

TAT'YANA V. PETROVA

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, tpetrova72@bk.ru

Abstract. The article considers the phenomenon of trust as one of the main elements of the system of legal values. It is noted that moral and legal values are inextricably linked by the social nature of man and society. The importance of distinguishing the concept of “trust” in law, sociology and philosophy is emphasized. In law, trust has a three-stage structure, which manifests itself at the individual, group and general social level, performs a measuring function reflecting citizens’ attitude to the legal system, as well as activities of public authorities and the state as a whole.

Key words: trust; legal values; morality; law; traditional values; legal system.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Petrova T.V. Trust in the system of legal values. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 4 (28), pp. 29–36. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.003.

Правовые ценности играют ключевую роль в области права и имеют огромное значение для общества и взаимоотношений между людьми. Указанные ценности часто перекликаются с моральными, так как обе системы регулируют поведение в обществе и служат для обеспечения порядка и справедливости.

Мораль и закон дополняют друг друга, обеспечивая эффективное социальное управление и стабильность. Законы устанавливаются и контролируются государством, в то время как моральные принципы формируются обществом и могут изменяться со временем. Вместе указанные нормы создают основу для устойчивого и гармоничного общества.

При этом правовыми признаются ценности, которые имеют значение как для отдельного человека, так и для общества в системе права.

В современном обществе правовые ценности формируются в самых разнообразных областях деятельности человека. Среди них можно выделить абсолютные традиционные ценности, которые можно охарактеризовать как неизменные, существующие испокон веков, так как они существовали еще с древних времен. Абсолютные традиционные ценности являются нормами-принципами и указывают на уникальность ценностей для государства.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» традиционные ценности представляют собой определенные нравственные ориентиры, которые лежат в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны. Указанные ценности передаются из поколения в поколение, способствуют формированию взглядов граждан и укреплению гражданского единства, а также находят свое уникальное выражение в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

Среди основных традиционных ценностей можно назвать жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России.

Однако среди перечисленных ценностей отсутствует доверие, так как правовые ценности определяют признание значимости правового поведения и самоопределение субъекта в отношении действующей правовой системы.

Моральные и правовые ценности обладают социальной природой, что способствует их взаимодействию и приводит к возникновению конкретных общественных ценностей. Например, доверие является ценностью, которая играет важную роль в социальной жизни общества и имеет как моральные, так и правовые аспекты.

С моральной точки зрения доверие связано с честностью, верностью и надежностью в отношениях между людьми. Оно способствует развитию социальных связей, основанных на взаимопонимании и сотрудничестве. С правовой точки зрения доверие становится основой для установления и соблюдения правоотношений и различных юридических обязательств. Это позволяет регулировать отношения между людьми на более высоком уровне.

Таким образом, доверие как ценность объединяет моральные и правовые нормы, обеспечивая гармоничное взаимодействие между людьми и их сотрудничество в различных сферах жизни [1, с. 161]

В действующем законодательстве трактовка термина «доверие» не имеет универсального толкования. К примеру, доверие является составообразующим признаком административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ст. 7.27.1 КоАП РФ.

Аналогичная ситуация с интерпретацией термина «доверие» просматривается и в уголовном праве. Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (ред. от 29.07.2021), к сожалению, не раскрыл содержание такого элемента объективной стороны преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 165 УК РФ, как «злоупотребление доверием», по сути, синонимизируя второе слово с «доверительными отношениями»: «Злоупотребление доверием при мошенничестве заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам».

Часть 1 ст. 9 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» закрепляет, что «полиция при осуществлении своей деятельности стремится обеспечивать общественное доверие к себе и поддержку граждан».

Принцип доверия в правовой сфере имеет множество вариаций и может быть иначе истолкован в различных контекстах. Например, согласно определению Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, «доверие требует осуществления действий, которые будут обоснованными и понятными для всех граждан» [2].

Толкование термина «доверие» авторами словарей различно.

К примеру, в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой оно интерпретируется как «убежденность в чьей-нибудь честности, порядочности; вера в искренность и добросовестность кого-нибудь» [3, с. 595].

Д. Н. Ушаков в Большом толковом словаре современного русского языка указывает, что «корнем, образующим слово “доверие”, является “вера”, т. е. признание чего-либо истинным, не требуя доказательств» [4, с. 101].

Среди правоведов следует выделить точку зрения А. Н. Кокотова, который считает, что доверие – это «социально-психологическое явление, задаваемое всей правовой системой» [5, с. 11], а также мнение Н. А. Арапова, согласно которому доверие – «это ожидание граждан, сопряженное с определенными рисками» [6, с. 41].

Следовательно, можно заключить, что доверие в правовой системе всегда сопровождается конкретными действиями, что отличает его от понятия доверия в психологии и социологии. В отличие от эмоционального чувства, доверие, которое проявляется в определенных правовых отношениях, безусловно, является правовой категорией. Кроме того, в указанных правовых отношениях присутствуют как субъекты, так и объекты, что также характеризует изучаемый феномен как правовую категорию. Такие субъекты доверия могут быть не только отдельными физическими лицами, но и государственными органами и государством в целом.

Таким образом, основными характеристиками доверия в качестве правовой ценности можно назвать следующие: зависимость от объекта, которому оказывается доверие, нестабильность, алеаторность, прогностичность, избирательность, верифицируемость, специальный субъектный состав, выражение в действиях.

Доверие является основной ценностью, которая способна создать определенную социальную атмосферу, устраняющую социальное напряжение. Доверие, которое присутствует в общественной жизни, позволяет более эффективно внедрять различные правовые изменения и усиливать соблюдение норм поведения в обществе со стороны граждан. По нашему мнению, если в обществе присутствует доверие к праву в целом, это говорит о том, что люди признают его как ценность и осознают важность соблюдения установленных правил [7, с. 156].

Доверие как определенная групповая ценность, безусловно, имеет большое значение для взаимодействия участников правоотношений в правовом пространстве. В этом аспекте рассматриваемый феномен можно охарактеризовать как некое ожидание (подкрепленное соответствующими правовыми гарантиями, создающими эффект защиты) того, что правоотношения будут развиваться в соответствии с определенной моделью. Обычно это ожидание.

Присутствие доверия между участниками правовых отношений способствует эффективному сотрудничеству вне зависимости от того, являются ли указанные правоотношения межличностными или групповыми. Как отмечает А. Г. Репьев, «доверие – необходимый атрибут эффективного функционирования как устоявшихся государственно-правовых институтов, так и новых» [8]. Таким образом, доверие является неотъемлемой частью механизма выполнения любых юридических отношений. Чтобы успешно осуществить внедрение новой правовой нормы, необходимо иметь доверие к ней и к тем, кто занимается ее реализацией, в противном случае этот процесс не принесет пользы обществу. Согласно И. М. Напольских, «доверие играет важную роль в достижении различных правовых, государственных и социальных задач и помогает быстрее достигать социально значимых целей» [1, с. 162]. Учитывая факт, что доверие в правовой сфере предполагает наличие определенных гарантий выполнения ожидаемых моделей, то можно утверждать, что оно является фактором, повышающим эффективность взаимодействия в правовом и социальном аспекте.

Проанализировав определения доверия, приходим к выводу о том, что доверие играет существенную роль в системе правовых ценностей. Оно применимо как к текущим правовым нормам, так и к самой правовой системе в целом. Доверие способствует формированию позитивного отношения общества к правовым нормам и институтам, которые, в свою очередь, поддерживают порядок и справедливость в рамках правоотношений.

Когда члены общества сталкиваются с ситуациями нарушения своих или чужих прав и считают, что правовые нормы несостоятельны и несправедливы, то это приводит к серьезным искажениям восприятия права и подрывает веру граждан в честность и эффективность деятельности действующих правовых институтов. Поэтому в настоящее время повышенное внимание к доверию со стороны представителей различных сфер общества связано с важностью соблюдения установленных правовых норм.

Правовая система функционирует на разных уровнях (индивидуальном, групповом и общественном), и на каждом из них доверие играет важную роль, так как поддерживается уверенностью в том, что законы выполняют свои функции в интересах улучшения качества жизни населения, а для создания и применения правовых норм необходимо еще учитывать принципы и механизмы доверия.

В целях успешной реализации принципов и механизмов доверия необходимо активное взаимодействие между государством и обществом, которое не должно быть формальным. Например, проведение собрания жителей многоквартирного дома с целью принятия

управленческих решений должно быть не просто для предоставления отчета в вышестоящие органы, а для проведения эффективного и продуктивного диалога, в ходе которого будут найдены оптимальные решения, способствующие улучшению качества жизни всех проживающих в этом доме граждан.

Доверие – важное правовое нормативное понятие, применимое как к социальным отношениям, так и к институциональным процессам. Если граждане обладают высоким уровнем доверия к власти и ее законам, то государство в целом меньше подвержено организационным, правовым и социальным рискам, связанным с функционированием правовой системы. Таким образом, наличие доверия в различных сферах социальных отношений всегда способствует их позитивному и конструктивному развитию.

Так, доверие может быть направлено на выполнение обязательств, поддержание личных взаимоотношений, реализацию политической деятельности и т. д. Создание доверительных отношений формирует и признает ценность интересов и целей, определяет национальное самосознание, а также воплощает принцип справедливости. Правовая определенность доверия подкрепляется нормативными актами, обеспечивающими стабильность в регулируемых правоотношениях и позволяющими оценивать законность и эффективность деятельности органов государственной власти, знать различные способы защиты в случае нарушения прав и свобод граждан.

Нехватка уровня доверия в современной жизни является актуальной проблемой, о которой активно рассуждают в научных кругах. Указания Конституционного Суда Российской Федерации подчеркивают важность сохранения доверия как основы правоприменения.

Так, в одном из своих постановлений Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что «возможность произвольного понимания и применения норм закона является нарушением конституционно признанного равенства всех перед законом и судом; общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом, поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями» [9].

Согласно Конституционному Суду Российской Федерации, неопределенность правовых норм влечет различное и ошибочное их толкование, что, в свою очередь, влечет за собой неоднозначное применение данных норм. Все это может вызвать недоверие как к нормативно-правовым актам, которые регулируют общественные отношения, так и к власти в целом.

Поэтому Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивает важность принципа доверия, основывая его на таких критериях, как стабильность правового регулирования, ясность, недвусмысленность и согласованность правовых норм и правоприменительных решений, единообразное применение закона и единство судебной практики, а также устойчивость правоприменительной практики. Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивает необходимость обеспечения однородности применения закона, что непосредственно связано с сохранением доверия граждан к закону и действиям государственных органов власти в случае изменения ранее установленных правил, которые негативно влияют на правовую ситуацию затронутых лиц и нарушают устоявшуюся практику применения закона. В свою очередь, доверие к суду, во многом, зависит от профессионального подхода самих судей к рассмотрению и разрешению споров, вынесению законных и справедливых решений [10].

Конституционный Суд Российской Федерации подтверждает важность существования доверия как правовой ценности в процессе формирования законов и применения права как основополагающей тенденции развития общества в различных сферах деятельности. Доверие отражает определенный характер развития указанных сфер, ориентирует развитие современной России, где в настоящее время происходит переход к новым принципам организации социальных отношений и социального порядка. В указанных условиях возникает необходимость восстановления веры в абсолютность нравственных принципов и истинность нравственных норм в системе общественных отношений.

При включении понятия «доверие» в систему юридических ценностей необходимо отметить, что это пока достаточно малоизученный исследователями феномен. Из-за этого в современных социально-экономических и политических условиях развития государства возникают спорные моменты, связанные с проблемами защиты прав человека, обеспечением безопасности и мира. Все это имеет важное значение для эффективного функционирования различных правовых и общественных институтов.

Изучая доверие как элемент системы правовых ценностей, стоит отметить, что в ходе анализа правоотношений в обществе должны исследоваться не только сами ценности, но и установки, которые определяют общественное поведение и интересы отдельных граждан и социальных групп. Указанные установки формируются в процессе накопления жизненного опыта, взаимодействия с другими людьми и при непосредственном самоанализе. Как раз одной из ключевых установок в обществе является доверие, которое проявляется через отношение личности к миру, самому себе и другим людям. Рассматриваемое ощущение должно быть основано на безопасности и признании ценности себя и окружающего мира.

Доверие как правовая ценность включает в себя несколько важных элементов:

- побудительные начала, или причины, – это потребности, интересы, стремления;
- прогнозы – возможности человека;
- ценностно-смысловые элементы – это смысловые образования, используемые для оценки и контроля конкретной ситуации.

В связи с этим доверие может быть классифицировано как инструментальная и терминальная ценность.

Право – это ценнейший инструмент, который обладает способностью влиять на решение различных вопросов. Взаимодействие права с государством, церковью, общественными объединениями и гражданами играет ключевую роль в формировании рыночной экономики, поддержании демократии, сохранении норм морали и повышении уровня культуры. Оно устанавливает определенные стандарты и нормы поведения, а для успешной и эффективной реализации указанного взаимодействия очень важно присутствие доверия.

Взаимосвязь государства и общества неотъемлема, ведь в процессе реализации общественных отношений данные институты взаимодействуют и поддерживают друг друга. Государство и общество создают систему правовых ценностей, основанную на главном законе нашей страны – Конституции Российской Федерации. Данная система состоит из базовых ценностей, защищаемых государством, и традиционных ценностей, и доверие в этой системе находится на первом месте.

Таким образом, проведя анализ важности феномена «доверия» в системе правовых ценностей, можно сделать вывод о значимой роли доверия в правовой системе, поскольку оно является одним из основных и базовых ценностных элементов, на который опираются правотворчество, правореализация и правоприменение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Напольских И. М. Доверие как правовая ценность // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9, № 4. С. 161–164.
2. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2021 г. № 58-КАД20-10-K9. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=662633#Jun7esTM986wEgUG> (дата обращения: 10.10.2023).
3. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т.: ок. 160 000 слов. М., 2006. Т. 1: А–Л. 1165 с.
4. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2008. 1239 с.
5. Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право : моногр. М., 2020. 192 с.
6. Арапов Н. А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве и правосудии : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. 277 с.
7. Малахов В. П. Философия права. Идеи и предположения : учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. «Юриспруденция» и «Философия». М., 2017. 391 с.
8. Репьев А. Г. Доверие как основа культуры правовой коммуникации // Вестник СГЮА. 2022. № 2 (145). С. 15–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-kak-osnova-kultury-pravovoy-kommunikatsii> (дата обращения: 13.10.2023).
9. По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л. Н. Ситаловой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.04.1995 № 3-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6482/ (дата обращения: 10.10.2023).
10. Информация Конституционного Суда Российской Федерации от 19 октября 2021 г. Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399426/ (дата обращения: 10.10.2023).

REFERENCES

1. Napol'skikh I.M. Trust as a legal value. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta* = *Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*, 2022, vol. 9, no. 4, pp. 161–164. (In Russ.).
2. *Kassatsionnoe opredelenie Sudebnoi kollegii po administrativnym delam Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 24 marta 2021 g. No. 58-KAD20-10-K9* [Cassation Ruling of the Judicial Board for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2021 No. 58-KAD20-10-K9]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=662633#Jun7esTM986wEgUG2> (data obrashcheniya: 10.10.2023).
3. Efremova T.F. *Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 3 t.: ok. 160000 slov. T. 1: A–L* [Modern explanatory dictionary of the Russian language: in 3 volumes: approx. 160,000 words. Vol. 1: A–L]. Moscow, 2006. 1,165 p.
4. Ushakov D.N. *Bol'shoi tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Great explanatory dictionary of the modern Russian language]. Moscow, 2008. 1,239 p.
5. Kokotov A.N. *Doverie. Nedoverie. Pravo: monogr.* [Trust. Distrust. Law: monograph]. Moscow, 2020. 192 p.
6. Arapov N.A. *Printsip podderzhaniya doveriya grazhdan k zakonu i deistviyam gosudarstva v rossiiskom konstitutsionnom prave i pravosudii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Principle of maintaining citizens' trust in the law and the actions of the state in Russian constitutional law and justice: Candidate of Law (Sciences) dissertation]. Saint Petersburg, 2015. 277 p.
7. Malakhov V.P. *Filosofiya prava. Idei i predpolozheniya: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nostyam "Yurisprudentsiya" i "Filosofiya"* [Philosophy

of law. Ideas and assumptions: textbook for university students studying in the specialties "Jurisprudence" and "Philosophy"]. Moscow, 2017. 391 p.

8. Rep'ev A.G. Trust as the basis for a culture of legal communication. *Vestnik SGYuA = Bulletin of the Samara State Law Academy*, 2022, no. 2 (145), pp. 15–25. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-kak-osnova-kultury-pravovoy-kommunikatsii> (In Russ.). (Accessed October 13, 2023).

9. *Po delu o proverke konstitutsionnosti chastei pervoi i vtoroi stat'i 54 Zhilishchnogo kodeksa RSFSR v svyazi s zhaloboi grazhdanki L.N. Sitalovoi: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 25.04.1995 No. 3-P* [In the case of checking the constitutionality of parts one and two of Article 54 of the Housing Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen L.N. Sitalova: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 3-P of April 25, 1995]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6482/ (accessed October 10, 2023).

10. *Informatsiya Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 19 oktyabrya 2021 g. Metodologicheskie aspekty konstitutsionnogo kontrolya (k 30-letiyu Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii)* [Information of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 19, 2021. Methodological aspects of constitutional control (to the 30th anniversary of the Constitutional Court of the Russian Federation)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399426/ (accessed October 10, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТАТЬЯНА ВЯЧЕСЛАВОВНА ПЕТРОВА – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, tpetrova72@bk.ru

TAT'YANA V. PETROVA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of the Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, tpetrova72@bk.ru

Статья поступила 28.10.2024

Научная статья

УДК 351.95

doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.004

Процессуальные проблемы и противоречия в практике привлечения субъектов предпринимательской деятельности к административной ответственности

НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА АНИСКИНА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, AniskinaN555@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7185-5730>

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ МИГАЧЕВ

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, juri.migachev@yandex.ru

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА КРЫЛОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, pisareva915@mail.ru

Аннотация. В статье осуществлен анализ основных процессуальных проблем и противоречий, возникающих в правоприменительной практике арбитражных судов и судов общей юрисдикции при решении вопроса о подсудности дел об административных правонарушениях по ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ. Сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства в части формирования единого подхода в вопросах определения подсудности дел, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии), а также ужесточением санкций за нарушения, предусмотренные ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ.

Ключевые слова: незаконное предпринимательство; административная ответственность; подсудность арбитражным судам; разграничение подсудности.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Анискина Н. В., Мигачев Ю. И., Крылова Е. С. Процессуальные проблемы и противоречия в практике привлечения субъектов предпринимательской деятельности к административной ответственности // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 4 (28). С. 37–45. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.004.

Original article

Procedural Problems and Contradictions in the Practice of Bringing Business Entities to Administrative Liability

NADEZHDA V. ANISKINA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, AniskinaN555@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7185-5730>

YURII I. MIGACHEV

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, juri.migachev@yandex.ru

EVGENIYA S. KRYLOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, pisareva915@mail.ru

Abstract. The article analyzes key procedural problems and contradictions that arise in the law enforcement practice of arbitration courts and courts of general jurisdiction when deciding on the jurisdiction of cases of administrative offenses under Part 1 of Article 14.1 of the Administrative Code of the Russian Federation. Proposals are formulated to improve current legislation in terms of forming a unified approach to determining jurisdiction of cases related to the conduct of business without state registration or without a special permit (license), as well as tightening the sanctions provided for violations provided for in Part 1 of Article 14.1 of the Administrative Code of the Russian Federation.

Keywords: illegal entrepreneurship; administrative liability; jurisdiction of arbitration courts; differentiation of jurisdiction.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Aniskina N.V., Migachev Yu.I., Krylova E.S. Procedural problems and contradictions in the practice of bringing business entities to administrative liability. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 4 (28), pp. 37–45. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.004.

Предпринимательская деятельность в Российской Федерации находится под пристальным вниманием со стороны государства поскольку от эффективности и законности организации бизнеса в стране в значительной степени зависит пополняемость бюджетов налогами. Вместе с тем, как показывает практика, данная сфера общественных отношений в наибольшей степени подвержена различного рода нарушениям со стороны лиц, которые занимаются предпринимательской деятельностью, причем значительная доля из них ведет свой бизнес нелегально – без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии), тем самым причиняя значительный ущерб не только различным сферам жизни общества, но и государству в целом.

Указанные обстоятельства определили достаточно широкий круг субъектов административной юрисдикции. В частности, действующим законодательством установлено, что дела об административных правонарушениях в сфере предпринимательской деятельно-

сти вправе рассматривать должностные лица уполномоченных органов исполнительной власти, мировые суды, суды общей юрисдикции и арбитражные суды. При этом, как отмечает Т. И. Отческая, в случае с судами может возникнуть ситуация с двойственностью процессуального регулирования, когда, с одной стороны, дела рассматриваются, опираясь на нормы КоАП РФ, а с другой – на нормы гражданского и арбитражного процессуального права [1, с. 92].

Для решения вопроса об определении подсудности между судами общей юрисдикции и арбитражными судами в части рассмотрения дел об административных правонарушениях в области предпринимательской деятельности в ст. 23.1 КоАП РФ, законодателем проведено постатейное разграничение, в соответствии с которым ст. 14.1 КоАП РФ («Осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии)») подпадает под подсудность не только арбитражных судов (абз. 3 ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ), но и судов общей юрисдикции (ч. 1 и абз. 6 ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ). Необходимо подчеркнуть, что подп. 3 ч. 1 ст. 29 АПК РФ установлено, что арбитражные суды рассматривают дела об административных правонарушениях, которые отнесены к их подсудности соответствующим федеральным законом. Следовательно, подсудность арбитражных судов по указанной группе (категории) дел урегулирована нормами административного законодательства, в то время как сам процесс судебного разбирательства осуществляется по нормам АПК РФ.

Данное нормативное закрепление согласуется с иными нормами АПК РФ о подсудности. Так, согласно ч. 3 ст. 27 АПК РФ, отдельные категории дел, напрямую не отнесенные к компетенции арбитражных судов, могут выступать предметом их рассмотрения, если это предусмотрено нормами федерального закона. В то же время ч. 2 анализируемой статьи допускается рассмотрение и разрешение экономических споров и иных дел с участием органов, должностных лиц и образований, не имеющих статуса юридического лица, а также граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя.

В продолжение к вышесказанному следует обратиться к официальной позиции, изложенной в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 (ред. от 23.12.2021) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». Так, согласно подп. «д» п. 3 данного постановления суды общей юрисдикции не уполномочены на рассмотрение дел, указанных как подсудные арбитражным судам в ст. 23.1 КоАП РФ. Более того, это правило сохраняется и в том случае, когда лицо, совершившее административное правонарушение, утратило статус индивидуального предпринимателя. Аналогичная позиция по рассматриваемому вопросу была озвучена в п. 9 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 27.01.2003 № 2 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

С. Ярославцева подчеркивает, что до принятия Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 арбитражные суды автоматически прекращали производство по делам об административных правонарушениях, если на момент рассмотрения дела лицо утрачивало статус индивидуального предпринимателя, в частности, в связи с непрохождением процедуры перерегистрации в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации [2, с. 20]. В качестве примера можно привести определение Арбитражного суда Тюменской области о прекращении производства по делу № А70-2960/2005 от 17.05.2005, где в качестве правового обоснования для пре-

крашения производства выступал п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 8 от 01.07.1996 (ред. от 25.12.2018) «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Как видим, в настоящее время наблюдается неоднозначное решение вопроса о подсудности дел, связанных с привлечением лиц к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ. С одной стороны, он однозначно решается в пользу арбитражных судов с опорой на положения абз. 3 ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ, ч. 2 и ч. 3 ст. 27 АПК РФ, а также подп. «д» п. 3 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5, с другой – в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6, Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации № 8 от 01.07.1996 нашла отражение диаметрально противоположная позиция в части установления подсудности по данной категории дел судам общей юрисдикции. Неоднозначность в официальном трактовании норм приводит к отсутствию формирования единства взглядов и у правоприменителей.

Примечательно, что на практике решение о том, в какой суд направить заявление – в арбитражный или общей юрисдикции – принимает должностное лицо, уполномоченное на составление протокола о соответствующем административном правонарушении, например должностные лица органов внутренних дел на основании ч. 1 ст. 28.3 КоАП РФ или должностные лица органов, осуществляющих государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (ч. 8 ст. 28.3 КоАП РФ).

Как отмечают Д. В. Пятков и В. А. Вальков, значительные затруднения при определении подсудности для направления материалов дела об административном правонарушении у должностных лиц вызывает установление конкретного вида деятельности правонарушителя. В частности, речь идет о разграничении таких понятий в их содержательном наполнении, как «предпринимательская деятельность», которая обладает своими специфическими признаками и чертами, и «бытовые сделки» [3, с. 30–32]. По этой причине, а также в связи с ограниченным сроком привлечения правонарушителя к административной ответственности, на практике подобные действия приводят к тому, что привлечение к ответственности становится невозможным в связи с истечением срока давности.

Полагаем, что дела об административных правонарушениях, предусмотренные ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ, должны относиться к подсудности арбитражных судов, несмотря на то, что субъекты этих правонарушений не являются ни юридическими лицами, ни их должностными лицами, ни индивидуальными предпринимателями, потому как сфера их деятельности, составляющая предмет рассматриваемого дела, касается предпринимательства, очевидно, и это соответствует основным принципам арбитражного судопроизводства.

Ввиду того, что КоАП РФ изначально не последователен в определении подведомственности дел, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, принятие решения о том, является ли конкретная деятельность предпринимательской, следует отнести к компетенции арбитражных судов.

При этом интересно, что подп. 3 ч. 6 ст. 27 АПК РФ к подсудности арбитражного суда в числе прочего отнесены споры, касающиеся отказа гражданам в регистрации их в качестве индивидуальных предпринимателей или юридических лиц. В данном случае участвующими в деле также выступают лица, не имеющие зарегистрированного статуса индивидуального предпринимателя или юридического лица. Все дела, касающиеся несостоятельности (банкротства), также рассматриваются в арбитражных судах, включая, к примеру, споры с

арбитражным управляющим в части его профессиональной деятельности (п. 12 ст. 20 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

В контексте рассмотрения данного вопроса нельзя не отметить, что официальные статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по рассмотрению арбитражными судами административных дел по ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ отсутствуют, информация содержится только по ст. 14.1 КоАП РФ в целом. Однако и имеющиеся статистические данные позволяют прийти к выводу, что вопрос о подсудности дел, связанных с осуществлением незаконной предпринимательской деятельности, решается неоднозначно. Несмотря на прямое нормативное закрепление в ст. 23.1 КоАП РФ подсудности дел по ст. 14.1 арбитражным судам в отношении физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без государственной регистрации, данную категорию дел по большей части рассматривают суды общей юрисдикции. Так, например, за 2022 г. в арбитражные суды поступило 9356 дел по ст. 14.1 КоАП РФ, в то время как судами общей юрисдикции было рассмотрено 130 581 административное дело, что на 92,84 % больше (рис.) [4].

Рис. Количество дел, рассмотренных судами общей юрисдикции и арбитражными судами по ст. 14.1 КоАП РФ за период с 2014 по 2022 гг.

Примечательно, что по отдельным регионам практика рассмотрения административных дел о привлечении граждан к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ отсутствует. В частности, в информационной системе «Мой арбитр» в разделе «Банк решений» не содержатся сведения о судебной практике Арбитражного суда Вологодской области [5]. Тем не менее в Вологодской области наблюдается диаметрально противоположная ситуация в деятельности мировых судов. Например, мировыми судьями Вологодской области по городу Череповцу за 2022 г. было рассмотрено 99 дел о привлечении граждан к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ, за 2023 г. – 49 дел [6]. При этом среди них представляется возможным выделить преобладающие направления предпринимательской деятельности, осуществляемой без соответствующей государственной регистрации: прием лома черных и цветных металлов; услуги такси; реализация товаров, в

том числе сельскохозяйственной продукции; оказание услуг в сфере общественного питания (открытие кафе); организация работы контактного зоопарка и др.

Как видим, несмотря на прямо установленную в КоАП РФ подсудность арбитражным судам дел по ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ фактически они направляются на рассмотрение мировыми судами и судами общей юрисдикции. Например, суд Кировского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан признал Ф. виновной в совершении административного правонарушения по ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ в связи с осуществлением Ф. розничной торговли в магазине «Продукты» без соответствующей государственной регистрации [7].

Тем не менее нельзя не указать, что в судебной практике арбитражных судов дела о привлечении граждан к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ все же встречаются, но не так часто по сравнению с рассмотрением иных категорий дел. Например, гражданка Г. в 2020–2021 гг. заключила договоры потребительского займа с тремя физическими лицами Г., С. и К. под залог их недвижимости с заключением договоров о залоге (ипотека), зарегистрированных в Управлении Росреестра. Займы выдавались под 36 % годовых, что указывает на систематическое получение Г. прибыли от данной деятельности. В случаях, когда должники не отдавали долг своевременно, Г. обращалась в суд за взысканием задолженности и обращением взыскания на заложенное имущество. Поскольку Г. получала доход от осуществляемого вида деятельности в отсутствие государственной регистрации в качестве предпринимателя, прокуратурой в отношении нее была проведена проверка, по результатам которой было принято решение о возбуждении производства по делу об административном правонарушении по признакам ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ и направлении материалов дела в арбитражный суд со ссылкой на ст. 23.1 КоАП РФ. Арбитражный суд удовлетворил требования прокуратуры и назначил Г. административное наказание в виде предупреждения [8].

Полагаем, что в рассматриваемом случае назначение наказания в виде предупреждения не отвечает потребностям государства и современного общества в части отсутствия у правонарушителя стимула к легализации доходов, полученных от незаконного осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации. Более того, санкция ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ также предусматривает незначительный размер административного штрафа в размере от 500 до 2000 руб. Как отмечает А. В. Попов, «размер административного наказания при названных обстоятельствах не способствует достижению целей законодательства об административной ответственности» [9, с. 85–86].

Для решения существующей проблемы считаем необходимым существенно увеличить размер штрафных санкций и установить их в размере 30 % от суммы прибыли, полученной от осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или без государственной регистрации в качестве юридического лица, но не менее 50 тыс. руб.

Таким образом, имеющиеся противоречия в практике привлечения к административной ответственности лиц за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии) обусловлены двойственным регулированием данной категории дел: с одной стороны, арбитражно-процессуальным законодательством Российской Федерации, с другой – нормами КоАП РФ.

В виду вышеизложенного в судебной практике сложились два противоположных подхода к вопросу об определении подсудности рассматриваемой категории дел, каждый из которых опирается на нормы действующего процессуального законодательства и официальную позицию высших судебных органов, отраженную в Пленумах разных лет. Первый

подход указывает на законность рассмотрения таких дел арбитражными судами. При этом второй подход акцентирует внимание на возможности рассмотрения административных дел по ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ исключительно судами общей юрисдикции и мировыми судами.

Представляется, что оба подхода в определенной степени обоснованы, однако авторы статьи в большей степени разделяют точку зрения, согласно которой специфика осуществления лицом предпринимательской деятельности вне зависимости от того, имеется ли у последнего соответствующая государственная регистрация, предопределяет необходимость рассмотрения данной категории дел именно арбитражными судами.

Тем не менее, опираясь на сложившуюся судебную практику, считаем, что законодателью для исключения имеющихся в правовом регулировании противоречий при решении вопроса о подсудности данной категории дел необходимо внести уточнение в ст. 23.1 КоАП РФ: либо дополнив в абз. 4 ч. 3 фразу «и гражданами, осуществляющими предпринимательскую деятельность с нарушением правил о регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица», либо, наоборот, добавив точное указание частей ст. 14.1 КоАП РФ, однозначно устанавливающих подсудность арбитражных судов (например, «части 2–4 статьи 14.1»).

Кроме того, положения действующего законодательства не соответствуют функциональному назначению административной ответственности за правонарушения в сфере предпринимательской деятельности. В этой связи считаем, что необходимо ужесточение санкции, предусмотренной за нарушение ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ. Предлагаем изложить ее в следующей редакции:

«влечет наложение административного штрафа в размере 30 процентов от суммы прибыли, полученной от осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или без государственной регистрации в качестве юридического лица, но не менее пятидесяти тысяч рублей».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Отческая Т. И. Некоторые процессуальные аспекты рассмотрения в арбитражных судах дел об административных правонарушениях // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 91–100.
2. Ярославцева С. Некоторые вопросы определения подведомственности дел арбитражному суду // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 12. С. 18–21.
3. Пятнов Д. В., Вальков В. А. Многообразие экономической деятельности и проблема его воплощения в российском законодательстве // Предпринимательское право. 2023. № 4. С. 29–34.
4. Судебная статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения: 08.09.2024).
5. Электронное правосудие. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 09.09.2024).
6. Мировые судьи Вологодской области по городу Череповцу. URL: <http://cherepoveckyygor.vld.sudrf.ru/> (дата обращения: 09.09.2024).
7. Постановление Кировского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан № 5-159/2019 от 26.02.2019 по делу № 5-159/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/gklfllzpoDo1/?regular-txt=®ular-case_doc=5-159%2F2019®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=Кировский+районный+суд+г.+Махачкалы+%28Республика+Дагестан%29®ular-judge= (дата обращения: 08.09.2024).

8. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 01.11.2023 по делу № Ф06-10237/2023. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ayfvGlzoCwWO/?ysclid=m2cxff63dy815533501> (дата обращения: 08.09.2024).
9. Попов А. В. К вопросу о размере административного штрафа за незаконное предпринимательство // *Colloquium journal*. 2019. № 2 (26). С. 85–87.

REFERENCES

1. Otcheskaya T.I. Some procedural aspects of consideration of cases of administrative offenses in arbitration courts. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 6, pp. 91–100. (In Russ.).
2. Yaroslavtseva S. Some issues of determining the jurisdiction of cases to the arbitration court. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitration and Civil Procedure*, 2007, no. 12, pp. 18–21. (In Russ.).
3. Pyatnov D.V., Val'kov V.A. The diversity of economic activity and the problem of its implementation in Russian legislation. *Predprinimatel'skoe pravo = Entrepreneurial Law*, 2023, no. 4, pp. 29–34. (In Russ.).
4. *Sudebnaya statistika Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii* [Judicial statistics of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (accessed September 8, 2024).
5. *Elektronnoe pravosudie* [Electronic justice]. Available at: <https://ras.arbitr.ru/> (accessed September 9, 2024).
6. *Mirovye sud'i Vologodskoi oblasti po gorodu Cherepovtsu* [Magistrates of the Vologda Oblast in the city of Cherepovets]. Available at: <http://cherepoveckyygor.vld.sudrf.ru/> (accessed September 9, 2024).
7. *Postanovlenie Kirovskogo raionnogo suda g. Makhachkaly Respubliki Dagestan No. 5-159/2019 ot 26.02.2019 po delu No. 5-159/2019* [Resolution of the Kirovsky District Court of Makhachkala of the Republic of Dagestan No. 5-159/2019 of February 26, 2019 in case No. 5-159/2019]. Available at: https://sudact.ru/regular/doc/gklfllzpoDo1/?regular-txt=®ular-case_doc=5-159%2F2019®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=Kirovskii+raionnyi+sud+g.+Makhachkaly+%28Respublika+Dagestan%29®ular-judge= (accessed September 8, 2024).
8. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Povolzhskogo okruga ot 01.11.2023 po delu No. F06-10237/2023* [Resolution of the Arbitration Court of the Volga District of November 1, 2023 in case No. F06-10237/2023]. Available at: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ayfvGlzoCwWO/?ysclid=m2cxff63dy815533501> (accessed September 8, 2024).
9. Popov A.V. On the issue of the amount of an administrative fine for illegal entrepreneurship. *Colloquium-journal = Colloquium-journal*, 2019, no. 2 (26), pp. 85–87. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА АНИСКИНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, AniskinaN555@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7185-5730>

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ МИГАЧЕВ – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса

NADEZHDA V. ANISKINA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, AniskinaN555@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7185-5730>

YURII I. MIGACHEV – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin

Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, juri.migachev@yandex.ru

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА КРЫЛОВА – магистрант факультета психологии и права Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, pisareva915@mail.ru

Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, juri.migachev@yandex.ru

EVGENIYA S. KRYLOVA – Master's Student at the Faculty of Psychology and Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, pisareva915@mail.ru

Статья поступила 02.10.2024

Научная статья

УДК 342.98

doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.005

Ротация на государственной службе: отдельные проблемы теории и практики

ЛАРИСА ЛЕОНИДОВНА МАЛКОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, pl-family@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3968-8557>

ДМИТРИЙ ОЛЕГОВИЧ СИЗОВ

ИК-16 УФСИН России по Архангельской области, Онега, Россия, dima_sizov_99@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-правовые и прикладные вопросы ротации кадров на государственной службе. Анализируется понятие ротации кадров и ее особенности, раскрываются правовые основы данного института, приведена классификация видов ротации кадров, рассмотрен зарубежный опыт применения кадровой технологии. В статье приведены результаты анкетного опроса государственных служащих о ротации кадров, перечислены проблемные вопросы в данной области и предложения по совершенствованию исследуемого правового института.

Ключевые слова: административное право; государственная служба; должностные лица; правовой статус; кадровая работа; ротация кадров; противодействие коррупции.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Малкова Л. Л., Сизов Д. О. Ротация на государственной службе: отдельные проблемы теории и практики // Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2024. № 4 (28). С. 46–56. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.005.

Original article

Rotation in the Civil Service: Some Problems of Theory and Practice

LARISA L. MALKOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, pl-family@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3968-8557>

DMITRII O. SIZOV

Correctional Facility No. 16 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Arkhangelsk Oblast, Onega, Russia, dima_sizov_99@mail.ru

Abstract. The article deals with theoretical, legal and applied issues of personnel rotation in the civil service. The concept of personnel rotation and its features are analyzed, legal foundations of this institution are revealed, types of personnel rotation are classified, and foreign experience in the application of personnel technology is considered. The article presents results of the questionnaire survey of civil servants, problematic issues in the field of rotation and proposals for improving the legal institution under study.

Key words: administrative law; civil service; officials; legal status; personnel work; staff rotation; anti-corruption.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Malkova L.L., Sizov D.O. Rotation in the civil service: some problems of theory and practice. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 4 (28), pp. 46–56. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.005.

Современная теория и практика государственного управления ориентированы на постоянное развитие государственно-правовых институтов, повышение эффективности государственного аппарата и качества работы государственных служащих. Достижению данных целей способствуют внедрение новых информационных технологий и технических средств, совершенствование программ обучения государственных служащих, развитие административных средств организации управления и работы государственных органов [1, с. 332]. При этом ведущая роль отводится развитию кадрового потенциала, формированию действенной кадровой политики, предусматривающей повышение эффективности использования персонала на основе его систематической деловой оценки, стимулирования, оптимальной расстановки, обучения и служебно-должностного продвижения с учетом имеющейся профессиональной квалификации, личностных качеств и способностей. Одним из перспективных административно-правовых методов, применяемых в кадровой политике и активно развивающихся в мире, является ротация кадров, к которой активно прибегают как в коммерческих организациях, так и в органах государственной власти.

В настоящее время в российском законодательстве и научной доктрине отсутствует единое и четкое определение ротации кадров на государственной службе. Сущность данного административно-правового института слабо раскрывается в действующем законодательстве, а механизм его реализации нуждается в более детальной проработке и правовом закреплении.

Термин «ротация» (от лат. *rotation* – «кругообразное движение, вращение») подразумевает плановое служебное перемещение или существенное изменение должностных обязанностей работника [2]. В научном сообществе существует множество точек зрения по поводу сущности кадровой ротации, анализируется ее содержание, особенности реализации в коммерческой сфере и на государственной службе. И если ротация в частном секторе преследует цель повышения эффективности работы сотрудника, развития его профессиональных умений и навыков, то ротация в государственных структурах в первую очередь, – цель противодействия коррупции [3, с. 165].

Ротация кадров рассматривается в научных трудах как элемент эффективной кадровой политики и способ системного развития организации. А. А. Белевич придерживается междисциплинарного подхода к определению кадровой ротации, отмечая, что ротация может раскрываться по-разному, в зависимости от призмы взглядов исследователей в различных областях знаний: технология и эффективный способ профессионального развития работников, средство увеличения ценности сотрудника для организации; средство формирования кадрового резерва; способ мотивации работников; метод психологической поддержки и коррекции психологического состояния работников, средство предотвращения их «профессионального выгорания»; средство ознакомления сотрудников организации со спецификой работы других структурных подразделений и формирования единого представления об общей деятельности организации; средство улучшения процесса взаимодействия между структурными подразделениями организации [4].

Ротация кадров в государственно-управленческом секторе представляет собой особый вид перевода государственного служащего, который эффективно применяется как средство противодействия коррупции и развития кадрового потенциала в интересах государства [5, с. 125]. При этом большинство исследователей под ротацией кадров на государственной службе понимают периодические плановые горизонтальные перемещения служащих, как правило, из числа руководящего состава между равнозначными должностями в пределах одного государственного органа либо в иной государственный орган того же ведомства на определенный срок с изменением территории прохождения службы либо без такового [6, с. 12; 7, с. 400; 8, с. 220; 9, с. 3]. Иногда под ротацией понимаются любые кадровые перемещения работников, включая назначение на вышестоящую должность (повышение), перевод в другое учреждение или местность (например, при создании новых учреждений или чтобы избежать увольнения сотрудника при возникновении конфликта интересов), а также такие кадровые технологии (методы), как стажировка, совмещение должностей, прикомандирование, временное исполнение обязанностей по должности в период отсутствия сотрудника и др. Отмечается и конкуренция таких кадровых механизмов, как ротация кадров и замещение должности государственной службы по конкурсу (в данном случае с государственным служащим заключается служебный контракт на определенный срок, по окончании которого он должен вновь участвовать в конкурсе, если планирует продолжить службу в той же должности). Подобные подходы к содержательному определению ротации кадров представляется нам недостаточно обоснованными, поскольку ротация – это, прежде всего, системно организованный процесс, реализуемый на плановой основе, предусматривающий обязательность периодических кадровых перемещений для определенных должностных категорий работников, а не разовое (ситуативное) кадровое решение.

Как уже отмечалось, достаточно полное легальное определение ротации кадров на государственной службе в российском законодательстве отсутствует и отчасти раскрывается в нормативных правовых актах, регламентирующих вопросы прохождения различных видов государственной службы: например, в ст. 60.1 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», ст. 30 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и др. Российское законодательство предусматривает возможность как горизонтального, так и вертикального перемещения сотрудников. Часть 2 ст. 60.1 федерального закона № 79-ФЗ определяет возможность ротации только лиц, замещающих должности гражданской службы категории «руководители» в территориальных органах федеральных

органов исполнительной власти, осуществляющих контрольные и надзорные функции. Для осуществления ротации по иным должностям гражданской службы необходимо издание нормативного правового акта Президента Российской Федерации или Правительства Российской Федерации об утверждении перечня должностей, который формируется на основе предложений федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации или Правительство Российской Федерации.

Вместе с тем, как справедливо отмечает Е. В. Безвиконная, ст. 60.1. Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» не раскрывает алгоритм перемещения должностных лиц как внутри органа государственной власти, так и назначение на должности в ином органе власти [10, с. 40]. В настоящее время приняты лишь отдельные подзаконные нормативные правовые акты, регламентирующие частные вопросы в данной области, например Постановление Правительства Российской Федерации от 27.10.2012 № 1103 «Об обеспечении федеральных государственных гражданских служащих, назначенных в порядке ротации на должность федеральной государственной гражданской службы в федеральный государственный орган, расположенный в другой местности в пределах Российской Федерации, служебными жилыми помещениями и о возмещении указанным гражданским служащим расходов на наем (поднаем) жилого помещения», приказ Минтруда России от 29.03.2019 № 195н «Об утверждении формы плана проведения ротации федеральных государственных гражданских служащих и порядка его утверждения», приказ Минздрава России от 25.06.2020 № 630н «Об утверждении перечня заболеваний, препятствующих проживанию федерального государственного гражданского служащего и государственного гражданского служащего субъекта Российской Федерации и (или) членов их семей (супруга, супруги, несовершеннолетних детей, детей старше 18 лет, ставших инвалидами до достижения ими возраста 18 лет, детей в возрасте до 23 лет, обучающихся в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, по очной форме обучения, родителей, лиц, находящихся на иждивении гражданского служащего и проживающих совместно с ним) в местности, куда гражданский служащий назначается в порядке ротации». В настоящее время не существует целостного и единого механизма ротации кадров на государственной службе, вследствие чего можно говорить о необходимости унификации правового регулирования в сфере ротации кадров на государственной службе.

Региональное законодательство в сфере ротации кадров на государственной гражданской службе также неоднородно. В различных субъектах Российской Федерации нормы, регулирующие ротацию кадров, содержатся в уставах (Чукотский автономный округ), региональных законах (Республика Адыгея, Вологодская область), подзаконных нормативных актах (Республика Северная Осетия-Алания) либо отсутствуют вовсе (Республика Карелия, Красноярский край) [11, с. 178–186]. Содержание данных актов также дает лишь самое общее представление о ротации.

В действующем российском законодательстве не представляется возможным четко выделить легально определенные виды ротации кадров на государственной службе. Многие отечественные исследователи приводят различные классификации видов ротации на государственной службе.

Так, А. Ю. Долинин и А. Д. Брыков выделяют следующие виды ротации на государственной службе: кольцевая ротация (с возвращением на первоначально замещаемую должность), безвозвратная ротация (без возвращения на первоначально замещаемую

должность), рокировка (перемещение двух государственных служащих на должности друг друга), внутренняя ротация (в пределах одного структурного подразделения государственного органа), внешняя ротация (в другое структурное подразделение государственного органа), межрегиональная ротация (сопряжена с переездом в другой регион), ротация по иному направлению служебной деятельности (кардинальное изменение характера и специфики служебной деятельности), ротация по смежной специальности (в пределах одного направления служебной деятельности), ротация с изменением характера службы, но по такой же специальности [12, с. 109].

Классической классификацией ротации кадров на государственной службе является выделение таких ее видов, как горизонтальная (перемещение на равнозначную должность) и вертикальная (перемещение с изменением должностного положения), а также плановая и внеплановая [13; 14, с. 145; 15, с. 128]. Применительно к различным категориям государственных гражданских служащих предлагается выделять обязательную (проводимую в обязательном порядке в отношении руководителей территориальных органов) и факультативную ротацию (проводимую по усмотрению федерального органа исполнительной власти в отношении иных руководителей) [11, с. 12]. Встречаются также мнения, что кадровая ротация может осуществляться как по личной инициативе работника, так и по решению работодателя [16], что представляется достаточно спорным, поскольку безосновательно расширяет данное понятие и лишает его собственного содержания.

В зарубежной историографии выделяются следующие формы ротации кадров в структурах гражданской службы: перемещение внутри функции (ротация между рабочими местами с одинаковыми или схожими уровнями ответственности и внутри одной и той же операционной или функциональной области) и межфункциональное перемещение (ротация между рабочими местами в разных частях организации, чередование нескольких рабочих мест в разных отделах) [17].

Представленные выше классификации видов ротации кадров применимы главным образом в работе с персоналом коммерческих организаций, в то время как в отечественной государственной службе практическое применение находит лишь их определенная часть. Как уже отмечалось, ротация кадров на государственной службе предусматривает перемещения плановые, обязательные, периодические, временные и безвозвратные, преимущественно горизонтальные между равнозначными руководящими должностями и, как правило, в пределах одного ведомства. В частности, краткосрочная вертикальная ротация на государственной службе действующим законодательством не предусмотрена, изменение должностного положения осуществляется при повышении в должности в порядке выдвижения или понижении в должности, например при организационно-штатных мероприятиях или в аттестационном порядке, но не в порядке ротации кадров. В действующей практике государственной службы предусмотрена служебная стажировка (Постановление Правительства Российской Федерации от 18.05.2019 № 618 «Об утверждении Положения о прохождении служебной стажировки государственными гражданскими служащими Российской Федерации»), которая может проходить как в вышестоящих органах управления, так и в нижестоящих подразделениях, и представляет собой смежную с ротацией кадровую технологию профессионального развития персонала (срок от 5 дней до 6 мес.). К тому же вертикальная ротация с понижением не приемлема для государственной службы, построение которой организовано по карьерному принципу. При переводе в порядке ротации на нижестоящую должность государственный служащий может утратить ряд социальных гарантий (уменьшение размера денежного довольствия и размера последующего пенсионного обе-

спечения, возможности получения очередного специального звания и др.). Краткосрочные ротационные перемещения могут принести вред государственному органу (учреждению) ввиду низкой мотивации государственного служащего, необходимости его адаптации к новому месту службы и исполняемым служебным обязанностям. Что же касается, например, возвратной ротации в иной государственный орган, то похожие цели достигаются посредством механизма прикомандирования.

Анализ зарубежного опыта ротации кадров на государственной службе показывает, что в большинстве развитых стран данный институт активно функционирует и не ограничивается лишь горизонтальными перемещениями руководящих кадров в рамках одной операционной или функциональной области. Например, в США и Великобритании существует такая разновидность ротации государственных служащих, как *secondment* (прикомандирование), предусматривающая их направление на определенное время в другой государственный орган в целях развития профессиональных умений и навыков; применяется не только по отношению к руководителям различного уровня, но и к государственным служащим более низких уровней управления [11, с. 75–77]. Модель ротации кадров в Японии также распространяется не только на должностных лиц, занимающих руководящие посты, но и на государственных служащих более низшего ранга. Высокая степень оперативности и быстрого действия достигается в японской системе ротации кадров благодаря комплексному планированию движения персонала и координации данных процессов со стороны Национального кадрового управления [18]. В порядке ротации японские служащие могут быть переведены на иную должность как внутри государственного органа, в котором несут службу, так и в другие органы (центрального либо местного уровня), что позволяет им получить разносторонние знания и навыки, эффективно работать по всем направлениям деятельности ведомства [19; 20, с. 13–14]. В Китае предусмотрена вертикальная ротация кадров для государственных служащих, в рамках которой служащих, занимающих высокие посты в министерствах, откомандировывают в качестве вице-мэров маленьких провинциальных городов [21]. Безусловно, в зарубежных системах ротации кадров на государственной службе присутствуют моменты, заслуживающие внимания и изучения в контексте возможности включения в российскую практику государственного управления.

Понятие ротации государственного гражданского служащего приводится в Методических рекомендациях Минтруда России по организации ротации федеральных государственных гражданских служащих (версия – 4.0), под которой предлагается понимать «предусмотренное служебным контрактом и осуществляемое в соответствии с планом проведения ротации гражданских служащих в порядке, установленном положениями статьи 60¹ Федерального закона № 79-ФЗ, назначение гражданского служащего, замещающего должность гражданкой службы, включенную в перечень должностей гражданской службы, по которым предусматривается ротация, на иные должности гражданской службы в том же или в другом государственном органе» [22]. То есть ротация кадров на государственной гражданской службе предусмотрена законом и служебным контрактом, реализуется на плановой основе в соответствии с утвержденным перечнем должностей и не только внутри одного ведомства, но и в межведомственном порядке. В указанных методических рекомендациях говорится о ротации гражданского служащего с обеспечением его должностного роста с учетом результатов его профессиональной служебной деятельности (п. 5.7), то есть фактически сказано о вертикальной ротации. Также указано, что ротация гражданских служащих осуществляется в целях изменения содержания должностных обязанностей гражданского служащего и (или) круга лиц, с которыми гражданский служа-

щий взаимодействует, посредством последовательной смены замещаемой гражданским служащим должности гражданской службы с изменением (без изменения) места прохождения гражданской службы (п. 2.3). Следовательно, ротация на государственной службе может быть межфункциональной.

В целях оценки текущего состояния правового регулирования и практики реализации института ротации кадров на государственной службе Российской Федерации нами было проведено эмпирическое исследование – анкетный опрос и интервьюирование государственных служащих государственных органов правоохранительного блока: сотрудников уголовно-исполнительной системы, полиции, органов принудительного исполнения. Всего в исследовании приняли участие свыше 100 сотрудников и государственных гражданских служащих Архангельской области.

Анкетирование (интервьюирование) позволило получить следующие результаты:

1. Сотрудники практических органов исполнительной власти в целом имеют представление о том, что представляет собой механизм ротации кадров на государственной службе и какие цели преследует ротация кадров (100 % респондентов). Однако опрошенные имеют хорошее представление только об одном виде ротации кадров – горизонтальной. 7,5 % респондентов знали о других видах ротации кадров, в том числе о вертикальной.

2. 94 % респондентов считают ротацию кадров необходимым средством повышения эффективности кадровой политики на государственной службе. При этом 70 % из них полагают, что ротация кадров имеет положительные эффекты в государственных органах. Вместе с тем только 40 % опрошенных придерживаются мнения о том, что ротация кадров на государственной службе в настоящее время реализуется достаточно эффективно.

3. Более половины респондентов (55 %) считают, что ротация кадров на государственной службе является эффективным средством противодействия совершению государственными служащими коррупционных правонарушений; 35 % респондентов заявили о неэффективности данного антикоррупционного средства.

4. Респонденты в ходе опроса отметили отдельные негативные, на их взгляд, аспекты ротации кадров на государственной службе:

- необходимость дополнительной адаптации государственного служащего к новым условиям службы (новый коллектив, организационная культура, управленческая и оперативная обстановка, возможное противодействие со стороны подчиненных, необходимость социально-бытовой адаптации и др.), что может привести к снижению результатов деятельности руководителя и подчиненного коллектива, а в ряде случаев – к желанию руководителя привлечь на руководящие должности в возглавляемом им государственном органе (учреждении) сотрудников с прежнего места службы для создания комфортной обстановки;

- риск снижения мотивации к службе у отдельных государственных служащих при приближении срока очередного перемещения в порядке ротации (феномен так называемых временщиков);

- риск ослабления или разрыва семейных и иных социально полезных связей при перемещении государственного служащего в иную местность (связей с близкими родственниками, друзьями и знакомыми, профессиональных связей), что может повлечь за собой негативные последствия, способные сказаться на эффективности его работы (разрушение браков, ухудшение психологического состояния государственного служащего, утрата наработанных профессиональных связей, снижение уровня жизни семьи и т. п.);

- возможная потеря государственным органом (учреждением) опытных высококвалифицированных сотрудников, особенно в структурных подразделениях с особой спецификой прохождения службы либо малой численностью личного состава.

5. В качестве перспективных направлений развития института ротации кадров на государственной службе опрошенными респондентами были названы следующие:

- создание и введение в действие единого нормативного правового акта в сфере ротации кадров на государственной службе (65 %);
- создание единого федерального органа, в компетенцию которого входили бы вопросы государственной службы и ротации государственных служащих (45 %);
- распространение системы ротации кадров на большее число категорий государственных служащих (20 %).

В числе мер по совершенствованию института ротации кадров на государственной службе респондентами также указывались:

- осуществление организации ротации руководящих кадров на государственной службе при решении вопроса об их выдвижении на вышестоящие должности на основании конкурсного отбора, исходя из личных, деловых и профессиональных качеств кандидатов на выдвижение;
- установление предельного срока замещения государственным служащим одной должности в целях более качественной реализации механизмов ротации кадров на государственной службе;
- учет личного мнения государственного служащего при реализации ротации кадров, связанной с изменением места трудовой деятельности и места жительства.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современное состояние ротации кадров в системе государственной службы Российской Федерации можно охарактеризовать как нуждающееся в развитии и корректировке. Необходимо определить вектор дальнейшего развития института ротации кадров на государственной службе с учетом возможных негативных последствий как для государственного служащего, так и для государственного учреждения и организации.

В настоящее время ротация кадров в государственных органах Российской Федерации осуществляется, как правило, в отношении руководящего состава, практически не затрагивая рядовых государственных служащих. В российском законодательстве не существует единой и четкой правовой регламентации ротации кадров на государственной службе; конкретизация законодательных норм о ротации реализована в основном на уровне отдельных подзаконных нормативных правовых актов и методических рекомендаций Минтруда России. Для решения данной проблемы необходим единый нормативный правовой акт, направленный на унификацию основ ротации кадров для всех федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации, который определит основные цели и задачи ротации кадров на государственной службе, ее понятие и виды, единые принципы, критерии и механизмы ротации с учетом специфики различных видов государственной службы, права и обязанности государственного служащего, а также социальные гарантии, предоставляемые государственному служащему в связи с ротацией. Учитывая антикоррупционную направленность ротации кадров на государственной службе, требуется также внести соответствующие изменения в Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», дополнив ст. 6 пунктом следующего содержания: «7) ротация кадров на государственной службе».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Малышева Г. А. Институт ротации государственных гражданских служащих Российской Федерации // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2012. № 1 (12). С. 325–332.

2. Ротация кадров / Управление персоналом. Словарь-справочник. URL: <https://psyfactor.org/personal/personal16-03.htm> (дата обращения: 20.07.2024).
3. Сизов Д. О. Ротация кадров как средство профилактики совершения коррупционных правонарушений среди государственных служащих // Научный взгляд современной молодежи на актуальные проблемы права, психологии и педагогики : сб. науч. ст. обучающихся ВИПЭ ФСИН России / под общ. ред. В. Н. Некрасова. Вологда, 2021. Ч. 2. С. 164–168.
4. Белевич А. А. Ротация кадров как системный элемент управления персоналом организации // Мир науки. Социология. Филология. Культура. 2020. № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/12SCSK120.pdf> (дата обращения: 20.07.2024).
5. Богатырев А. И. Ротация кадров в органах внутренних дел как средство противодействия коррупции // Закон и право. 2019. № 4. С. 123–126.
6. Бутков А. В., Кабанов П. А. Об общих дополнительных требованиях к представителям институтов гражданского общества, предлагаемым в состав Комиссий по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов в органах государственной власти // Следователь. 2013. № 2 (178). С. 12–15.
7. Мельникова Н. А., Житков А. А. Правовое регулирование ротации на государственной службе // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики : материалы междунар. науч.-практ. межвед. конф. (г. Самара, 16–17 июня 2016 г.) / под общ. ред. А. А. Вотинова. Самара, 2016. С. 400–402.
8. Поддубная С. Д., Сычанина С. Н. Совершенствование механизма ротации в системе государственного и муниципального управления // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 11-3. С. 219–222.
9. Солодов В. В., Михайлова Е. В. Ротация как механизм повышения эффективности правоохранительной службы Российской Федерации // Государственное управление. Электронный вестник. 2010. № 22. С. 1–9.
10. Безвиконная Е. В. Ротация кадров как перспективная кадровая технология на государственной гражданской службе Российской Федерации // АНИ: экономика и управление. 2018. № 1 (22). С. 40–43.
11. Мурашкина А. С. Институт ротации государственных гражданских служащих : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2021. С. 249.
12. Долинин А. Ю., Брыков Д. А. Совершенствование механизма ротации кадров в уголовно-исполнительной системе // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2 (18). С. 109–113.
13. Кутузова Е. С., Трифонов Ю. Н. О соотношении целей ротации кадров на государственной службе и средств на ее проведение // Развитие территорий. 2019. № 1 (15). С. 39–44.
14. Разуваева Н. И. Совмещение профессий и ротация в органах внутренних дел: современное состояние и перспективы развития // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2014. № 4 (19). С. 139–146.
15. Фатьянов А. А. Современная кадровая технология ротации кадров // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2016. № 2. С. 126–128.
16. Шихалева Ю. Ротация кадров: способы перемещения сотрудников внутри организации. URL: <https://www.hr-director.ru/article/668> (дата обращения: 20.07.2024).
17. Белевич А. А. Особенности ротации кадров государственной гражданской службы // Социология. 2020. № 2. С. 190–197.
18. Белевич А. А. Японская модель ротации государственных служащих // Социология. 2019. № 1. С. 177–183.
19. Современные кадровые технологии в органах власти : моногр. / под общ. ред. С. Е. Прокофьева, А. М. Беляева, С. Г. Еремина. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
20. Ноздрачев А. Ф. Институт ротации в системе государственной гражданской службы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. С. 5–22.

21. Мельникова Н. А. Опыт борьбы с коррупцией в странах Азиатско-Тихоокеанского региона // Правовое регулирование и организация деятельности органов и учреждений ФСИН России по противодействию коррупции: опыт, современное состояние и перспективы развития : сб. материалов науч.-практ. семинара (г. Вологда, 23 апреля 2015 г.) / под общ. ред. С. В. Косоноговой, Н. А. Мельниковой. Вологда, 2016. С. 25–34.
22. Организация ротации государственных служащих. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/010> (дата обращения: 20.07.2024).

REFERENCES

1. Malysheva G.A. Institution of rotation of state civil servants of the Russian Federation. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo = Bulletin of the VSU. Series: Law*, 2012, no. 1 (12), pp. 325–332. (In Russ.).
2. Personnel rotation. In: *Upravlenie personalom. Slovar'-spravochnik* [Personnel management. Dictionary]. Available at: <https://psyfactor.org/personal/personal16-03.htm> (accessed July 20, 2024).
3. Sizov D.O. Personnel rotation as a means of preventing the occurrence of corruption offenses among civil servants. In: Nekrasov V.N. *Nauchnyi vzglyad sovremennoi molodezhi na aktual'nye problemy prava, psikhologii i pedagogiki: sb. nauch. st. obuchayushchikhsya VIPE FSIN Rossii. Ch. 2* [Scientific view of modern youth on current problems of law, psychology and pedagogy: collection of scientific articles of students of the VILE of the FPS of Russia. Part 2]. Vologda, 2021. Pp 164–168. (In Russ.).
4. Belevich A.A. Personnel rotation as a system element of personnel management of an organization. *Mir nauki. Sotsiologiya. Filologiya. Kul'tura = The World of Science. Sociology. Philology. Culture*, 2020, no. 1. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/12SCSK120.pdf> (In Russ.). (Accessed July 20, 2024).
5. Bogatyrev A.I. Personnel rotation in internal affairs bodies as a means of countering corruption. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, 2019, no. 4, pp. 123–126. (In Russ.).
6. Butkov A.V., Kabanov P.A. On general additional requirements for representatives of civil society institutions proposed to the Commission on compliance with requirements for official conduct of public civil servants and regulation of conflicts of interest in public authorities. *Sledovatel' = Investigator*, 2013, no. 2 (178), pp. 12–15. (In Russ.).
7. Mel'nikova N.A., Zhitkov A.A. Legal regulation of rotation in the civil service. In: Votinov A.A. (Ed.). *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennoy etape: vzaimodeistvie nauki i praktiki: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. mezhdved. konf. (g. Samara, 16–17 iyunya 2016 g.)* [Penal system at the present stage: interaction of science and practice: materials of the international scientific and practical conference research and practice intergovernmental conference (Samara, June 16–17, 2016)]. Samara, 2016. Pp. 400–402. (In Russ.).
8. Poddubnaya S.D., Sychanina S.N. Improvement of the rotation mechanism in the system of state and municipal management. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2021, no. 11–3, pp. 219–222. (In Russ.).
9. Solodov V.V., Mikhailova E.V. Rotation as a mechanism for improving the effectiveness of the law enforcement service of the Russian Federation. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik = State Shock Management. Electronic Bulletin*, 2010, no. 22, pp. 1–9. (In Russ.).
10. Bezvikonnaya E.V. Personnel rotation as a promising personnel technology in the state civil service of the Russian Federation. *ANI: ekonomika i upravlenie = ANI: Economics and Management*, 2018, no. 1 (22), pp. 40–43. (In Russ.).
11. Murashkina A.S. *Institut rotatsii gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh: dis. ... kand. yurid. nauk* [Institute of rotation of state civil services: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Nizhny Novgorod, 2021. P. 249.
12. Dolinin A.Yu., Brykov D.A. Improving the mechanism of personnel management in the penal system. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2014, no. 2 (18), pp. 109–113. (In Russ.).

13. Kutuzova E.S., Trifonov Yu.N. On the ratio of the goals of personnel rotation in the civil service and funds for its implementation. *Razvitie territorii = Territorial Development*, 2019, no. 1 (15), pp. 39–44. (In Russ.).
14. Razuvaeva N.I. Combination of professions and rotation in internal affairs bodies: current state and prospects of development. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo = Bulletin of the VSU. Series: Law*, 2014, no. 4 (19), pp. 139–146. (In Russ.).
15. Fat'yanov A.A. Modern personnel technology of personnel rotation. *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of Dagestan State University*, 2016, no. 2, pp. 126–128. (In Russ.).
16. Shikhaleva Yu. *Rotatsiya kadrov: sposoby peremeshcheniya sotrudni-kov vnutri organizatsii* [Staff rotation: ways to move employees within an organization]. Available at: <https://www.hr-director.ru/article/668> (accessed July 20, 2024).
17. Belevich A.A. Features of personnel rotation of the state civil service. *Sotsiologiya = Sociology*, 2020, no. 2, pp. 190–197. (In Russ.).
18. Belevich A.A. The Japanese model of rotation of civil servants. *Sotsiologiya = Sociology*, 2019, no. 1, pp. 177–183. (In Russ.).
19. Modern personnel technologies in government: monograph. Ed. by Prokof'ev S.E., Belyaev A.M., Eremin S.G. *Dostup iz SPS "Konsul'tantPlyus"* [Access from the Consultant Plus reference legal system]. (In Russ.).
20. Nozdrachev A.F. Institute of rotation in the system of state civil service. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*, 2019, no. 5, pp. 5–22. (In Russ.).
21. Mel'nikova N.A. The experience of fighting corruption in the countries of the Asian-Pacific region. In: Kosonogova S.V., Mel'nikova N.A. (Eds.). *Pravovoe regulirovanie i organizatsiya deyatel'nosti organov i uchrezhdenii FSIN Rossii po protivodeistviyu korruptsii: opyt, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya: sb. materialov nauch.-prakt. seminara (g. Vologda, 23 aprelya 2015 g.)* [Legal regulation and organization of the activities of bodies and institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia on combating corruption: experience, current state and prospects of development: collection of materials of scientific and practical workshop (Vologda, April 23, 2015)]. Vologda, 2016. Pp. 25–34. (In Russ.).
22. *Organizatsiya rotatsii gosudarstvennykh sluzhashchikh* [Organization of rotation of civil servants]. Available at: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/010> (accessed July 20, 2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЛАРИСА ЛЕОНИДОВНА МАЛКОВА – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, управления и инженерно-технического обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы инженерно-экономического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, pl-family@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3968-8557>

ДМИТРИЙ ОЛЕГОВИЧ СИЗОВ – старший юрисконсульт юридической группы ИК-16 УФСИН России по Архангельской области, Онега, Россия, dima_sizov_99@mail.ru

LARISA L. MALKOVA – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor at the Department of Economics, Management and Engineering Support of the Activities of the Penal System of the Faculty of Engineering and Economics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, pl-family@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3968-8557>

DMITRII O. SIZOV – Senior Legal Adviser at the Legal Group of the Correctional Facility No. 16 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Arkhangelsk Oblast, Onega, Russia, dima_sizov_99@mail.ru

Статья поступила 26.08.2024

Научная статья

УДК 342.95

doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.006

Административный контроль применения дискреционных полномочий в сфере соблюдения прав осужденных

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

Аннотация. В статье обосновывается вывод о том, что положение осужденных напрямую зависит не только от справедливости правосудия, но и от законности применения дискреционных полномочий должностными лицами пенитенциарных учреждений. Использование дискреционных полномочий без надлежащей ответственности и контроля приводит к фактическим нарушениям прав человека. В свою очередь постепенное внедрение в пенитенциарную практику моделей, способствующих большей транспарентности и ответственности персонала в принятии решений, поможет достичь баланса между необходимостью обеспечения внутреннего порядка и уважения прав каждого осужденного.

Ключевые слова: дискреционные полномочия; административное усмотрение; административные процедуры; уголовно-исполнительная система.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Нагорных Р. В. Административный контроль применения дискреционных полномочий в сфере соблюдения прав осужденных // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 4 (28). С. 57–60. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.006.

Original article

Administrative Control over the Use of Discretionary Powers in the Field of Observance of the Rights of Convicts

ROMAN V. NAGORNYKH

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

Abstract. The article substantiates the conclusion that the situation of convicts directly depends not only on the fairness of justice, but also on the legality of the use of discretionary powers by officials of penitentiary institutions. The use of discretionary powers without proper responsibility and control leads to actual violations of human rights. In turn, the gradual introduction into penitentiary practice

of models that promote greater transparency and responsibility of staff in decision-making will help to achieve a balance between the need to ensure internal order and respect for the rights of each convict.

Keywords: discretionary powers; administrative discretion; administrative procedures; penal system.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Nagornykh R.V. Administrative control over the use of discretionary powers in the field of observance of the rights of convicts. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 4 (28), pp. 57–60. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.006.

Дискреционная деятельность (усмотрение) является основой административной (управленческой) деятельности в различных сферах и областях современного публичного управления. Она предназначена для обозначения определяемой законом степени оперативной самостоятельности органа публичной администрации (должностных лиц) в принятии решений о применении (либо неприменении) полномочий и выборе наиболее целесообразных из допускаемых законом вариантов действий [1, с. 92]. Применение дискреционных полномочий в сфере исполнения уголовных наказаний является неперенным условием эффективной реализации уголовной политики в целом, в том числе условием эффективности непосредственного исполнения различных видов уголовных наказаний, соблюдения режимных требований и установленных судом ограничений прав лиц, привлеченных к уголовной ответственности, и др.

Дискреционные полномочия сотрудников УИС могут непосредственно затрагивать права осужденных, поскольку они создают широкое пространство для индивидуальных решений в отношении последних. В зависимости от конкретного контекста применения дискреционные полномочия должностных лиц УИС, с одной стороны, могут значительно улучшить положение осужденных, а с другой – привести к значительному его ухудшению.

Целью применения дискреционных полномочий является непосредственное правоприменение, связанное с исполнением уголовного наказания, а также уточнение или восполнение пробелов в правовом регулировании с учетом обеспечения баланса интересов личности, общества и государства. В правовом государстве дискреционные полномочия в деятельности УИС могут и должны использоваться с высочайшей степенью ответственности персонала и безусловным учетом прав осужденных. Это предполагает наличие четко установленных нормативных критериев и механизмов, являющихся основой для принятия управленческих или индивидуальных решений, контроля правомерности их принятия и реализации.

Важным организационно-правовым средством в механизме обеспечения правомерности дискреции является контроль деятельности персонала исправительных учреждений [2]. Необходимо, чтобы принимаемые решения подвергались независимой оценке, это позволит ограничить произвольные действия, с одной стороны, и защитить права осужденных – с другой. Вместе тем на практике механизмы контроля часто оказываются недостаточными, что ведет к повторяющимся случаям дискриминации и несправедливого обращения с осужденными [3]. Отсутствие прозрачности в процессе принятия решений влечет за собой не только правовые, но и моральные (репутационные) последствия для всей пенитенциарной системы.

С особой остротой проблема злоупотреблений дискреционными полномочиями проявляется в ходе оценки поведения осужденных. Решение о досрочном освобождении, применении других форм смягчения наказания зависит от мнения администрации учреждения и может быть подвергнуто влиянию субъективных факторов. Это обуславливает необходимость строгого регулирования применения дискреционных полномочий для минимизации рисков, связанных с административным произволом и дискриминацией. В ряде зарубежных исследований отмечается, что представители администрации исправительных учреждений, обладающие дискреционными полномочиями, могут использовать личные предпочтения или шаблоны поведения, что подрывает основные принципы правосудия и приводит к значительным последствиям для осужденных [4]. В частности, профессор Пенсильванского университета Джон Дж. Дилулио отмечает, что «тюремная администрация должна подвергаться мощной системе внутреннего и внешнего контроля своего поведения, включая судебный и законодательный надзор, внимание со стороны средств массовой информации, действие профессиональных норм и этических стандартов, строгий внутренний контроль и инспекции, постоянные внутриведомственные оценки и открытость для внешних исследований» [5]. По мнению ученого, внешний надзор за деятельностью администрации исправительных учреждений затруднен ввиду закрытости учреждений и того, что персонал «физически скрыт от посторонних глаз». При этом Джон Дж. Дилулио утверждает, что «ключом к улучшению тюрем является высоко дисциплинированное конституционное правительство, которое подразумевает наем тюремных менеджеров, способных контролировать себя, одновременно работая над контролем над заключенными» [5, с. 1–5].

Кроме того, важным аспектом ограничения злоупотребления дискреционными полномочиями в отношении осужденных является строгое и неукоснительное исполнение должностными лицами пенитенциарных учреждений требований международных стандартов, которые определяют основные рамки и пределы ограничения прав осужденных. В базовых международных правовых актах подчеркивается, что любые решения, касающиеся прав осужденных, должны приниматься в соответствии с ними [6]. Это обстоятельство в свою очередь подразумевает необходимость постоянной коррекции и совершенствования действующих внутригосударственных пенитенциарных практик в направлении обеспечения защиты прав осужденных и устранения возможностей для произвольного обвинения их в нарушении установленных внутренних правил исправительных учреждений. Открытость, применение различных форм внешнего и внутреннего контроля, необходимость обоснования любых решений, связанных с применением дискреции должны стать важным направлением совершенствования и деятельности отечественной пенитенциарной системы. Фактическое положение осужденных прямо зависит от справедливости осуществляемого правосудия и применения дискреционных полномочий должностными лицами пенитенциарных учреждений. В случае использования дискреционных полномочий без надлежащей ответственности и контроля их следует рассматривать как нарушение прав человека. При этом постепенное внедрение в пенитенциарную практику моделей, способствующих большей транспарентности и ответственности персонала в принятии решений, позволит провести баланс между необходимостью обеспечения внутреннего порядка и уважения прав каждого осужденного.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лазарев Б. М. Компетенция органов управления. М., 1972. 280 с.

2. Зубарев С. М. Теория и практика контроля за деятельностью персонала пенитенциарной системы : моногр. М., 2006. 330 с.
3. Нагорных Р. В. Системные, институциональные и идиосинкразические факторы коррупции в зарубежных пенитенциарных системах: опыт противодействия административной дискреции // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 4 (60). С. 417–424.
4. Hill G. Corruption risks in the criminal justice chain and tools for assessment. Chapter 5: Detention and corrections. URL: <https://www.u4.no/publications/corruption-risks-in-the-criminal-justice-chain-and-tools-for-assessment-chapter-5-detention-and-corrections.pdf> (дата обращения: 25.09.2024).
5. Dilulio J. J. Governing Prisons: A Comparative Study of Correctional Management. N. Y., 1987. 349 p. URL: <https://www.amazon.com/Governing-Prisons-John-J-Dilulio/dp/0029078830> (дата обращения: 25.09.2024).
6. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml (дата обращения: 12.09.2024)

REFERENCES

1. Lazarev B.M. *Kompetentsiya organov upravleniya* [Competence of management bodies]. Moscow, 1972. 280 p.
2. Zubarev S.M. *Teoriya i praktika kontrolya za deyatel'nost'yu personala penitentsiarnoi sistemy: monogr.* [Theory and practice of control over activities of the staff of the penitentiary system: monograph]. Moscow, 2006. 330 p.
3. Nagornikh R.V. Systemic, institutional and idiosyncratic factors of corruption in foreign penitentiary systems: experience in countering administrative discretion. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 4 (60), pp. 417–424. (In Russ.).
4. Hill G. *Corruption risks in the criminal justice chain and tools for assessment. Chapter 5: Detention and corrections.* Available at: <https://www.u4.no/publications/corruption-risks-in-the-criminal-justice-chain-and-tools-for-assessment-chapter-5-detention-and-corrections.pdf> (accessed September 25, 2024).
5. Dilulio J.J. *Governing prisons: a comparative study of correctional management.* New York, 1987. 349 p. Available at: <https://www.amazon.com/Governing-Prisons-John-J-Dilulio/dp/0029078830> (accessed September 25, 2024).
6. *Minimal'nye standartnye pravila obrashcheniya s zaklyuchennymi* [Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners]. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml (accessed September 12, 2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

ROMAN V. NAGORNYKH – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nagornikh-vipe@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>

Статья поступила 14.10.2024

Научная статья

УДК 343

doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.007

Уголовная политика в сфере экономических преступлений

ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА АВДЕЕВА

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Общероссийская общественная организация «Деловая Россия», Мо-
сква, Россия

pravo@deloros.ru

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы уголовной поли-
тики, затрагивающие бизнес и предпринимателей. Представлен анализ су-
ществующих тенденций, включая вопросы неприменения мер защиты прав
субъектов предпринимательской деятельности в ходе расследования пре-
ступлений, декриминализации, выделения специальных составов, услож-
нения процессов, требующих конструирования новых составов и др. Дана
оценка их воздействия на общественные отношения в отложенном периоде,
сформулированы актуальные проблемы правоприменительной практики и
пути их решения. Проанализированы тенденции, которые обусловлены раз-
витием технологий, экономических отношений, рассмотрен вопрос введения
института уголовной ответственности юридических лиц.

Ключевые слова: уголовная политика; декриминализация; криминали-
зация; уголовная ответственность юридических лиц; «бумажный НДС»; неза-
конная предпринимательская деятельность.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Авдеева Е. В. Уголовная политика в сфере эконо-
мических преступлений // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-прак-
тический журнал частного и публичного права*. 2024. № 4 (28). С. 61–72.
doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.007.

Original article

Criminal Policy in the Field of Economic Crimes

EKATERINA V. AVDEEVA

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

All-Russian Public Organization "Business Russia", Moscow, Russia

pravo@deloros.ru

Abstract. The article deals with topical issues of criminal policy affecting business. It analyses current trends, including the issues of non-application of measures to protect the rights of business entities during investigation of crimes, decriminalization, allocation of special compounds, complication of processes requiring construction of new compounds, etc. Their impact on public relations in the deferred period is assessed and topical problems of law enforcement practice and ways to solve them are formulated. The trends associated with the development of technology and economic relations are analyzed and the issue of introducing the institution of criminal liability of legal entities is considered.

Keywords: criminal policy; decriminalization; criminalization; criminal liability of legal entities; "paper VAT"; illegal business activity.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Avdeeva E.V. Criminal policy in the field of economic crimes. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 4 (28), pp. 61–72. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.007.

Сегодня все чаще можно услышать высказывания о необходимости формирования уголовно-правовой политики, потому как точечные изменения уголовного и уголовно-процессуального законодательства вызывают обеспокоенность научного и экспертного сообщества. Подтверждением актуальности вопроса формирования уголовно-правовой политики в современных условиях можно считать и одноименную сессию на XI Петербургском международном юридическом форуме, на которой доктор юридических наук заведующий центром уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики ИЗИСП С. Л. Нудель и заместитель министра юстиции В. В. Федоров озвучили создание рабочей группы в Министерстве юстиции.

На сегодняшний день законодательство не раскрывает понятия «уголовно-правовая политика» и «уголовная политика», что приводит к различным толкованиям ввиду отсутствия дефиниции. Именно отсутствие единообразного понимания и подхода к тем вопросам, которые охватывает понятие, приводит к дискуссии о целесообразности акцентирования внимания на уголовной или уголовно-правовой политике. Не вдаваясь в глубинные исследования в части различных позиций по соотношению уголовно-правовой и уголовной политики, считаем целесообразным все же согласиться с учеными, которые предлагают относить уголовно-правовую политику к уголовной политике, сопоставляя их как «часть» и «целое» [1, с. 106]. Акцентируя внимание именно на уголовно-правовой политике в данной работе, так как именно она представляет собой ядро и нормативную базу всей уголовной политики [2, с. 6], мы будем говорить об уголовной политике в целом, но в направлении именно экономических преступлений. По нашему мнению, важно смотреть на формирование общей уголовной политики государства не только через призму изменений уголовно-правовых, но и уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных, оперативно-розыскных мер, а также нормотворчества, информационной составляющей и организационно-структурного характера, которые в совокупности влияют не только на борьбу с преступностью, но и противодействие ей. А в этой связи следует отметить, что уголовная политика не может развиваться отдельно от других политик, реализуемых государством, потому как все процессы в обществе взаимосвязаны.

В настоящее время происходят значительные изменения в экономической сфере, на что, конечно же, оказывают колоссальное влияние геополитические факторы, в том чис-

ле и беспрецедентные экономические санкции, во многом повлиявшие на хозяйственные процессы. Развиваются новые технологии, вызывающие новые общественные отношения, требующие правовой охраны, все активнее происходит либерализация уголовного законодательства для защиты прав субъектов предпринимательской деятельности, охватывая уже не только уголовно-правовую политику, но и уголовно-процессуальную. Все это требует изменений уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, организационно-структурных вопросов. Но при этом уже давно вызывает опасение нестабильность изменений в уголовной политике, разновекторность развития, несогласованность некоторых нововведений [3, с. 10], приводящих к большому количеству поправок, часть из которых через непродолжительное время демонстрирует негативные тенденции правоприменительной практики, подталкивая к новым преобразованиям или их отмене. Представляется, что пересмотр уголовного и уголовно-процессуального кодексов не должен носить экспериментальный характер, а быть последовательным и обоснованным, проходить оценку через моделирование и прогноз правовых и экономических последствий в отложенном периоде. Необходимо обеспечить последовательный подход к изменению законодательства, учитывать запросы общества, но при этом не создавать избыточно благоприятствующих режимов для отдельных категорий без должного обоснования и анализа последствий.

В текущих условиях значительных изменений на геополитической арене и новых экономических вызовов в нашем государстве возрастает роль предпринимателя, который должен быть огражден от избыточного влияния разрушающих бизнес мер уголовно-правового воздействия без должного основания, чтобы ощущать стабильность и направлять свои ресурсы на развитие реального бизнеса, в том числе требующего долгосрочных вложений. Это особенно важно на стадии расследования уголовных дел ввиду пограничности с гражданско-правовыми спорами некоторых экономических преступлений [4, с. 203], когда уголовно-процессуальные меры могут оказать разрушительное воздействие на бизнес, приводя не просто к его ликвидации, но и потере рабочих мест, снижению денежных поступлений в бюджет из-за ликвидации компании, уплачивающей налоги и др [5, с. 150]. Но при этом тот же предприниматель не должен уходить от наказания за свои нарушения, в том числе когда речь идет об уголовных преступлениях. Особую опасность для общества и экономики представляет такая безнаказанность, когда речь идет о предпринимателе, использующем формально законный бизнес исключительно для получения дополнительных привилегий. Таким образом, вопрос последовательной уголовной политики в части экономических преступлений является актуальным и его рассмотрение представляется целесообразным, исходя из совокупности вызовов, тенденций и изменений.

Так, мы можем говорить о том, что идет либерализация уголовного и уголовно-процессуального законодательства для защиты прав субъектов предпринимательской деятельности. При этом она должна быть достаточной для выполнения той роли, которую играют предприниматели в развитии экономики, должна учитывать последствия и возможное ухудшение криминогенной обстановки в части преступлений экономической направленности.

Сегодня от предпринимательского сообщества поступают предложения по декриминализации некоторых составов преступлений в сфере экономики с предложением перевести их в административную плоскость [6]. Очевидно, что вопрос необходимо рассматривать исходя из критерия общественной опасности, то есть отсутствия вреда для общественных отношений, которые влекут негативные изменения в социальной действительности, нару-

шают упорядоченность системы общественных отношений [7, с. 71], причиняют или создают угрозу причинения определенного вреда общественным отношениям [8, с. 60]. Хотя некоторые ученые полагают, что и отсутствие или низкая степень морального осуждения соответствующего деяния, и неприменение нормы на практике являются основаниями для декриминализации [9, с. 102]. Представляется, что неприменение или редкое применение нормы на практике не означает утрату общественной опасности деяния, потому не стоит забывать о том, что уголовное законодательство выполняет в том числе функцию предупреждения совершения деяний, представляющих общественную опасность.

Очевидно, что многие деяния, ответственность за которые предусмотрена предлагаемыми к декриминализации статьями УК РФ, не утратили вовсе своей общественной опасности, а их перевод в административное законодательство повлечет затруднение в выявлении и расследовании в силу существенных различий в процессах. Так, например, можно ли говорить о том, что незаконное ведение предпринимательской деятельности не представляет того уровня общественной опасности, который требует криминализации? Можно предположить, что криминализация такого деяния избыточна, на что указывают инициаторы предложения по декриминализации этой статьи. Но если оценивать весь спектр правовых и экономических последствий от ведения предпринимательской деятельности без регистрации в совокупности с абсолютной доступностью и простотой регистрации юридического лица или еще более простой способ ведения бизнеса в качестве индивидуального предпринимателя, то встает вопрос о целесообразности исключения ст. 171 УК РФ. Представляется, что лица, которые ведут свою деятельность без должного оформления, получают абсолютно необоснованные конкурентные преимущества за счет уклонения от уплаты налогов и других обязательных отчислений, несоблюдения всех обязательных требований, которые предъявляются для той или иной сферы бизнеса, что уже создает неоднородность положения для равных конкурентных условий. Более того, следует отметить, что Конституция Российской Федерации устанавливает правовые гарантии экономической конкуренции, упреждение, ограничение и пресечение не только монополистической деятельности, но и другой недобросовестной конкуренции [10]. Поскольку в нормах Конституции Российской Федерации заложен потенциал, определяющий две составляющие правового регулирования общественных отношений конкурентного характера: содействие развитию конкуренции (поддержка конкуренции) и защита (охрана) конкуренции, предусматривающие пресечение противоправного поведения при осуществлении экономической деятельности [11, с. 10], то представляется, что отказ от уголовной охраны общественных отношений, складывающихся в процессе осуществления предпринимательской деятельности в установленном законом порядке, будет противоречить охраняемым отношениям. Более того, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без регистрации, преимущественно ориентированы именно на работу с физическими лицами, а ведение деятельности без оформления необоснованно приводит к лишению потребителей защиты, предусмотренной Федеральным законом от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 05.12.2022) «О защите прав потребителей», и создает угрозу в связи с отсутствием верификации безопасности товаров и услуг. Следует отметить, что предлагаемая к декриминализации статья содержит в диспозиции еще и ведение деятельности без лицензии, аккредитации в национальной системе аккредитации или аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств, а здесь уже речь идет об угрозе жизни и здоровью. Безусловно, развитие экономики предполагает, что снижение бюрократических процедур при получении лицензии должно иметь место [12, с. 107], но не отказ от уголовно-правовой охраны. Сегодня

деятельность без регистрации уходит в прошлое, потому как существует режим самозанятых, который активно используется лицами во избежание рисков, но при этом предполагается, что статья выполняет функцию превенции девиантного поведения лица в части законного оформления своей фактически предпринимательской деятельности, а потому представляется преждевременной постановка вопроса о декриминализации. А вот в части ведения деятельности без лицензии кумулятивная общественная опасность не позволяет говорить о целесообразности декриминализации, более того, встает актуальный вопрос о криминализации нарушений в связи с полученной лицензией и неоднократностью выявленных административных нарушений в связи с этим. Стоит отметить, что правоприменительная практика имеет определенную неоднородность и нередко ст. 171 УК РФ применяется тогда, когда это становится удобно правоприменителям, а не является результатом плановой работы. Но вопросы негативных тенденций правоприменительной практики, обусловленных в том числе необходимостью совершенствования самой нормы, не должны быть основанием для декриминализации.

Так, сегодня мы должны признать, что в отношении предпринимателей сформировался особый процессуальный режим уголовного преследования, который обусловлен той значимой функцией, которую они выполняют в контексте целей и задач общества и государства [5, с. 23]. Президент неоднократно обращал внимание на необходимость законодательных гарантий защиты предпринимателей от необоснованного уголовного преследования [13], поэтому курс на либерализацию и декриминализацию обусловлен этим. Действительно, следует признать, что сегодня негативные тенденции правоприменительной практики, относящиеся к уголовно-процессуальным аспектам, нередко приходится решать через вопросы квалификации. Но признавая такой способ решения, мы не можем дефекты правоприменения закладывать в качестве основания декриминализации, так как это нарушило бы доктринальные основы.

Проблемы защиты прав субъектов предпринимательской деятельности, которые приводят к дискуссии о том, каков же их масштаб, не могут быть разрешены, пока не будет видно реальной статистики. А специфика учета, которая имеет место в соответствии с действующим законодательством [14], предполагает проставление в карточке учета преступлений кода, соответствующего совершенному преступлению в сфере предпринимательской деятельности фактически по усмотрению следователя или прокурора. Предполагается ориентироваться на их субъективную оценку достаточности дополнительных данных, позволяющих отнести деяние к категории предпринимательских, поскольку имеющиеся признаки предпринимательской деятельности связаны с использованием статуса для совершения противоправного деяния, что приводит к отнесению преступления к общеуголовному и не дает целостной картины. Это обусловлено спецификой учета [15], что приводит к отсутствию возможности проанализировать все тенденции, предпосылки, сферы экономических отношений, где наиболее часто происходят преступные посягательства, а значит, с одной стороны, создает препятствия для эффективных мер противодействия преступности в экономической сфере, а с другой – для реализации мер защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в ходе расследования преступлений.

Конечно же, получение адекватной статистики не должно быть основанием для выделения специальных составов, которые бы безоговорочно относили деяние к предпринимательским, но в то же время было бы решением вопроса обеспечения защиты прав субъектов предпринимательской деятельности, что в определенных сферах представляется актуальным. На сегодняшний день существует достаточное количество гарантий для

субъектов предпринимательской деятельности в ходе расследования уголовных дел, к которым, конечно же, следует отнести следующие: ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, устанавливающую ограничение на применение наиболее суровой меры пресечения в виде заключения под стражу для субъектов предпринимательской деятельности; ст. 81.1 УПК РФ, предусматривающую четкие сроки приобщения изъятого имущества в качестве вещественных доказательств, назначение экспертизы или возврат изъятого владельцу; ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ, рассматривающую ограничение на применение мер, которые могут способствовать приостановлению законной деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в том числе изъятие электронных носителей информации. Наиболее важной для сохранения бизнеса является гарантия ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, но при этом мы можем говорить о сложившейся практике и по другим гарантиям, когда они применяются с теми статьями Особенной части УК РФ, которые перечислены без оговорки совершения их в сфере предпринимательской деятельности или иной экономической деятельности, но с наиболее часто инкриминируемыми ч. 1–4 ст. 159 УК РФ, а также со ст. 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165, 201 УК РФ, которые применяются далеко не всегда [16, с. 67], что позволяет говорить о негативных тенденциях правоприменительной практики. Это в свою очередь дает основание констатировать недостаточную защиту прав субъектов предпринимательской деятельности. Законодатель вынужден искать новые формулировки статьи, чтобы сделать ее «рабочей» со статьями под условием совершения их в предпринимательской или иной экономической деятельности. Становится очевидным, что попытки законодателя, лежащие только в плоскости уголовно-процессуальных норм, не дают необходимого результата.

Исходя из анализа правоприменительной практики, более эффективным способом решения вопроса применения специальных мер защиты прав субъектов предпринимательской деятельности можно считать выделение специальных составов по основным видам мошенничества в сфере предпринимательской деятельности и отнесения их к безусловно предпринимательским составам, что будет способствовать решению сразу нескольких проблем. Так, например, предложение по выделению специального состава, предусматривающего ответственность за налоговые мошенничества, решит проблему применения с этим составом специальных гарантий, в том числе и ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, как и включение этой статьи в перечень статей, указанных в ст. 76.1 УК РФ, по которым возможно освобождение от уголовного наказания (или прекращение уголовного преследования в соответствии со ст. 28.1 УПК РФ) в связи с возмещением ущерба и уплатой двукратного размера штрафа [5, с. 151]. Аналогичным образом стоит выделить мошенничество в связи с исполнением государственного контракта [5, с. 149]. При этом приходится признавать, что такое выделение означает, что решение проблем процессуального характера через вопросы квалификации хотя и усложняет уголовное законодательство, но не нарушает основополагающие принципы, как происходит в случае разрешения проблем путем полного исключения составов из уголовного законодательства.

Сама защита прав субъектов предпринимательской деятельности, усложнение экономических процессов, появление новых технологий обуславливают необходимость выявления новых деяний, представляющих общественную опасность, в целях защиты добросовестного бизнеса. Так, например, чтобы субъекты предпринимательской деятельности не оказывались под угрозой вменения криминальных сумм налоговой недоимки, позволяющих вменять налоговые составы преступлений, необходимо организовать борьбу с площадками по продаже «бумажного НДС» путем криминализации такого деяния. Сегодня организаторы и участники таких площадок остаются безнаказанными, как и покупатели таких

услуг, поскольку суммы покупок бумажного НДС не достигают порога уголовно наказуемых. А вот их более крупным контрагентам вменяют разрыв НДС [17], что представляет собой умысел по извлечению прибыли в размере 2–3 % от суммы фиктивно подтвержденных данных для получения зачета НДС. Ранее фиктивные документы для зачета предоставлялись в виде бумажных счетов-фактур, которые выдавались компаниями, занимающимися «обналичиванием» поступивших денежных средств, то есть выдавались счета-фактуры, но уплата НДС не производилась, а одновременно выдавались наличные денежные средства, которые выводились через счета индивидуальных предпринимателей, снимались наличными или через счета физических лиц под видом заработной платы и иными способами. Такая деятельность квалифицировалась по ст. 172 УК РФ в качестве незаконной банковской деятельности. Сегодня процессы по получению наличных денежных средств и предоставлению фиктивных документов для получения права на зачет НДС не связаны, фактически предоставление фиктивных документов представляет собой обмен файлами с выстроенной цепочкой контрагентов таким образом, чтобы этого было достаточно для обмана системы АСК-НДС-2 хотя бы на определенный временной период. То есть изменившиеся технологии привели к иному виду противоправных деяний, который требует криминализации. Именно поэтому в 2022 г. был подготовлен законопроект о внесении в состав УК РФ новой спроектированной ст. 173.3 УК РФ [18], предусматривающей ответственность за организацию площадок по продаже «бумажных НДС». В данном случае приходится констатировать, что законодатель идет с определенным отставанием от сложившихся тенденций, так как только за 2021 г., согласно пояснительной записке к законопроекту, объем продажи «бумажных НДС» составлял около 1 трлн руб. При этом актуальным остается вопрос противодействия преступности, а для этого важно, чтобы криминализация была обоснованной, «своевременной» [19, с. 296].

Продолжая тему криминализации в сфере экономических отношений, стоит напомнить о том, что именно социальные реформы и научно-технические достижения, результаты которых возможно использовать для причинения вреда общественным отношениям, требуют соответствующей реакции со стороны государства. Сегодня дает большие возможности, но одновременно и бросает вызовы цифровизация многих процессов. С одной стороны, это приводит к удобству и скорости обработки огромного количества информации, с другой – несанкционированному завладению, получению большого массива персональных данных, что представляет собой существенную угрозу. Причем ответственность за такую утечку для компаний возникает только в рамках административного или гражданского законодательства. Беспилотные транспортные средства, искусственный интеллект, цифровая валюта могут представлять существенную общественную опасность как для физических лиц, так и для компаний, если они в условиях конкуренции будут использоваться без обеспечения защиты. В этой связи необходимо своевременно криминализировать деяния, которые могут представлять общественную опасность, определяемую исходящим от них вредом (важнейший фактор), относительной распространенностью, невозможностью противодействия менее радикальными мерами, например ресурсами административного, дисциплинарного или общественного характера [20, с. 70]. Говоря о криминализации, необходимо учитывать, что уголовная политика должна обеспечивать и соответствующие уголовно-процессуальные нормы, методологию расследования, организационно-структурные вопросы.

Усложнение экономических процессов, структур компаний, их регламентов, а также масштабы выгоды, которую они могут получить, вновь возвращают нас к необходимости

введения института уголовной ответственности юридических лиц. Такая ответственность может быть направлена на защиту реального бизнеса, исключив необходимость «назначения» виновного, которым чаще выступает генеральный директор, устранив неравные условия честного бизнеса по сравнению с бизнесом криминальным [21, с. 6]. Сегодня говорить о целесообразности уголовной ответственности юридических лиц можно не ограничиваясь преступлениями коррупционной направленности, экологическими составами или преступлениями с понятной объективной стороной в сфере экономики, потому как в авангард выводят киберпреступления, которые используют для совершения преступлений информационные технологии и глобальные сети [22, с. 25]. Они представляют повышенную общественную опасность, создают сложности в расследовании и нередко приносят выгоду юридическому лицу, когда ответственные лица руководствуются регламентами и корпоративными правилами, не являясь в конечном счете выгодоприобретателями и даже не имея подобного умысла. Такой институт может также снизить привлекательность эксплуатации уголовного законодательства для устранения конкурентов, но его введение требует комплексного подхода и разработки соответствующего процессуального обеспечения, методологии и выделения подследственности таким образом, чтобы уровень познаний лиц, производящих предварительное следствие, был достаточным и включал знания по корпоративному праву, экономике, гражданскому праву и др. во избежание злоупотреблений.

Методология расследования, уголовно-процессуальные вопросы, санкции и назначение наказания, а также возможность освобождения от уголовного наказания для впервые совершивших преступление экономической направленности не должны быть следствием хаотичных действий законодателя, которые приводят к непоследовательным изменениям в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, «деформации в уголовной политике» [23, с. 45], того, что правоприменительная практика не успевает сформироваться и адаптироваться к изменениям. Нужна последовательная уголовная политика с выделением отдельного блока в сфере экономических и иных преступлений, затрагивающих интересы бизнеса, потому что сегодня как никогда важен баланс, чтобы не позволить взятому курсу на либерализацию привести к избыточной дозволенности и нарушениям, в том числе криминального характера, и сохранить достигнутые результаты по формированию правового поведения субъектов предпринимательской деятельности. При этом должен быть предложен последовательный курс, предполагающий определенную разумную либерализацию, которая будет способствовать раскрытию потенциала этих субъектов.

В завершение нельзя не отметить очень важный аспект, который уже был упомянут, а именно подследственность и методологию расследования. Важно, чтобы следователи обладали достаточными знаниями в области уголовного и уголовно-процессуального права, экономике, управлении, финансах, потому так важно разграничивать гражданско-правовой спор от уголовно наказуемого деяния, а это возможно только при достаточно специфических познаниях в упомянутых сферах, методологии, экспертизы.

Кроме того, необходимо обратить внимание и на правовую грамотность самих предпринимателей [24, с. 409], которая нередко приводит к тому, что перед глазами следователя предстают косвенные доказательства умысла именно на противоправное деяние, приводящее к недовольству со стороны предпринимательского сообщества и обвинению правоохранителей в «силовом давлении» на бизнес. При этом не учитывается тот факт, что сами предприниматели не фиксируют нарушения, которые допускают в отношении них, например, при исполнении государственных контрактов, препятствуя их исполнению, новых договоренностей или во взаимоотношениях с партнерами и контрагентами. А это приво-

дит к взаимному недовольству и к тому, что, с одной стороны, продолжает фиксироваться «силовое давление», а с другой – предприниматели недовольны отказом в возбуждении уголовных дел по их заявлениям.

Подводя итог, следует отметить, что сегодня как никогда необходима последовательная уголовная политика. Мы должны признать, что субъекты предпринимательской деятельности получили свой особый статус в уголовном процессе, их голос слышат и чаще он сводится к декриминализации, но это не означает, что государство должно учитывать только мнение бизнеса. Очевидно, что уголовная политика, которая затрагивает вопросы субъектов предпринимательской деятельности исходя из потребностей общества и государства, должна учитывать курс экономической политики. Поэтому необходимо выстраивать уголовную политику последовательно, во взаимосвязи с другими политиками, входящими в уголовную. Такой комплексный, последовательный и всесторонний подход позволит уйти от точечных латаний законодательства и отклонения от сбалансированного курса развития правового государства, будет учитывать возникающие в обществе новые угрозы общественной безопасности, при этом создаст особый режим для предпринимателей, достаточный для выполнения их задач перед обществом и государством, актуальный для развития экономики, но не избыточный. Все это в совокупности позволит решить поставленные задачи, сохранив и укрепив экономическую безопасность нашей страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маслов В. А. Уголовно-правовая политика: дефиниция и место в структуре уголовной политики // Труды Института государства и права РАН. 2021. Т. 16, № 5. С. 104–123.
2. Недотко Ю. В. Тенденции российской уголовно-правовой политики постсоветского периода : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 25 с.
3. Босхолов С. С., Максимов С. В. Уголовно-правовая политика: опыт, проблемы и пути совершенствования // Пролог: журнал о праве. 2018. № 3. С. 9–19.
4. Авдеева Е. В. Индикаторы и проблемы разграничения гражданско-правового спора и преступного нарушения договорных обязательств // Юридическая наука. 2023. № 4. С. 200–204.
5. Авдеева Е. В. Организация защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в ходе расследования преступлений : моногр. М., 2023. 228 с.
6. Бизнес предложил декриминализовать десять экономических статей в УК. URL: <https://www.rbc.ru/business/09/03/2023/6409371d9a7947657509820d> (дата обращения: 09.03.2023).
7. Уголовное право России : учеб. для вузов : в 2 т. / под ред. А. И. Игнатова, Ю. А. Красикова. М., 2000. Общая часть. Т. 1. 639 с.
8. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. 232 с.
9. Кузнецова И. А. Методы уголовно-правовой политики // Вопросы теории и практики. 2012. № 11 (25). С. 100–104.
10. О защите конкуренции : федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 29.12.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Хабриева Т. Я. Конституционно-правовые основы конкуренции в Российской Федерации // Журнал Российского права. 2017. № 1. С. 5–15.
12. Авдеева Е. В. Уголовно-правовые риски, сопряженные с разрешительной деятельностью в бизнесе // Исполнительная власть и государственное управление: качество и эффективность : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. «Управление через право». М., 2023. С. 105–113.
13. Путин призвал к избранию бизнесменам других мер пресечения вместо СИЗО. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17046529> (дата обращения: 09.03.2023).

14. О едином учете преступлений : приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ, МЧС РФ, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России и ФСКН России от 29.12.2005 № 39/1070/1021/253/780/353/399 (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указание Генпрокуратуры России №34/11; МВД России № 1 от 24.01.2020 (ред. от 13.07.2020) (Перечень № 2 преступлений экономической направленности по уголовным делам, предварительное расследование по которым производится в форме предварительного следствия). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Авдеева Е. В. Эволюция применения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. Вологда, 2023. № 2 (22). С. 65–78.
17. Контроль и работа: в 2022-м под выездные проверки ФНС попало вдвое больше компаний. URL: <https://iz.ru/1476085/milana-gadzhieva/kontrol-i-rabota-v-2022-m-pod-vyezdnnye-proverki-fns-popalo-vdvoe-bolshe-kompanii> (дата обращения: 09.03.2023).
18. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : законопроект от 21.12.2022 № 263208-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/263208-8> (дата обращения: 09.03.2023).
19. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия : моногр. М., 2004. 339 с.
20. Дагель П. С. Условия установления уголовной наказуемости // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 1975. № 4. С. 67–74.
21. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц и цифровая экономика // *Право и цифровая экономика*. 2021. №1 (11). С. 5–12.
22. Федоров А. В. Киберпреступность юридических лиц // *Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации*. 2019. № 2. С. 22–28.
23. Лопашенко Н. А. Уголовная политика по принципу «чего изволите?», или уголовный закон как средство решения всех проблем // *Вестник Московского университета*. Сер. 11 «Право». 2015. № 1. С. 44–55.
24. Авдеева Е. В. Повышение правовой грамотности субъектов предпринимательской деятельности как фактор экономической безопасности // *Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов : сб. материалов XX междунар. науч.-практ. конф.* М., 2023. С. 408–415.

REFERENCES

1. Maslov V.A. Criminal law policy: definition and place in the structure of criminal policy. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2021, vol. 16, no. 5, pp. 104–123. (In Russ.).
2. Nedotko Yu.V. *Tendentsii rossiiskoi ugolovno-pravovoi politiki postsovetского perioda: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Trends in Russian criminal law policy of the post-Soviet period: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Chelyabinsk, 2005. 25 p.
3. Boskholov S.S., Maksimov S.V. Criminal law policy: experience, problems and ways of improvement. *Prolog: zhurnal o prave = Prologue: Law Journal*, 2018, no. 3, pp. 9–19. (In Russ.).
4. Avdeeva E. V. Indicators and problems of differentiation of civil dispute and criminal non-compliance of contractual obligations. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2023, no. 4, pp. 200–204. (In Russ.).
5. Avdeeva E.V. *Organizatsiya zashchity prav sub"ektov predprinimatel'skoi deyatel'nosti v khode rassledovaniya prestuplenii: monogr.* [Organization of protection of the rights of business entities during the investigation of crimes: monograph]. Moscow, 2023. 228 p.
6. *Biznes predlozhit dekriminalizovat' desyat' ekonomicheskikh statei v UK* [The business proposed to decriminalize ten economic articles in the Criminal Code]. Available at: <https://www.rbc.ru/business/09/03/2023/6409371d9a7947657509820d> (accessed March 9, 2023).

7. *Ugolovnoe pravo Rossii: ucheb. dlya vuzov: v 2 t. T. 1. Obshchaya chast'* [Criminal law of Russia: textbook for universities: in 2 volumes. Volume 1. General part]. Ed. by Ignatov A.I., Krasikova Yu. A. Moscow, 2000. 639 p.
8. Kuznetsova N.F. *Prestuplenie i prestupnost'* [Crime and criminality]. Moscow, 1969. 232 p.
9. Kuznetsova I.A. Methods of criminal law policy. *Voprosy teorii i praktiki = Issues of Theory and Practice*, 2012, no. 11 (25), pp. 100–104. (In Russ.).
10. On Protection of Competition: Federal Law No. 135-FZ of July 26, 2006 (as amended of December 29, 2022). *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tant Plyus"* [Access from the Consultant Plus reference legal system]. (In Russ.).
11. Khabrieva T.Ya. Constitutional and legal foundations of competition in the Russian Federation. *Zhurnal Rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2017, no. 1, pp. 5–15. (In Russ.).
12. Avdeeva E.V. Criminal law risks associated with permissive activities in business. In: *Ispolnitel'naya vlast' i gosudarstvennoe upravlenie: kachestvo i effektivnost': sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. "Upravlenie cherez pravo"* [Executive power and public administration: quality and efficiency: collection of materials of the international scientific and practical conference "Management through law"]. Moscow, 2023. Pp. 105–113. (In Russ.).
13. *Putin prizval k izbraniyu biznesmenam drugikh mer presecheniya vmesto SIZO* [Putin called for the election of other preventive measures for businessmen instead of pre-trial detention]. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/17046529> (accessed March 9, 2023).
14. On the unified accounting of crimes: order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation, the Ministry of Justice of the Russian Federation, the FSB of the Russian Federation, the Ministry of Economic Development of the Russian Federation and the Federal Drug Control Service of the Russian Federation of December 29, 2005. No. 39/1070/1021/253/780/353/399 (with amendments and additions). *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tant Plyus"* [Access from the Consultant Plus reference legal system]. (In Russ.).
15. On the introduction of lists of articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the formation of statistical reports: instruction of the Prosecutor General's Office of Russia No. 34/11; Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1 of January 24, 2020 (as amended of July 13, 2020) (List No. 2 of economic crimes in criminal cases, preliminary investigation of which is carried out in the form of a preliminary investigation). *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tant Plyus"* [Access from the Consultant Plus reference legal system]. (In Russ.).
16. Avdeeva E.V. Evolution of the application of Part 1. 1 of Article 108 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. *Ius publicum et privatum: setevoy nauchno-prakticheskii zhurnal chastnogo i publichnogo prava = ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 2 (22), pp. 65–78. (In Russ.).
17. *Kontrol' i rabota: v 2022-m pod vyezdnye proverki FNS popalo vdvoe bol'she kompanii* [Control and work: in 2022, twice as many companies were subjected to on-site inspections by the Federal Tax Service]. Available at: <https://iz.ru/1476085/milana-gadzhieva/kontrol-i-rabota-v-2022-m-pod-vyezdnye-proverki-fns-popalo-vdvoe-bolshe-kompanii> (accessed March 9, 2023).
18. *O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: zakonoproekt ot 21. 12.2022 No. 263208-8* [On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation: Draft Law No. 263208-8 of December 21, 2022]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/263208-8> (accessed March 9, 2023).
19. Lopashenko N.A. *Osnovy ugolovno-pravovogo vozdeistviya: monogr.* [Fundamentals of criminal law impact: monograph]. Moscow, 2004. 339 p.
20. Dagal' P.S. Conditions for establishing criminal liability. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = News of Higher Educational Institutions. Law Studies*, 1975, no. 4, pp. 67–74. (In Russ.).

21. Fedorov A.V. Criminal liability of legal entities and the digital economy. *Pravo i tsifrovaya ekonomika* = *Law and Digital Economy*, 2021, no.1 (11), pp. 5–12. (In Russ.).
22. Fedorov A.V. Cybercrime of legal entities. *Vestnik Moskovskoi akademii Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii* = *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, 2019, no. 2, pp. 22–28. (In Russ.).
23. Lopashenko N.A. Criminal policy on the principle of “What do you want?”, or criminal law as a means of solving all problems. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11 ‘Pravo’* = *Bulletin of the Moscow University. Series 11 ‘Law’*, 2015, no. 1, pp. 44–55. (In Russ.).
24. Avdeeva E.V. Improving the legal literacy of business entities as a factor of economic security. In: *Aktual’nye problemy nauki i obrazovaniya v usloviyakh sovremennykh vyzovov: sb. materialov XX mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Actual problems of science and education in the context of modern challenges: collection of materials of the XX international scientific and practical conference]. Moscow, 2023. Pp. 408–415. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА АВДЕЕВА – кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, руководитель Экспертного центра по уголовно-правовой политике и исполнению судебных актов Общероссийской общественной организации «Деловая Россия», Москва, Россия, pravo@deloros.ru

EKATERINA V. AVDEEVA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Legal Support of Market Economics at the Law School of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, Head of the Expert Center for Criminal Law Policy and Enforcement of Judicial Acts of the All-Russian Public Organization “Business Russia”, Moscow, Russia, pravo@deloros.ru, pravo@deloros.ru

Статья поступила 07.10.2024

Научная статья

УДК 343

doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.008

Существуют ли различия между соблюдением норм криминальной субкультуры и деятельностью запрещенной экстремистской организации «АУЕ»* в местах лишения свободы?

АЛЕКСЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ АГАРКОВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,
oper72.kum@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5326-9757>

Аннотация. В статье рассматривается структура ячейки признанного экстремистским международным общественным движением «АУЕ»*, деятельность которого запрещена на территории Российской Федерации. Поставлена и проанализирована выявленная в ходе судебных разбирательств по уголовным делам, связанным с деятельностью «АУЕ»*, проблема разграничения исторически сложившихся норм криминальной субкультуры и идеологии преступного мира, являющихся основой деятельности «АУЕ»*. Даны рекомендации по разрешению указанной проблемы, которые могут быть использованы в ходе уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: структура «АУЕ»*; признаки деятельности «АУЕ»*; пенитенциарная система; криминальная субкультура; криминальная идеология.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Агарков А. В. Существуют ли различия между соблюдением норм криминальной субкультуры и деятельностью запрещенной экстремистской организации «АУЕ»* в местах лишения свободы? // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 4 (28). С. 73–79. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.008.

Original article

Are There any Differences between Compliance with Norms of Criminal Subculture and Activities of the Banned Extremist Organization “AUE”* in Places of Detention?

ALEKSEI V. AGARKOV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, oper72.kum@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5326-9757>

* Деятельность организации признана экстремистской, запрещена на территории Российской Федерации.

* The organization's activities are recognized as extremist and are prohibited on the territory of the Russian Federation.

Abstract. The article considers a structure of the cell of the extremist international social movement “AUE”*, whose activities are prohibited on the territory of the Russian Federation. The problem of distinguishing historically established norms of criminal subculture and the criminal world ideology, which is the basis of “AUE”* activities, identified during the trials in criminal cases related to “AUE”* activities, is analyzed. The author presents recommendations for resolution of this problem which can be used in the course of criminal proceedings.

Key words: “AUE”* structure; signs of “AUE”* activity; penitentiary system; criminal subculture; criminal ideology.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Agarkov A.V. Are there any differences between compliance with norms of criminal subculture and activities of the banned extremist organization “AUE”* in places of detention? *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 4 (28), pp. 73–79. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.008.

Криминальная субкультура в учреждениях пенитенциарной системы сформировалась еще во времена Российской империи [1, с. 27–73], активно развивалась в 1930-е гг., достигнув своего пика в начале 1950-х гг. Именно в этот период сформировались основные неформальные правила криминальной среды. Высшая власть – «воровская сходка», где разбираются все инциденты, назревшие вопросы, вырабатывается дальнейший план действий и поведения в связи с обстановкой. Представители высшей власти, так называемые воры в законе, презируют все устои человечества о труде, совести, чести, приличии, поведении. У них выработаны свои понятия об этом: пренебрежение к оседлому образу жизни, работе, семье, сотрудничеству с властями; отступление, предательство, измена, проигрыш в карты, несвоевременная выплата долга влекут за собой смерть, при более легких обстоятельствах – избиение, общее презрение, потерю воровского звания «честного урки» [2].

Каковы же особенности деятельности запрещенной экстремистской международной общественной организации «АУЕ»* (МОД «АУЕ»*) в местах лишения свободы в современных условиях? В первую очередь следует подчеркнуть, что ее структура носит децентрализованный характер: в нее входят относительно самостоятельные группы лиц, признающие ее ценности. Руководителя у МОД «АУЕ»* нет, а координацию деятельности его ячеек осуществляют так называемые воры в законе, разделившие сферы влияния либо по территориальному, линейному, либо смешанному принципу (например, МОД «АУЕ»* в местах лишения свободы ряда регионов Центрального федерального округа).

На сегодняшний момент иерархию осужденных, тесно переплетающуюся с преступной (криминальной) иерархией, возможно описать следующим образом (на примере исправительного учреждения) [3, с. 80–82]. Высшее положение занимает «положенец» или «смотрящий». Это не статус в криминальной среде, они будут рассмотрены ниже, а неформальная должность, предусматривающая властные, руководящие полномочия: нормативные, организационно-управленческие, судебные и исполнительные. Являясь лидером ячейки МОД «АУЕ»*, «положенец» или «смотрящий» самостоятельно формулирует или передает поступившие от вышестоящих в преступной иерархии лиц обязательные для исполнения

* Деятельность организации признана экстремистской, запрещена на территории Российской Федерации.

предписания, организует и контролирует их исполнение, назначает нижестоящих «смотрящих», разрешает конфликтные ситуации и наказывает виновных.

Следует отметить, что функционал «положенца» или «смотрящего» одинаков, разница заключается лишь в процедуре их назначения. Если «положенца» назначает непосредственно вор в законе – лицо, пользующееся общероссийским или международным преступным авторитетом в криминальной среде, то «смотрящие» получают свой статус от «положенца» или «смотрящего», контролирующего более крупный объект и назначающего себе подчиненных. Возможна ситуация, когда «смотрящий» за объектом (колонией, следственным изолятором, как, впрочем, и городом, поселком) назначается общим собранием лидеров группировок отрицательной направленности, действующих на объекте – так называемой «сходкой» («сходняком»). При этом здесь также используется смешанный линейно-объектовый принцип распределения обязанностей. Так, например, «положенец за колонией» назначает «смотрящих за отрядами», «смотрящего за столовой», «смотрящего за крышей» (помещения камерного типа и штрафного изолятора) по объектовому принципу, тогда как «смотрящего за игрой», «смотрящего за общаком» – по линейному принципу.

Следующая ступень в криминальной иерархии, находящаяся незначительно ниже «положенца» или «смотрящего», – так называемый бродяга – представитель неформальной социальной группы в криминальной среде, состоящей из подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в местах принудительной изоляции от общества, отрицающих социальную изоляцию, безусловно соблюдающих неформальные нормы и правила противоправного (преступного) характера, включенные в воровской уклад (воровской закон) [4, с. 61]. Соглашаясь в целом с приведенным определением, следует, тем не менее, отметить, что «бродяга» – неформальный статус, звание, которое действует как в учреждении уголовно-исполнительной системы, так и за его пределами. Находясь в местах лишения свободы, носитель указанного статуса не обязан руководить преступной ячейкой, но может выступать третейским судьей при «неправильном» разборе конфликта смотрящим, может нести ответственность перед вором в законе, если смотрящий проводит неправильную политику и др. Здесь мы полностью согласны с мнением А. В. Звонова: «Формально не занимая “должности” в руководстве сообществом, они обладают возможностями по оказанию влияния на принимаемые решения: с ними часто советуются при принятии решений лица, занимающие высшее положение в криминальной иерархии, в процессе руководства организацией они имеют необходимые связи и контакты с лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, могут оказывать влияние на принимаемые решения и т. д. Несмотря на отсутствие формального функционала, они занимают одно из высших положений в преступной иерархии» [5, с. 303]. Вместе с тем подчеркнем, что если «бродяга» не совершает вышеперечисленные действия либо совершает их редко и несистемно, относить его к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, не совсем верно.

Ниже в преступной иерархии находятся лица, имеющие обобщающий статус «блатные» (их также называют «братва», «черные»). Здесь необходимо подчеркнуть, что в отличие от военной или правоохранительной службы большинство неформальных статусов в криминальной среде процедурно не присваивается, устойчивой «табели о рангах» не существует, поэтому общий термин «блатные» обозначает ряд неформальных статусов: «арестанты» («порядочные арестанты»), «босыки», «путевые», «жулики» и др. Они живут по традициям криминальной субкультуры – «укладу». В соответствии с ним другим категориям осужденных нужно решать проблемные вопросы только через них, напрямую обращаться к ад-

министратии учреждения запрещается. «Братва» также имеет привилегии среди других осужденных: они контролируют все события в отряде, при необходимости организуют сбор («сходку», «сходняк») осужденных (например, для соблюдения ежемесячной традиции – заочного поздравления с днем рождения или поминовения воров в законе), распоряжаются «общим» (финансами), еду им приносят в отряд (в отличие от других осужденных, которые ходят в столовую), они не работают, имеют или пытаются получить возможность нелегально получать средства сотовой связи, могут взять телефон с «общего». «Братва» категорически отрицает свою причастность к МОД «АУЕ»^{*} при даче объяснений или на допросах, но всячески напоминает об этом осужденным.

«Мужики» – наиболее распространенная категория осужденных, придерживающихся воровских традиций, но не обладающих какими-либо властными полномочиями. Они работают в промышленной зоне либо живут в отрядах. «Мужики» находятся в так называемой общей массе, то есть они могут общаться, сидеть за одним столом с «братвой», участвовать в «сходняках». Лидеры криминальной среды декларируют, что вся их деятельность направлена во благо «мужиков». При этом данная категория осужденных в случае какого-либо конфликта с администрацией учреждения должна выполнять указания братвы, к примеру, об остановке производства (скажут, что не работают машины, нет материала). «Мужики» ежемесячно пополняют «общак», участвуют в сходках отряда, организуемых «блатными», соблюдают традиции криминальной субкультуры: не общаются с осужденными из категории обиженных, не принимают с ними пищу, не берут у них какие-либо вещи в пользование и др. Нарушители этих традиций сами теряют свой статус, становясь обиженными.

Несколько слов стоит сказать о роли общака. Общак (общее) – вещи (как правило, продукты питания, табачные изделия, предметы первой необходимости и т. д.) и денежные средства, накапливаемые, контролируемые и распределяемые лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, в целях ресурсной и финансовой подпитки отдельных участников криминальной среды, членов организованных преступных структур, а также лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, безусловно подчиняющихся неформальным нормам и правилам противоправного (преступного) характера, включенным в воровской уклад (воровской закон), своего рода касса взаимопомощи [6, с. 23–24].

«Красные» – категория осужденных, которые открыто сотрудничают с администрацией учреждения, выполняют их законные требования. Данные осужденные живут обособленно от других, участия в «сходняках» не принимают, работают на должностях по обеспечению жизнедеятельности учреждения: в банно-прачечном комплексе, столовой и др. «Красные» не придерживаются воровской идеологии, указания братвы не выполняют. Вместе с тем традиции криминальной субкультуры в отношении обиженных они соблюдают, не желая рисковать потерей собственного статуса.

«Обиженные» – категория осужденных с низким социальным статусом. Они выполняют всю грязную работу в учреждении (моют унитазы, подметают улицы и т. п.). К данной категории относят, как правило, осужденных за преступления, не одобряемые криминальной средой: изнасилование, насильственные действия сексуального характера, любые гомосексуальные действия. Они вынужденно, под угрозой физического воздействия и постоянным психологическим давлением соблюдают традиции криминальной субкультуры в части взаимодействия с другими осужденными. Кроме того, в ряде учреждений ими соблюдают-

^{*} Деятельность организации признана экстремистской, запрещена на территории Российской Федерации.

ся и иные традиции, например возможно наличие своего неформального лидера («смотрящего за петухами», «главпетуха»).

Как уже упоминалось выше, если осужденный поздоровается за руку, попьет или поест из одной тарелки, сядет за один стол, покурит одну сигарету с «обиженным», зная о его статусе, то этого осужденного «братва» сразу «поставит под вопрос», то есть усомнится в его неформальном статусе. Временно, до разрешения ситуации, ему будет запрещено заходить в общую кухню, будет выделено отдельное от других осужденных спальное место, установлены ограничения в общении с другими осужденными. Дальнейшую судьбу провинившегося также будут определять «блатные».

Каким же образом возможно разграничить иерархию осужденных и преступную иерархию, которой руководствуются члены МОД «АУЕ»? По нашему мнению, формулировать вопрос таким образом некорректно. Нельзя относить ту или иную неформальную социальную группу осужденных к иерархии осужденных или преступной иерархии, учитывая, что они во многом тождественны. Следует исследовать отношение конкретного лица, имеющего неформальный статус в криминальной субкультуре, к нормам не криминальной субкультуры, а криминальной идеологии, служащей основой для деятельности МОД «АУЕ»*. Особую сложность обозначенной проблеме придает то обстоятельство, что неформальный статус в криминальной субкультуре имеется у каждого подозреваемого, обвиняемого, осужденного. На сегодняшний день нам не известно о существовании мест лишения свободы, в которых не имеется разделения на неформальные социальные группы, включая исправительные учреждения для содержания осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов (хотя в них неформальные группы носят другие названия и строятся по несколько иным признакам).

Здесь же возникает еще один вопрос, обусловленный распространенностью криминальной субкультуры в местах лишения свободы и соблюдением ее традиций не только «блатными», но и «мужиками» (а некоторых традиций и «красными»): являются ли все лица, соблюдающие традиции криминальной субкультуры, членами МОД «АУЕ»? Мы считаем, что не являются, а соблюдение криминальных традиций и экстремистскую деятельность МОД «АУЕ»* возможно разделить в соответствии с ч. 2 ст. 282.2 УК РФ «Участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности». Под участием в деятельности экстремистской организации, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», понимается совершение лицом умышленных действий, направленных на осуществление целей экстремистской организации (проведение бесед в целях пропаганды деятельности запрещенной организации, вербовка новых участников, непосредственное участие в проводимых мероприятиях и т. п.). При этом следует обратить внимание, что указанное постановление относит к участию в деятельности экстремистской организации непосредственное участие в проводимых мероприятиях, что возможно сопоставить с относительно распространенными среди осужденных действиями: отказом садиться за один стол с так называемым обиженным, сдачей средств в «общак» или участием в «сходняке» осужденных для соблюдения уже упоминавшейся ежемесячной традиции криминальной субкультуры – заочного поздравления

* Деятельность организации признана экстремистской, запрещена на территории Российской Федерации.

с днем рождения или поминовения воров в законе. Здесь мы считаем необходимым оценивать мотивацию участников: субъективная сторона указанного преступления характеризуется наличием вины в форме прямого умысла организаторов и участников – в желании организовать деятельность экстремистской организации либо участвовать в ее деятельности [7, с. 82]. Таким образом, если осужденный не садится рядом с так называемым обиженным, сдает деньги на «общее» или участвует в «сходняке», желая следовать криминальной идеологии, – он совершает преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 282.2 УК РФ. Если мотивом для него служит страх физической расправы, понижения статуса, желание быть как все и др., состава указанного преступления не имеется.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что вопросы разграничения деятельности преступных ячеек и соблюдения осужденными норм криминальной субкультуры в ряде случаев представляют значительную сложность, так как криминальная идеология, являющаяся основой деятельности, во многом использует указанные нормы. Для разрешения затруднений необходимо установить мотивацию лица, степень его вовлеченности в деятельность ячейки МОД «АУЕ»^{*} и желание участвовать в экстремистской деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дорошевич В. М. Каторга-2. «Добрый человек». М., 2001. 198 с.
2. Хармаев Ю. В., Латыпова К. С., Саранова Ю. А. Трансформация «воровского» движения в криминальной среде в послевоенный период (конец 40-х – начало 50-х годов XX века) // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16 (1–4), № 3. С. 296–305.
3. Агарков А. В., Шиков А. А. Оперативно-розыскное документирование деятельности лидеров уголовной среды и членов экстремистской организации «АУЕ» // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1 (57). С. 77–86.
4. Корецкий Д. А., Тулегенов В. В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение СПб., 2006. 241 с.
5. Звонов А. В. некоторые признаки международного общественного движения «А.У.Е.» // Сборник тезисов выступлений и докладов участников VI Международного пенитенциарного форума «Преступление, наказание, исправление» (приуроченного к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»). Рязань, 2023. С. 301–307.
6. Шиков А. А., Агарков А. В., Капустин К. В. Криминальная среда: основные понятия и терминология : толковый словарь. Владимир, 2024. 44 с.
7. Карягина О. В., Авакова Н. И. Роль мотива в совершении преступлений экстремистской направленности // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2016. № 2 (24). С. 79–83.

REFERENCES

1. Doroshevich V.M. *Katorga-2. "Dobryi chelovek"* [Katorga-2. "The good man"]. Moscow, 2001. 198 p.
2. Kharmaev Yu.V., Latypova K.S., Saranova Yu.A. Transformation of the "thieves" movement in the criminal environment in the post-war period (late 40s – early 50s of the XX century). *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2021, vol. 16 (1–4), no. 3, pp. 296–305. (In Russ.).

^{*} Деятельность организации признана экстремистской, запрещена на территории Российской Федерации.

3. Agarkov A.V., Shikov A.A. Recording investigation into activities of criminal leaders and AUE extremist organization members. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 77–86. (In Russ.).
4. Koretskii D.A., Tulegenov V.V. *Kriminal'naya subkul'tura i ee kriminologicheskoe znachenie* [Criminal subculture and its criminological significance]. Saint Petersburg, 2006. 241 p.
5. Zvonov A.V. Some signs of the AUE international public movement. In: *Sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov VI Mezhdunarodnogo penitentsiarnogo foruma "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie" (priurochennogo k 30-letiyu so dnya prinyatiya Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii i Zakona Rossiiskoi Federatsii ot 21 iyulya 1993 g. No. 5473-I "Ob uchrezhdeniyakh i organakh ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii")* [Collection of abstracts of speeches and reports of participants of the VI International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, Correction" (dedicated to the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation and the Law of the Russian Federation dated July 21, 1993 No. 5473-I "On institutions and bodies of the penal system of the Russian Federation")]. Ryazan, 2023. Pp. 301–307. (In Russ.).
6. Shikov A.A., Agarkov A.V., Kapustin K.V. *Kriminal'naya sreda: osnovnye ponyatiya i terminologiya: tolkovyi slovar'* [Criminal environment: basic concepts and terminology: explanatory dictionary]. Vladimir, 2024. 44 p.
7. Karyagina O.V., Avakova N.I. The role of motive in the commission of extremist crimes. *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ekonomiki = Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics*, 2016, no. 2 (24), pp. 79–83. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ АГАРКОВ – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела по исследованию проблем оперативно-розыскной деятельности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, oper72.kum@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5326-9757>

ALEKSEI V. AGARKOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Leading Researcher at the Department for the Study of Law Enforcement Intelligence of the Center for the Study of Security Problems in Institutions of the Penal System of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, oper72.kum@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5326-9757>

Статья поступила 03.10.24

Научная статья

УДК 343.775

doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.009

Экологическая преступность: основные тенденции развития и предупреждения¹

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА АНТОНЯН

Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина, Москва, Россия, antonyaa@yandex.ru

ОЛЬГА РОМАНОВНА АФАНАСЬЕВА

Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина, Москва, Россия, afanasevaor@yandex.ru

Аннотация. На основании официальных статистических данных ГИАЦ МВД России осуществлен комплексный анализ современной экологической преступности и определены тенденции ее развития как результата реализации государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования. Авторы статьи пришли к следующим выводам: 1) динамика количества зарегистрированных экологических преступлений и числа лиц, выявленных за их совершение, в период с 2017 по 2023 г. характеризуется тенденцией снижения, что, по мнению специалистов, не отражает реального состояния преступности ввиду высоких показателей ее латентности; 2) установлена тенденция снижения доли экологической преступности в общей структуре зарегистрированной преступности; 3) наблюдается рост раскрываемости на фоне сокращения абсолютных показателей, отражающих количество раскрытых и нераскрытых экологических преступлений; 4) структура экологической преступности не претерпевает кардинальных изменений, на протяжении исследуемого периода отмечается последовательный рост удельного веса фактов незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ), а также снижение незаконной рубки

Ключевые слова: экологическая безопасность; окружающая среда; экологическое преступление; экологическая преступность; вызов; приоритет.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Антонян Е. А., Афанасьева О. Р. Экологическая преступность: основные тенденции развития и предупреждения // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2024. № 4 (28). С. 80–89. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.009.

¹ Проект реализуется в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030».

Environmental Crime: Key Trends in Development and Prevention

ELENA A. ANTONYAN

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia,
antonyaa@yandex.ru

OL'GA R. AFANAS'EVA

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia,
afanasevaor@yandex.ru

Abstract. Based on the official statistical data of the Main Informational and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the authors of the article conducted a comprehensive analysis of modern environmental crime and identified trends in its development as a result of the implementation of state policy in the field of environmental safety and rational use of natural resources. The authors came to the following conclusions: 1) the dynamics in the number of registered environmental crimes and the number of persons identified for their commission in the period from 2017 to 2023 are characterized by a downward trend, which, according to experts, does not reflect the real state of crime due to its high latency; 2) there is a tendency to reduce the share of environmental crime in the overall structure of registered crime; 3) there is an increase in detection against the background of a decrease in absolute indicators reflecting the number of solved and unsolved environmental crimes; 4) the structure of environmental crime does not undergo drastic changes, during the period under study there was a consistent increase in the proportion of illegal extraction (catch) of aquatic biological resources (Article 256 of the Criminal Code of the Russian Federation), as well as a decrease in illegal logging of forest plantations (Article 260 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Keywords: environmental safety; environment; environmental criminal offense; environmental crime; challenge; priority.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Antonyan E.A., Afanas'eva O.R. Environmental crime: key trends in development and prevention. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 4 (28), pp. 80–89. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.009.

Неблагополучное состояние окружающей среды, а также необходимость укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности предопределили содержание современной экологической политики государства, основные направления и приоритеты которой обусловлены положениями Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г., Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г., Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и др.

Согласно положениям п. 20 Стратегии экологической безопасности Российской Федерации к числу внутренних вызовов экологической безопасности относятся «существен-

ная криминализация и наличие теневого рынка в сфере природопользования, нецелевое и неэффективное использование средств, поступающих в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации» [1; 2], в числе внешних угроз экологической безопасности отмечаются «трансграничные загрязнение атмосферного воздуха, лесные пожары, перераспределение стока трансграничных водотоков, создание препятствий для миграции животных, в том числе водных, несанкционированная добыча (вылов) водных биологических ресурсов, отстрел мигрирующих видов животных, перемещение на территорию Российской Федерации зараженных организмов, способных вызвать эпидемии (эпизоотии, эпифитотии) различного масштаба».

Экологической преступностью, рассматриваемой как внутренней, так и внешней угрозой экологической безопасности, ежегодно причиняется существенный вред, выражающийся в негативных социальных последствиях, определение и исчисление которых представляется затруднительным, поскольку причинение вреда одному компоненту окружающей среды влечет возникновение правоотношений разного характера ввиду существующей взаимосвязи экологических процессов [3]. При этом составляющий его материальный ущерб в 2023 г. по оконченным уголовным делам составил 17 408 569 тыс. руб. Следовательно, доля причиненного экологической преступностью материального ущерба составила 2,96 % от размера материального ущерба, причиненного всеми расследованными преступлениями в Российской Федерации (рис. 1).

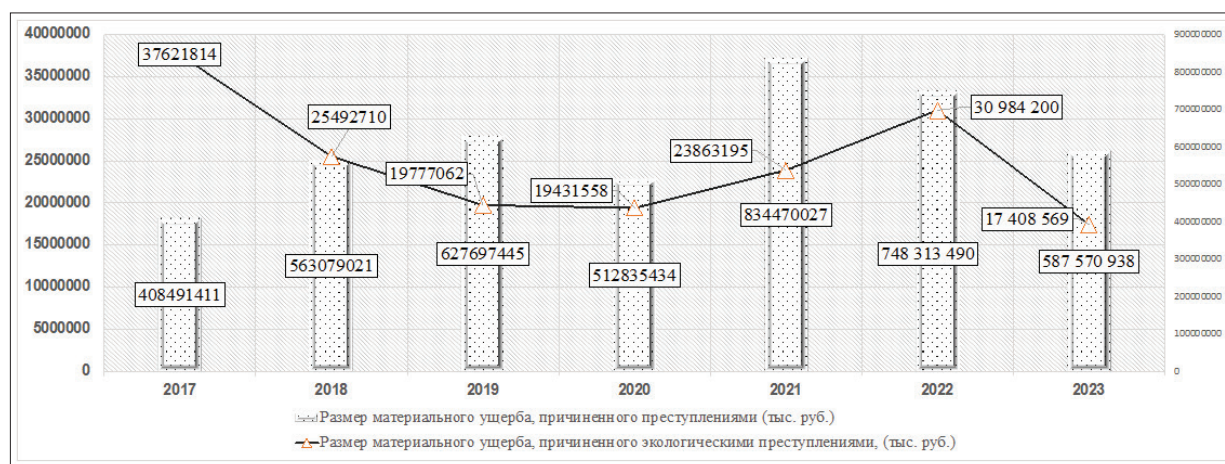

Рис. 1. Материальный ущерб, причиненный преступлениями, совершенными в Российской Федерации в 2017–2023 гг. (в тыс.)

Анализ официальной статистической отчетности ГИАЦ МВД России за 2017–2023 гг. показывает устойчивую тенденцию к снижению зарегистрированной экологической преступности. Так, в 2023 г. было зафиксировано 16 211 экологических преступлений, что на 15 % меньше по сравнению с 2022 г. (19 070) и на 33,5 % ниже показателя 2017 г. (24 379). Кроме того, в 2023 г. наблюдается снижение числа лиц, выявленных за совершение экологических преступлений, на 12,1 % (10 233 чел.). Темп снижения числа выявленных лиц по сравнению с 2017 г. составил 24,8 % (в 2017 г. – 13 616 преступников) [1; 2; 4] (рис. 2).

Также наблюдается тенденция к снижению доли экологической преступности в общей структуре преступности, зарегистрированной в Российской Федерации. Так, если в 2017 г. она составляла 1,2 %, то по итогам 2023 г. она уменьшилась до 0,83 %. При этом доля выявленных лиц, совершивших экологические преступления, в течение исследуемого периода имела волнообразный характер, колеблясь в пределах от 1,36 до 1,44 % (рис. 3). Снижение

значения анализируемых показателей может свидетельствовать о том, что экологическая преступность постепенно теряет свою значимость в криминальной пораженности России, однако необходимо осознавать, что каждое экологическое преступление влечет совокупность негативных последствий как для окружающей среды, так и для общества в целом (рис. 3).

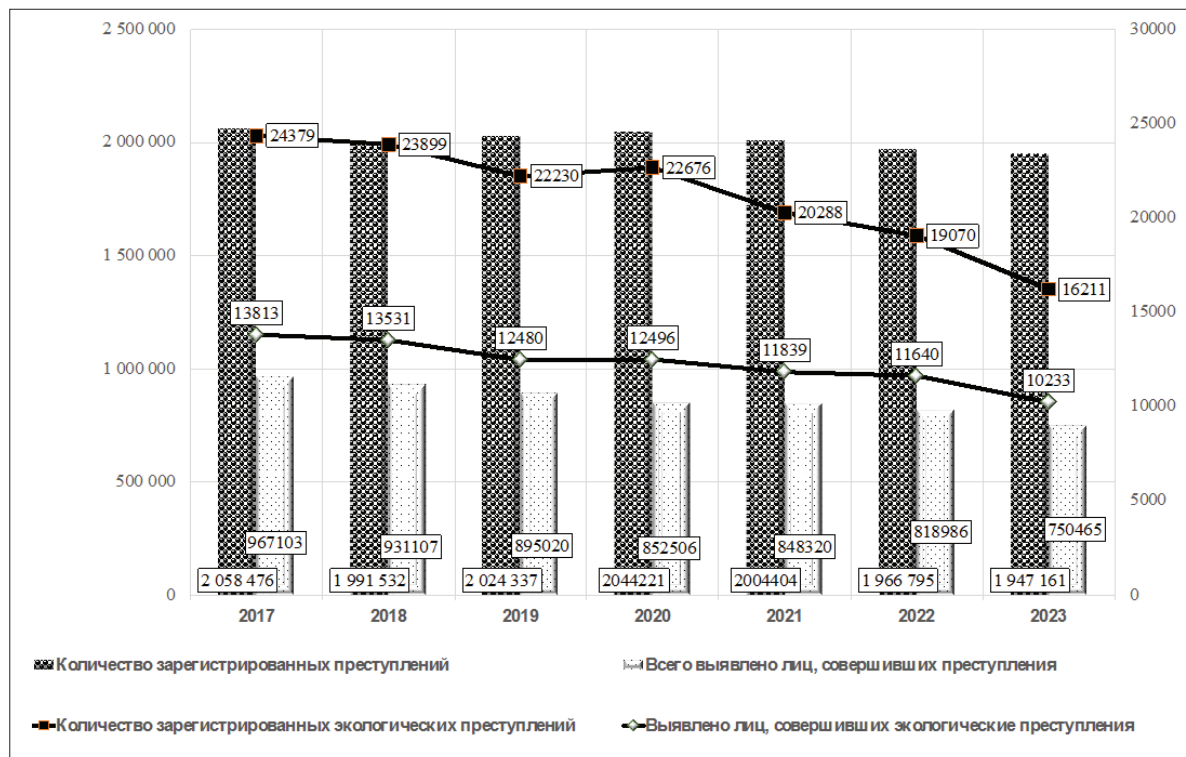

Рис. 2. Динамика количества зарегистрированных экологических преступлений и числа выявленных лиц за их совершение, в России в 2017–2023 гг.

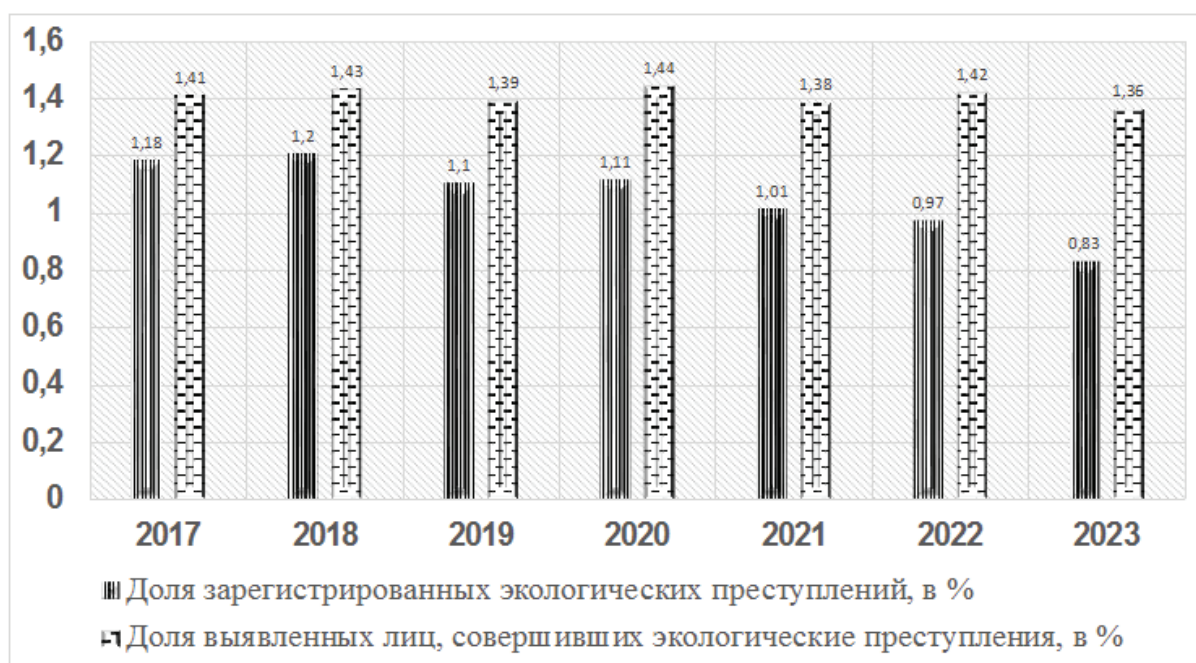

Рис. 3. Динамика доли зарегистрированных экологических преступлений и лиц, выявленных за их совершение в Российской Федерации в 2017–2023 гг.

Сокращение количества экологических преступлений, зарегистрированных в Российской Федерации, повлекло снижение значения уровня экологической преступности – 11,07 преступлений на 100 тыс. населения (рис. 4).

Рис. 4. Уровень экологической преступности в Российской Федерации в 2017–2023 гг.

В 2023 г. показатель раскрываемости экологической преступности составил 56,1 и превысил значение среднероссийского показателя раскрываемости преступности в целом, составляющего 53,4. Между тем наблюдается сокращение абсолютных значений раскрытых и нераскрытых преступлений. Сокращение объемов регистрируемых экологических преступлений, сопровождаемое снижением количества раскрытых и нераскрытых экологических преступлений, может свидетельствовать как о повышении результативности профилактики экологической преступности, так и снижении эффективности работы правоохранительных и правоприменительных органов [1; 2] (см. табл.).

*Раскрываемость экологических преступлений
в Российской Федерации в 2017–2023 гг.*

	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Раскрыто экологических преступлений	12 013	11 931	10 837	10 918	10 432	10 451	9196
Прирост (+) / снижение (–) (%)	0,9	-0,7	-9,2	0,7	-4,5	0,2	-12,0
Раскрываемость	50,1	50,3	49,2	49,2	51,7	55,3	56,1
Не раскрыто экологических преступлений	11 956	11 783	11 184	11 261	9764	8445	7194

Из перечня преступлений, образующих экологическую преступность, достаточно высокими показателями раскрываемости характеризуются такие виды преступлений, как нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации (ст. 253 УК РФ) – 50 %; нарушение правил охраны и использования недр (ст. 255 УК РФ) – 150 %; незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ) – 88,4 % и незаконная добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (ст. 258.1 УК РФ) – 52,4 %.

К числу преступлений, имеющих самые низкие показатели раскрываемости, относятся: нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений (ст. 249 УК РФ) – 20 %, загрязнение вод (ст. 250 УК РФ) – 15,4 %, загрязнение атмосферы (ст. 251 УК РФ) – 21,4 %, загрязнение морской среды (ст. 252 УК РФ) – 20 %, порча земли (ст. 254 УК РФ) – 12,9 %, уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 261 УК РФ) – 6,6 % и нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов (ст. 262 УК РФ) – 14,8 %. Безусловно, показатели столь низкой раскрываемости по распространенным видам экологических преступлений вызывают озабоченность и определяют необходимость устранения проблем их раскрытия и расследования.

В 2023 г. структуру экологической преступности, также как и в предшествующие годы, составили следующие виды преступлений: незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) – 48,51 %, незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ) – 33,01 %, незаконная охота (ст. 258 УК РФ) – 7,85 %, незаконная добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (ст. 258.1 УК РФ) – 5,97 %, уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 261 УК РФ) – 2,34 %, порча земли (ст. 254 УК РФ) – 0,86 % (см. рис. 5).

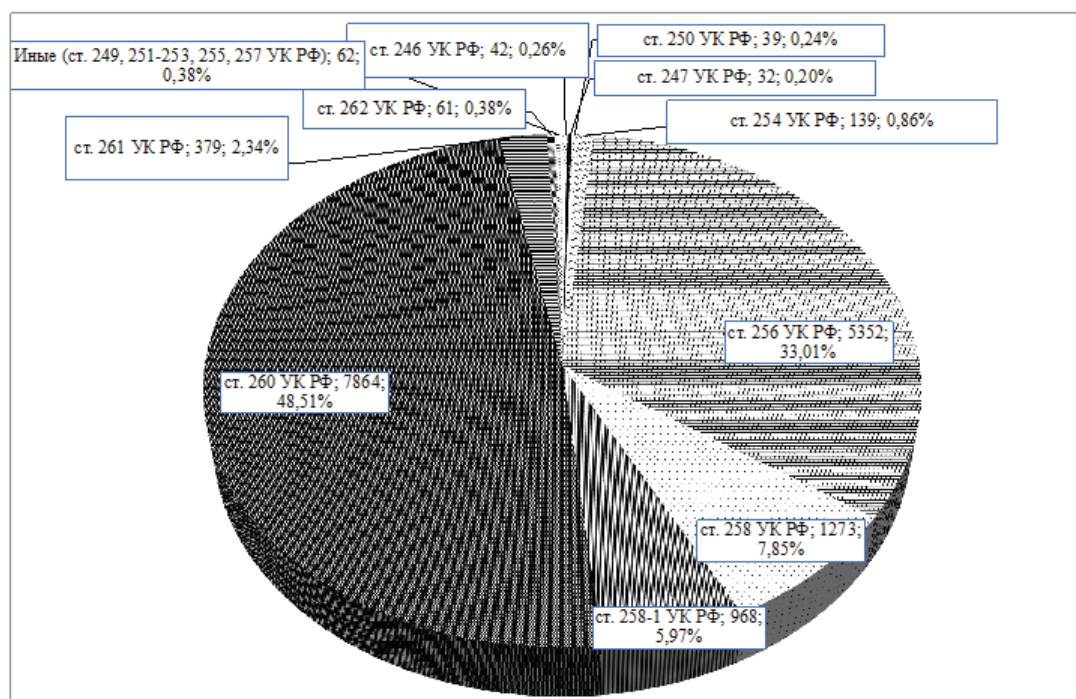

Рис. 5. Структура экологической преступности в Российской Федерации в 2023 г.

На протяжении исследуемого периода отмечается последовательный рост удельного веса фактов незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ), а также снижение незаконной рубки лесных насаждений (ст. 260 УК РФ).

Представленная структура экологической преступности и ее изменения предопределяются совокупностью факторов. Так, рост доли фактов незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, фиксируемый на протяжении исследуемого периода, возможно обусловлен как экономической необходимостью и потребительским интересом к

водным биологическим ресурсам; нелегальными методами деятельности, особенно в условиях, когда легальная добыча требует выполнения сложных требований или квотирования; коррупционными схемами в сфере рыболовства, создающими благоприятные условия для незаконного вылова. Кроме того, отсутствие эффективного мониторинга и контроля за водными ресурсами позволяют людям действовать безнаказанно, а негативные экологические изменения, такие как загрязнение водоемов и изменения климата, могут снижать численность легально добываемых видов биологических ресурсов, что тоже предопределяет использование незаконной добычи биологических ресурсов как способа сохранения уровня дохода.

С другой стороны, наблюдаемое снижение количества незаконной рубки лесных насаждений может свидетельствовать об эффективности реализации государством проектов, направленных на экологическое просвещение и формирование экологической культуры населения [5; 6], распространение через средства массовой информации сведений экологической и ресурсосберегающей направленности, а также организации системы мониторинга, контроля и надзора со стороны государственных органов; ужесточения законодательства и ответственности за незаконную рубку лесных насаждений.

Также стоит отметить, что повысившаяся ответственность со стороны хозяйствующих субъектов за экологические правонарушения и активные кампании по защите окружающей среды способствовали росту общественного интереса к сохранению лесных ресурсов. Совместные усилия государства и некоммерческих организаций, направленные на лесовосстановление и охрану лесов, в сочетании с информационными кампаниями, могли способствовать снижению случаев незаконных рубок.

Таким образом, совокупность экономических, социальных и правовых факторов могли оказать влияние на динамику экологической преступности, выражающейся как в росте одних видов преступлений, так и снижении других.

Безусловно, официальные статистические данные не в полной мере отражают сложившуюся криминальную ситуацию в сфере обеспечения экологической безопасности, поскольку огромная часть преступлений по-прежнему совершается в условиях неочевидности [7, с. 92].

Отмеченные тенденции экологической преступности и результаты отдельных криминологических исследований позволяют заключить, что при оценке криминальной ситуации в сфере обеспечения экологической безопасности следует учитывать, что экологической преступности свойственна чрезвычайно высокая естественная и искусственная латентность [8; 9], при которой размер коэффициента латентности экологической преступности варьируется в достаточно широких пределах от 1,5 до 58,3 [10].

Подобные показатели латентности экологической преступности признаются серьезной проблемой, имеющей множество аспектов, требующих научного анализа. Анализ научной литературы и практики правоприменения позволяет выделить ряд аспектов, ее предопределяющих, в том числе: сложность выявления, установления и расследования, требующих наличия специализированных знаний и навыков, поскольку зачастую экологические преступления происходят в рамках сложных процессов, затрудняющих мониторинг и контроль; «неэффективность правоприменительной работы, а также отсутствие необходимых методических рекомендаций, адресованных правоприменителям, в которых определялись бы особенности отдельных видов экологических преступлений и разъяснялись бы рекомендации по квалификации преступлений, выработанные в доктрине уголовного права» [11]; недостатки законодательного регулирования общественных отношений, воз-

никающих в сфере охраны окружающей среды, влекущие безнаказанность за совершение экологических преступлений, несмотря на многочисленные изменения уголовного законодательства в сфере обеспечения экологической безопасности [12], по-прежнему в ряде случаев даже «нарушение обязательных требований автоматически не влечет административную или уголовную ответственность» [3, с. 57]; социальная индифферентность, присущая населению страны, несмотря на реализуемые в России проекты в сфере просвещения и образования населения; экономический фактор, заключающийся в том, что доход от преступной деятельности значительно превышает потенциальные риски, связанные с привлечением к уголовной ответственности.

Эти факторы подтверждают, что высокая латентность экологической преступности является следствием сочетания правовых, социокультурных и экономических и иных причин. В этой связи для повышения уровня раскрываемости экологических преступлений необходимы интегрированные подходы, включающие ужесточение законодательства, повышение осведомленности населения и улучшение систем контроля и мониторинга.

В заключение отметим, что представленный анализ официальных статистических данных о состоянии и тенденциях развития экологической преступности, а также эффективности реализации мер ее предупреждения свидетельствует, с одной стороны, об улучшении складывающейся криминальной ситуации, что может быть результатом реализации комплекса мер по предупреждению экологической преступности, с другой – о наличии проблем правоприменительной практики ввиду наличия целого комплекса неразрешенных проблем правового, организационно-управленческого и экономического характера. По-прежнему официальные статистические данные позволяют нам получить лишь общее представление о направленности усилий по выявлению и пресечению экологических преступлений, но в силу высоких показателей ее латентности не дают возможности определить реальные параметры ее общественной опасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонян Е. А., Афанасьева О. Р. Состояние и прогноз развития экологической преступности в России // Юридическое образование и наука. 2023. № 11. С. 22–27.
2. Антонян Е. А., Афанасьева О. Р. Состояние и тенденции экологической преступности в России // Юридическое образование и наука. 2022. № 12. С. 19–23.
3. Шапошников А. С. Специальные (организационно-управленческие) меры противодействия экологической преступности // Союз криминалистов и криминологов. 2023. № 2. С. 52–60.
4. Шиян В. И. Экологическая преступность как угроза национальной безопасности России // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2022. № 3. С. 85–91.
5. Концепция экологического образования и просвещения населения в Республике Коми на период до 2025 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/444960996?ysclid=m1p2i7eahz572769266> (дата обращения: 15.08.2024).
6. Об экологическом образовании, просвещении и формировании экологической культуры в Ленинградской области : закон Ленинградской области от 18 июля 2016 г. № 62-оз. URL: <https://docs.cntd.ru/document/441800829?ysclid=m1p2n2jkox564218712> (дата обращения: 15.08.2024).
7. Тимошенко Ю. А. Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 537 с.
8. Матаева М. Х., Мукашева Н. К. Анализ эффективности борьбы с экологическими преступлениями в Казахстане // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 194–195.

9. Филиппова Е. О. Предупреждение экологических преступлений на современном этапе развития общества // Российская юстиция. 2018. № 11. С. 16–19
10. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности : моногр. / под ред. С. М. Иншакова. М., 2011. 839 с.
11. Витвицкая С. С., Кейдунова Е. Р., Мавренкова Е. А. Экологические преступления в сфере сельского хозяйства // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10, № 4. С. 59–66.
12. Кравченко И. О. Некоторые современные тенденции предупреждения экологической преступности // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2 (206). С. 244–246.

REFERENCES

1. Antonyan E.A., Afanas'eva O.R. The state and forecast of the development of environmental crime in Russia. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka = Legal Education and Science*, 2023, no. 11, pp. 22–27. (In Russ.).
2. Antonyan E.A., Afanas'eva O.R. The state and trends of environmental crime in Russia. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka = Legal Education and Science*, 2022, no. 12, pp. 19–23. (In Russ.).
3. Shaposhnikov A.S. Special (organizational and managerial) measures to counter environmental crime. *Soyuz kriminalistov i kriminologov = The Union of Criminologists and Criminologists*, 2023, no. 2, pp. 52–60. (In Russ.).
4. Shiyan V.I. Environmental crime as a threat to Russia's national security. *Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniya = Crime Investigation: Problems and Solutions*, 2022, no. 3, pp. 85–91. (In Russ.).
5. *Kontseptsiya ekologicheskogo obrazovaniya i prosveshcheniya naseleniya v Respublike Komi na period do 2025 goda* [The concept of environmental education and public education in the Komi Republic for the period up to 2025]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/444960996?ysclid=m1p2i7eahz572769266> (accessed August 15, 2024).
6. *Ob ekologicheskom obrazovanii, prosveshchenii i formirovanii ekologicheskoi kul'tury v Leningradskoi oblasti: Zakon Leningradskoi oblasti ot 18 iyulya 2016 g. No. 62-oz* [On environmental education, enlightenment and formation of environmental culture in the Leningrad Oblast: Law of the Leningrad Oblast No. 62-oz of July 18, 2016]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/441800829?ysclid=m1p2n2jkox564218712> (accessed August 15, 2024).
7. Timoshenko Yu.A. *Konstruirovaniye ugovovno-pravovykh norm ob otvetstvennosti za ekologicheskie prestupleniya: problemy teorii i praktiki: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Construction of criminal law norms on liability for environmental crimes: problems of theory and practice: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2019. 537 p.
8. Mataeva M.Kh., Mukasheva N.K. Analysis of the effectiveness of combating environmental crimes in Kazakhstan. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*, 2014, no. 3, pp. 194–195. (In Russ.).
9. Filippova E.O. Prevention of environmental crimes at the present stage of society development. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2018, no. 11, pp. 16–19. (In Russ.).
10. *Teoreticheskie osnovy issledovaniya i analiza latentnoi prestupnosti: monogr.* [Theoretical foundations of research and analysis of latent crime: monograph]. Ed. by Inshakov S.M. Moscow, 2011. 839 p.
11. Vitvitskaya S.S., Keidunova E.R., Mavrenkova E.A. Environmental crimes in the field of agriculture. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*, 2023, vol. 10, no. 4, pp. 59–66. (In Russ.).
12. Kravchenko I.O. Some modern trends in the prevention of environmental crime. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: Theory and Practice*, 2022, no. 2 (206), pp. 244–246. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА АНТОНЯН – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, Москва, Россия, antonyaa@yandex.ru

ОЛЬГА РОМАНОВНА АФАНАСЬЕВА – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, Москва, Россия, afanasevaor@yandex.ru

ELENA A. ANTONYAN – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, antonyaa@yandex.ru

OL'GA R. AFANAS'EVA – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, afanasevaor@yandex.ru

Статья поступила 28.10.2024

Научная статья

УДК 343.825

doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.010

Организация профилактической деятельности с осужденными при обеспечении безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы

ОЛЕГ ГЕННАДЬЕВИЧ КОВАЛЕВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

Псковский филиал Университета ФСИН России, Псков, Россия

Okovalev66@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7869-4925>

Аннотация. В статье рассматриваются содержание и особенности профилактической деятельности с осужденными как средство обеспечения безопасности УИС, роль пенитенциарных психологов, начальников отрядов, воспитателей, представителей оперативных, режимных и надзорных подразделений учреждений УИС в ее проведении. Поднимаются вопросы организации взаимодействия сотрудников при осуществлении общей пенитенциарной и оперативно-розыскной профилактики, реализации основных ее видов (групповой и индивидуальной), современных приемов, методов и технологий для обеспечения безопасности в УИС.

Ключевые слова: профилактическая деятельность; учреждения УИС; пенитенциарные психологи; сотрудники; осужденные; оперативно-розыскная профилактика.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Ковалев О. Г. Организация профилактической деятельности с осужденными при обеспечении безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 4 (28). С. 90–94. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.010.

Original article

Organization of Preventive Activities with Convicts while Ensuring Safety of Penitentiary Institutions

OLEG G. KOVALEV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

Pskov Branch of the University of Federal Penitentiary Service of Russia, Pskov, Russia

Okovalev66@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7869-4925>

Abstract. The article considers the content and features of preventive activities with convicts as a means of ensuring safety of the penitentiary system, the role of penitentiary psychologists, heads of detachments, educators, representatives of law enforcement intelligence, regime and supervisory departments of penitentiary institutions in its implementation. The author raises the questions of organizing interaction of employees in the implementation of general penitentiary and law enforcement intelligence prevention, its main types (group and individual), modern techniques, methods and technologies to ensure security in the penal system.

Keywords: preventive activities; penitentiary institutions; penitentiary psychologists; staff; convicts; law enforcement intelligence prevention.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kovalev O.G. Organization of preventive activities with convicts while ensuring safety of penitentiary institutions. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 4 (28), pp. 90–94. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.010.

Проблема общей и специальной (пенитенциарной) превенции является актуальной в современных условиях развития отечественной уголовно-исполнительной системы. Она отражена во многих законодательных и нормативных правовых актах Минюста и ФСИН России, программных документах, например в Концепции развития УИС на период до 2030 года, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р.

Ученые – представители различных областей научных знаний – исследуют уголовно-правовые, криминологические, психологические, педагогические, социальные и другие аспекты предупреждения пенитенциарной преступности, оказания на подозреваемых, обвиняемых и осужденных комплексного психолого-профилактического воздействия с участием всех служб и подразделений учреждений УИС в целях предупреждения совершения преступлений, нарушений режима отбывания наказания, Правил внутреннего распорядка СИЗО, ИУ и ИЦ, утвержденных приказом Минюста России от 04.07.2022 № 110 [1].

Остановимся более подробно на вопросах профилактики пенитенциарных правонарушений, детерминируемых психологическими характеристиками как самих осужденных, так и персонала. По данным проведенного нами анкетирования 84 сотрудников подразделений режима и надзора УФСИН России Новгородской и Псковской областей, более половины респондентов (56,3 %) полагают, что приемы, методы и технологии организации пенитенциарной профилактики обусловлены в первую очередь социально-демографической, уголовно-правовой, криминологической и психологической характеристиками конкретного осужденного. Опрошенные, в частности, отметили, что чем выше уровень криминальной зараженности лица, тем разнообразнее и интенсивнее в отношении него должно осуществляться превентивное психолого-педагогическое воздействие. Менее четверти респондентов ставят успешность осуществления профилактических мероприятий в зависимость от наличия у сотрудников специальных компетенций. 10,2 % сотрудников полагают, что эффективность профилактической деятельности определяется преимущественно подходами и требованиями администрации учреждения УИС. Менее 7 % анкетированных сотрудников считают пенитенциарную превенцию ненужной и бесполезной в вопросах противодействия противоправному поведению осужденных.

Также сотрудники (более 60 % из числа обследованных) в качестве одного из факторов, оказывающего негативное влияние на профилактику, провоцирующего преступные дей-

ствия вплоть до дезорганизации учреждения, отнесли речевую агрессию как со стороны осужденных, так и сотрудников УИС [2].

Другим важным направлением профилактической работы со спецконтингентом в настоящее время является выявление, постановка на профилактический учет и системная работа по суицидальной превенции подозреваемых, обвиняемых и осужденных с использованием современных комплексных психокоррекционных программ и опыта, накопленного психологической службой УИС [3].

Важнейшим действенным механизмом реализации пенитенциарной превенции сотрудниками различных служб и подразделений, организации их эффективного взаимодействия в этом направлении выступает профилактический учет, на который в соответствии с нормативными правовыми актами ФСИН России комиссионно ставятся различные категории осужденных (склонные к побегу, суициду, нарушению противопожарного режима, имеющие психические отклонения), а также злостные нарушители установленного порядка отбывания наказания. Профилактический учет позволяет комплексно и своевременно оказывать на осужденных психолого-педагогическое воздействие, обмениваться информацией об их планах и поведении, пресекать совершение ими правонарушений и преступлений. Необходимо отметить, что в настоящее время пенитенциарными учеными и практиками ведутся дискуссии о целесообразности расширения оснований и категорий лиц, подлежащих учету, процедуре снятия с него осужденных, положительно себя зарекомендовавших и др. [4].

Современное состояние и тенденции развития отечественной уголовно-исполнительной системы показывают необходимость более дифференцированно подходить к пенитенциарной профилактике в зависимости от вида наказания. В данной связи можно отметить опыт проведения профилактических мероприятий, сложившийся в ИУ Республики Беларусь, где основное внимание сотрудниками уделяется уголовно-правовой и психологической характеристике, а также на полному исполнению установленных законом условий содержания осужденных, всестороннему обеспечению режимных и надзорных требований в качестве так называемого силового, или бескомпромиссного воздействия [5].

Следует отметить уникальный и весьма эффективный подход к пенитенциарной профилактике, сложившийся при реализации надзорной деятельности за законностью исполнения уголовных наказаний. Прокуроры, проводящие проверки, рассматривающие жалобы и обращения осужденных, выявляют факты нарушения законодательства, привлекают виновных должностных лиц к дисциплинарной, административной и уголовной ответственности [6]. Подобный подход, безусловно, оказывает позитивное влияние на осужденных, развивает чувство справедливости, повышает роль и значение пенитенциарной превенции.

Основными правами и свободами осужденных является право на обеспечение личной безопасности. Именно профилактика правонарушений и преступлений, направленных на причинение вреда здоровью и жизни, является одним из приоритетных направлений современной пенитенциарной профилактики [7]. Ее механизмы закреплены в уголовно-исполнительном законодательстве, а также в ПВР, установивших порядок и процедуру перевода осужденных из ИУ в одном субъекте Российской Федерации, в другой регион, где имеются ИУ того же вида режима, а также помещение осужденных в так называемое безопасное место на территории учреждения, изоляция источников угрозы в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ и СУС.

В связи со значительным увеличением за последние 15 лет практики применения уголовных наказаний без изоляции от общества, роста этого показателя почти до 70 %

от общего числа осужденных стала актуальной пенитенциарная превенция в отношении рассматриваемой категории лиц. На сегодня данное направление профилактической деятельности остается недостаточно развитым. Оно требует значительных организационных и временных затрат, а значит, кратного снижения нагрузки на одного сотрудника УИИ, обучения специальным компетенциям, современным приемам и методам психолого-педагогического воздействия на осужденных. Представляется, что данная проблема будет постепенно решаться в рамках вновь созданной в УИС службы пробации.

Следующим важным направлением пенитенциарной превенции выступают оперативно-розыскная профилактика и прогнозирование, а также профилактическая деятельность по нейтрализации негативного воздействия осужденных и их социального окружения криминальной субкультуры, распространение которой весьма активно происходит в настоящее время (в том числе среди осужденных – террористов и экстремистов, приверженцев АУЕ, ряды которого пополняются новыми сторонниками криминальной идеологии). В данном контексте необходима консолидация усилий служб и подразделений учреждений по совершенствованию профилактики влияния криминальной субкультуры.

Таким образом, материалы теоретико-эмпирического исследования показывают значимость групповой и индивидуальной профилактики в рамках пенитенциарной превенции осужденных, обладающих различными социально-демографическими, уголовно-правовыми и психологическими характеристиками, содержащимися в ИУ разных видов режима. Первостепенная роль в организации профилактической деятельности отводится пенитенциарным психологам, взаимодействующим с оперативными, режимными и надзорными подразделениями, сотрудниками УИИ. Особое внимание при организации данной работы следует направить на противодействие криминальной субкультуре, совершенствованию практики осуществления прокурорского надзора за законностью исполнения уголовных наказаний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Голубцова А. И. Профилактика деструктивного поведения осужденных к лишению свободы в следственных изоляторах и исправительных учреждениях // Вестник Прикамского социального института. 2023. № 1 (94). С. 75–83.
2. Щербаков А. В., Ковалев О. Г. Психолого-педагогические и организационно-правовые аспекты речевой агрессии как фактора, дезорганизующего деятельность исправительных учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 1 (248). С. 47–54.
3. Баламут А. Г., Ковалев О. Г., Дикопольцев Д. Е. Теоретический анализ комплексных психокоррекционных программ, направленных на суицидальную превенцию подозреваемых, обвиняемых и осужденных (организационный, социальный и психологический аспекты) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 1. С. 20–23.
4. Ковалев О. Г., Васильева А. Ю. Теоретические основы организации профилактического учета в исправительных колониях // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 95-5. С. 130–132.
5. Шабаль В. С. Оптимизация деятельности по профилактике преступлений в отношении лиц, осужденных к различным видам наказаний // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2019. № 1 (37). С. 153–158.
6. Настольная книга прокурора / под общ. ред. С. Г. Кехлерова и О. С. Капинус. М., 2019. 481 с.
7. Пронина О. В. Профилактика правонарушений среди лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, как мера обеспечения личной безопасности осужденных //

Юридический вестник Дагестанского юридического университета. 2021. Т. 38, № 2. С. 135–139.

REFERENCES

1. Golubtsova A.I. Prevention of destructive behavior of persons sentenced to imprisonment in pre-trial detention centers and correctional institutions. *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta = Bulletin of the Prikamsky Social Institute*, 2023, no. 1 (94), pp. 75–83. (In Russ.).
2. Shcherbakov A.V., Kovalev O.G. Psychological, pedagogical and organizational and legal aspects of speech aggression as a factor disorganizing the activities of correctional institutions providing isolation from society. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Bulletin of the Penal System*, 2023, no. 1 (248), pp. 47–54.
3. Balamut A. G., Kovalev O. G., Dikopol'tsev D. E. Theoretical analysis of complex psychocorrection programs aimed at suicidal prevention of suspects, accused and convicted persons (organizational, social and psychological aspects). *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Penal Enforcement System: Law, Economics, Management*, 2023, no. 1, pp. 20–23. (In Russ.).
4. Kovalev O.G., Vasil'eva A.Yu. Theoretical foundations of the organization of preventive accounting in correctional colonies. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the Development of Science and Education*, 2023, no. 95-5, pp. 130–132. (In Russ.).
5. Shabal' V.S. Optimization of crime prevention activities in relation to persons sentenced to various types of punishment. *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus' = Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus*, 2019, no. 1 (37), pp. 153–158. (In Russ.).
6. *Nastol'naya kniga prokurora* [The prosecutor's desk book]. Ed. by Kekhlerov S.G., Kapinus O. S. Moscow, 2019. 481 p.
7. Pronina O.V. Prevention of offenses among persons held in correctional institutions as a measure to ensure the personal safety of convicts. *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo yuridicheskogo universiteta = Legal Bulletin of the Dagestan Law University*, 2021, vol. 38, no. 2, pp. 135–139. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ОЛЕГ ГЕННАДЬЕВИЧ КОВАЛЕВ – доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, главный научный сотрудник НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, профессор кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе Псковского филиала Университета ФСИН России, Псков, Россия, Okovalev66@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7869-4925>

OLEG G. KOVALEV – Doctor of Sciences (Law), Candidate of Sciences (Psychology), Professor, Chief Researcher at the Research Center No. 2 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, professor at the Department of Regime Organization and Law Enforcement Intelligence in the Penal System of the Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pskov, Russia, Okovalev66@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7869-4925>

Статья поступила 01.11.2023

Научная статья

УДК 343.72

doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.011

Оценка признаков хищения правоприменителем при квалификации мошенничества

ОЛЕГ СТАСЬЕВИЧ КУЧИН

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия, kuchin-os@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7604-6011>

Аннотация. В статье рассматриваются понятие хищения, его признаки, формы, способы, акцентируется внимание правоприменителя на постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации в части квалификации хищения в форме мошенничества. Не остались без внимания и постановления Конституционного Суда Российской Федерации, предметом рассмотрения которых стала проверка конституционности пункта 1 примечаний к статье 158 УК РФ. Делается вывод, что правоприменитель при квалификации действий виновных лиц не всегда учитывает требования диспозиции соответствующих статей УК РФ и разъяснения высшей судебной инстанции страны.

Ключевые слова: преступление; понятие; формы и признаки хищения; хищение чужого имущества; уголовная ответственность; мошенничество; обман; злоупотребление доверием.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Кучин О. С. Оценка признаков хищения правоприменителем при квалификации мошенничества // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 4 (28). С. 95–105. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.011.

Original article

Assessment of Elements of Theft by a Law Enforcement Officer when Qualifying Fraud

OLEG S. KUCHIN

Russian State University of Justice, Moscow, Russia, kuchin-os@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7604-6011>

Abstract. The article considers a concept of theft, its elements, forms, and methods. It underlines the law enforcement officer's attention on decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the qualification of theft in the form of fraud. It also considers rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation, in particular the case on verification of the constitutionality of Paragraph 1 of the Notes to Article 158 of the Criminal Code of the Russian

Federation. It is concluded that the law enforcement officer, when qualifying actions of the perpetrator, does not always take into account requirements of the disposition of the relevant articles of the Criminal Code of the Russian Federation and explanations of the highest judicial instance of the country.

Keywords: crime; concept; forms and elements of theft; theft of other people's property; criminal liability; fraud; deception; abuse of trust.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kuchin O.S. Assessment of elements of theft by a law enforcement officer when qualifying fraud. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 4 (28), pp. 95–105. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.011.

Как показывает анализ следственно-судебной практики, в ходе расследования следователями и рассмотрения судами уголовных дел о хищении товарно-материальных ценностей и денежных средств часто возникают проблемы правовой оценки признаков хищения, в том числе в отношении стоимости похищенного имущества. Практика такой оценки существенно различается не только среди правоприменителей в субъектах Российской Федерации, но даже и среди представителей следственных и судебных органов иных территориальных подразделений.

Также у правоприменителей затруднения вызывают вопросы, связанные с квалификацией хищений.

В уголовном праве принято выделять следующие формы хищения:

1) кража – хищение чужого имущества посредством тайного способа его изъятия (ст. 158 УК РФ);

2) мошенничество – хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 159 УК РФ);

3) присвоение – хищение вверенного имущества путем его противоправного обращения лицом в свою пользу и установления над ним незаконного владения (ст. 160 УК РФ);

4) растрата – хищение вверенного имущества путем потребления этого имущества, его расходования или передачи другим лицам (ст. 160 УК РФ);

5) грабеж – хищение чужого имущества посредством открытого способа его изъятия (ст. 161 УК РФ);

6) разбой – нападение в целях хищения чужого имущества путем применения насилия, опасного для жизни и здоровья, либо угрозы его применения (ст. 162 УК РФ).

Г. В. Журавлева, Н. А. Карпова отмечают, что «для устранения спорных вопросов о признании тех или иных преступлений против собственности формами хищения необходимо реформировать общее понятие хищения (примечание 1 к ст. 158 УК РФ), предусмотрев в нем его формы, а также расширив предмет преступного посягательства путем отнесения к нему не только чужого имущества, но и права на имущество» [1, с. 61].

В соответствии с примечанием 1 к ст. 158 УК РФ под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Из названного понятия вполне логично выделить признаки хищения:

1) изъятие и (или) обращение чужого имущества в свою пользу или в пользу других лиц;

2) противоправность изъятия и (или) обращения чужого имущества;

3) безвозмездность изъятия и (или) обращения чужого имущества;

- 4) причинение реального ущерба собственнику или иному владельцу имущества;
- 5) корыстная цель.

Подробно понятие и признаки хищения рассмотрены авторским коллективом ученых в учебном пособии под общей редакцией А. Н. Попова [2, с. 19–60].

Априори понятие хищения и его признаки известны правоприменителю, при условии наличия высшего юридического образования.

Вместе с тем практически в течение месяца Конституционным Судом Российской Федерации принимаются два решения относительно примечания 1 к ст. 158 УК РФ.

Первое решение связано с возникшим разногласием правоприменителя в части различной оценки размера похищенного при хищениях, совершаемых путем обмана о наличии оснований для начисления или увеличения заработной платы (денежного довольствия), применительно к отнесению или неотнесению к этому размеру суммы налога, удержанной и уплаченной налоговым агентом с начисленной под воздействием обмана части заработной платы (денежного довольствия) [3].

Так, согласно предъявленному обвинению с 1 сентября 2013 г. по 31 мая 2021 г. А., проходя военную службу по контракту и ежегодно подтверждая высший квалификационный уровень физической подготовленности военнослужащего, в целях получения денежного довольствия в большем, чем положено, размере обманывал должностных лиц воинских частей по месту службы, представляя поддельное удостоверение «Мастер спорта России» по настольному теннису. В этой связи издавались приказы о выплате ему ежемесячной надбавки за особые достижения в службе в размере ста процентов (вместо полагавшихся семидесяти) оклада по воинской должности, во исполнение чего Единым расчетным центром Минобороны России ему необоснованно начислено 545 294 руб. 3 коп. (включая налог на доходы физических лиц в размере 70 897 руб.). Полученными средствами А. распорядился по своему усмотрению, чем причинил ущерб государству в сумме излишне начисленной надбавки.

Приговором Владивостокского гарнизонного военного суда от 08.10.2021. А. был признан виновным в мошенничестве, а именно в хищении имущества путем обмана в крупном размере, установленном исходя из суммы начисленной надбавки и налога на доходы физических лиц, и осужден к штрафу в размере 400 тыс. руб.

Апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 03.12.2021 приговор был изменен: из признанных похищенными денежных средств исключена сумма удержанного налога в размере 70 897 руб., а размер назначенного штрафа снижен до 250 тыс. руб.

Суд второй инстанции исходил из того, что сумма налога не входит в предмет хищения, определенный в пункте 1 примечаний к ст. 158 УК РФ, поскольку удержание налога из начисленного денежного довольствия осуществляется налоговым агентом самостоятельно во исполнение требований закона – независимо от действий и волеизъявления налогоплательщика, который лишен возможности как-то повлиять на его удержание.

Кассационный военный суд определением от 26.04.2022 апелляционное определение отменил и направил уголовное дело на новое рассмотрение. Суд признал неверным то, как установлен предмет хищения, указав, что действия налогового агента по удержанию налога на доходы физических лиц из денежного довольствия военнослужащего не имеют правового значения для определения размера похищенных средств, а сам налоговый агент фактически действует в интересах виновного, лишь технически исполняя обязанность по уплате налога с полученного виновным дохода.

Установлено, что начислением А. денежного довольствия в излишнем размере государству причинен ущерб, который составила вся выделенная на производство такой выплаты сумма – с учетом удержанного налога, а не только денежные средства, перечисленные военнослужащему после удержания налога [3].

По нашему мнению, очевидно, что инкриминировать виновному необходимо денежные средства, перечисленные ему после удержания налога, так как удержанный налог остался в собственности государства и виновный не получал их. И, следовательно, данный факт влияет на юридическую оценку размера причиненного ущерба.

Второе решение Конституционного Суда Российской Федерации связано с жалобами граждан А. В. Галимьяновой и В. С. Пузрякова, привлеченных к уголовной ответственности за хищение чужого имущества (сотовых телефонов) [4].

Обратившиеся граждане считают, что их действия в соответствии со ст. 227 ГК РФ являются находкой, а не кражей чужого имущества, так как А. В. Галимьянова подобрала в автобусе сотовый телефон, который выпал из сумки потерпевшей, а В. С. Пузряков обвинялся в том, что, являясь водителем такси без оформления официальных трудовых отношений и находясь в салоне своего автомобиля, увидел рядом с пассажирским сиденьем мобильный телефон, принадлежащий ранее перевезенному им пассажиру, и решил из корыстных побуждений завладеть этим имуществом [4].

Предметом хищения является чужое имущество или право на имущество, причем имущество, находящееся в гражданском обороте, так как хищение предметов, изъятых из гражданского оборота, образуют составы других преступлений, например ст. 221 УК РФ (Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ), ст. 226 УК РФ (Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств), ст. 229 УК РФ (Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества).

Подробнее остановимся на рассмотрении некоторых составообразующих признаках хищения на примере мошенничества.

Частью 4 ст. 159 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за мошенничество, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, совершенное организованной группой либо в особо крупном размере, под которым в силу примечания 4 к ст. 158 УК РФ признается стоимость имущества, превышающая один миллион рублей.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», способами хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество при мошенничестве, ответственность за которое наступает в соответствии, например, со ст. 159 УК РФ, являются обман или злоупотребление доверием, под воздействием которых владелец имущества или иное лицо передают имущество или право на него другому лицу либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другим лицом [5].

В п. 2 указанного постановления разъяснено: обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предостав-

лении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т. д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение. Сообщаемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к любым обстоятельствам, в частности к юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества, личности виновного, его полномочиям, намерениям.

Согласно п. 3 упомянутого постановления злоупотребление доверием при мошенничестве заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам. Доверие может быть обусловлено различными обстоятельствами, например, служебным положением лица либо его личными отношениями с потерпевшим.

Злоупотребление доверием также имеет место в случаях принятия на себя лицом обязательств при заведомом отсутствии у него намерения их выполнить с целью безвозмездного обращения в свою пользу или в пользу третьих лиц чужого имущества или приобретения права на него (например, получение физическим лицом кредита, аванса за выполнение работ, услуг, предоплаты за поставку товара, если оно заведомо не намеревалось возвращать долг или иным образом исполнять свои обязательства).

В соответствии с п. 4 того же постановления в случаях, когда лицо получает чужое имущество или приобретает право на него, не намереваясь при этом исполнять обязательства, связанные с условиями передачи ему указанного имущества или права, в результате чего потерпевшему причиняется материальный ущерб, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, если умысел, направленный на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, возник у лица до получения чужого имущества или права на него.

О наличии такого умысла могут свидетельствовать, в частности, заведомое отсутствие у лица реальной возможности исполнить обязательство в соответствии с условиями договора, использование лицом при заключении договора поддельных документов, в том числе документов, удостоверяющих личность, уставных документов, гарантийных писем, справок, сокрытие лицом информации о наличии задолженностей и залогов имущества, распоряжение полученным имуществом в личных целях вопреки условиям договора и другие [5].

Практически об этом же пишет С. А. Елисеев, подчеркивая, что для квалификации содеянного как мошенничества в сфере предпринимательской деятельности необходимо установить, что виновный для извлечения имущественной выгоды изначально не намеревался исполнять договорное обязательство. О наличии прямого умысла на хищение путем неисполнения обязательства могут говорить: отсутствие у лица реальной финансовой возможности исполнить обязательство; использование подложных гарантийных писем; отсутствие лицензии, необходимой для осуществления деятельности, направленной на исполнение обязательств по договору, и т. д. Для оценки содеянного не имеет значения, каким образом виновный планировал распорядиться или распорядился похищенным имуществом (например, использовал в личных целях или для предпринимательской деятельности) [6, с. 86].

Способами совершения данного преступления, как и мошенничества, предусмотренного ч. 1–4 ст. 159 УК РФ, являются обман или злоупотребление доверием. Однако в от-

личие от общего состава мошенничества деяние, предусмотренное ч. 5–7 ст. 159 УК РФ, совершается в более узкой сфере экономики – в связи с осуществлением индивидуальным предпринимателем или коммерческой организацией предпринимательской деятельности, а также управлением имуществом, находящимся в экономическом обороте в результате заключаемых ими гражданско-правовых сделок.

Образующие объективную сторону «предпринимательского мошенничества» обман или злоупотребление доверием должны быть сопряжены с неисполнением принятых на себя виновным лицом обязательств по договору в сфере предпринимательской деятельности, сторонами которого являются только индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации (например, отказ индивидуального предпринимателя от исполнения заключенного договора поставки товаров после получения им соответствующей оплаты от контрагента и т. п.) [7, с. 303].

В соответствии с п. 5 рассматриваемого постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации мошенничество, то есть хищение чужого имущества, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием, признается оконченным с момента, когда указанное имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению.

Если предметом преступления при мошенничестве являются безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, то по смыслу положений пункта 1 примечаний к ст. 158 УК РФ и ст. 128 ГК РФ содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества.

Такое преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб» [5].

Анализ судебных решений, к сожалению, не всегда соответствует законодательному разъяснению диспозиции ст. 159 УК РФ, а также разъяснениям Конституционного и Верховного судов Российской Федерации.

Так, например, по приговору Таганрогского городского суда Ростовской области от 09.08.2021 К., ранее несудимый, осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159 УК РФ к штрафу в размере 100 тыс. руб.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Ростовского областного суда от 23.09.2021 приговор в отношении К. оставлен без изменения.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 22.03.2022 вышеуказанные приговор и апелляционное определение в отношении К. оставлены без изменения, кассационная жалоба защитника без удовлетворения.

К. был признан виновным и осужден за покушение на мошенничество, совершенное с использованием своего служебного положения, а именно за покушение на хищение имущества, принадлежавшего Северо-Кавказской дирекции инфраструктуры – структурного подразделения Центральной дирекции инфраструктуры, филиала ОАО, бутового камня из песчаника и гранита в количестве 3,65 м³ стоимостью 2 412,15 руб.

Сам по себе способ совершения деяния К. – с использованием своего служебного положения, что является квалифицирующим признаком, предусмотренным ч. 3 ст. 159 УК РФ, – без учета конкретных обстоятельств дела не может быть признан обстоятельством, свидетельствующим о повышенной общественной опасности содеянного и препятствующим применению к К. положений ч. 2 ст. 14 УК РФ.

При этом Судебная коллегия отмечает, что, отказывая в применении положений ч. 2 ст. 14 УК РФ, суд не привел аргументированных доводов о действительном наличии существенного вреда в результате совершенного К. деяния, а также о степени общественной опасности в его действиях, позволяющей расценивать их как преступное деяние, либо о существенных последствиях, наступивших в результате данного преступления.

Указанные обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии в действиях К. состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159 УК РФ, не получили надлежащей оценки и при апелляционном, а также кассационном рассмотрении дела.

Допущенные судом существенные нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, являются в силу ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ основанием отмены приговора и последующих судебных решений и прекращения уголовного дела в отношении К. на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления.

В связи с прекращением уголовного дела по реабилитирующим основаниям за К. в соответствии со ст. 133, 134 УПК РФ надлежит признать право на реабилитацию [8].

По нашему мнению, определенного внимания с точки зрения квалификации заслуживает уголовное дело по осуждению Е. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Изучив приговор суда по данному делу на 108 листах, полагаем, что нужно провести анализ принятого судом решения, исходя из понятия хищения и связанных с этим вопросов квалификации [5].

Из предъявленного обвинения следует, что гражданин Е., «длительное время осуществляя предпринимательскую деятельность от лица организаций различных форм собственности, был достоверно осведомлен о том, что налогоплательщик, являющийся плательщиком НДС в соответствии со ст. 171 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) имеет право уменьшить общую сумму налога на установленные налоговые вычеты, которым в соответствии с п. 1, 2, 6 ст. 171 НК РФ подлежат суммы налога, предъявленные налогоплательщику и уплаченные им при приобретении товаров (работ, услуг) на территории Российской Федерации, что, согласно п. 1 ст. 171 НК РФ, налогоплательщик имеет право на применение налоговых вычетов, которые в соответствии с п. 1 ст. 172 НК РФ производятся лишь на основании счетов-фактур, выставленных продавцами при приобретении покупателями товаров, документов, подтверждающих фактическую уплату сумм налога, а также был достоверно осведомлен о порядке возмещения налогоплательщикам НДС из бюджета РФ.

С указанной целью Е. планировал на подконтрольное ему лицо зарегистрировать на территории г. Хабаровска общество с ограниченной ответственностью с применяемой общей системой налогообложения, то есть являющееся плательщиком НДС, и от лица директора общества, который данную должность занимал бы номинально и действовал по его указанию, обеспечить заключение ряда фиктивных договоров на поставку товарно-материальных ценностей с иными подконтрольными ему организациями через своих знакомых и составление фиктивных документов, подтверждающих наличие данных договорных взаимоотношений и возникновение права для возмещения НДС налогоплательщиком.

После чего Е. планировал обеспечить предоставление налоговой декларации по НДС с указанием суммы налога, подлежащей возмещению из бюджета Российской Федерации по указанным фиктивным сделкам, и в обоснование правомерности возмещения налого-

плательщиком НДС из бюджета Российской Федерации фиктивных документов, содержащих заведомо ложные сведения о наличии финансово-хозяйственных взаимоотношений, в налоговый орган, где вновь зарегистрированная подконтрольная ему организация состоит на налоговом учете. При этом Е. осознавал, что создаваемая им организация своей деятельности осуществлять не будет, а будет создана исключительно для хищения денежных средств из бюджета Российской Федерации путем незаконного возмещения НДС в пользу указанной организации по фиктивным сделкам, фактически деятельность которой будет полностью подконтрольна ему, директор данной организации реализовывать полномочия общества как юридического лица в соответствии с действующим законодательством не будет, а руководителем общества будет являться номинально и действовать по указанию Е.

В данном случае Е. руководствовался корыстным мотивом, поскольку достоверно знал, что преступная деятельность по незаконному возмещению НДС из бюджета Российской Федерации является доходным видом противоправной деятельности, в результате осуществления которой рассчитывал на получение материального дохода. Таким образом, побудительным мотивом, которым руководствовался Е., являлся именно корыстный мотив, то есть желание улучшить свое материальное положение» [9].

В процессе судебного заседания допрошены 37 свидетелей, из показаний которых не усматривается умысел виновного Е. и планирование хищения чужого имущества. Осужденный вину не признал и желания совершить хищение не высказывал.

Кроме того, возникает вопрос: если все они выполняли его указания, то почему не дана юридическая оценка их действиям на предмет привлечения к уголовной ответственности за покушение на мошенничество, совершенное в соучастии?

Из вынесенного приговора затруднительно сделать однозначный вывод, какие действия совершил осужденный Е. для покушения на совершение хищения.

Если учитывать его действия по созданию различных фирм и доказанности цели их создания, то возможна квалификация его действий как приготовления к мошенничеству, так как в рассмотренном судом уголовном деле отсутствуют аргументы в пользу квалификации действий Е. как покушения.

Указание в приговоре суда на то, что «после чего Е. планировал обеспечить предоставление налоговой декларации по НДС с указанием суммы налога, подлежащей возмещению из бюджета Российской Федерации по указанным фиктивным сделкам, и в обоснование правомерности возмещения налогоплательщиком НДС из бюджета Российской Федерации фиктивных документов, содержащих заведомо ложные сведения о наличии финансово-хозяйственных взаимоотношений, в налоговый орган, где вновь зарегистрированная подконтрольная ему организация состоит на налоговом учете», ровным счетом говорит только о намерении лица, но не действиях, направленных на хищение. Если бы осужденный Е. предоставил налоговые декларации для получения денежных средств из бюджета, то только в таком случае уместна была бы квалификация его действий, предложенная правоприменителем.

В рассматриваемом приговоре суда, по нашему мнению, допущена ошибка в квалификации.

В соответствии с п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» «по смыслу ч. 5 ст. 159 УК РФ, под преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности

следует понимать умышленное полное или частичное неисполнение лицом, являющимся стороной договора, принятого на себя обязательства в целях хищения чужого имущества или приобретения права на такое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, когда сторонами договора являются индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации. О наличии у лица прямого умысла на совершение мошенничества с очевидностью должны свидетельствовать имеющиеся по делу доказательства.

К обстоятельствам, подтверждающим умышленный характер деяния, могут относиться, в частности, обстоятельства, указывающие на то, что у лица фактически не имелось и не могло быть реальной возможности исполнить обязательство; сокрытие информации о наличии задолженностей и залогов имущества; распоряжение денежными средствами, полученными от стороны договора, в личных целях; использование при заключении договора фиктивных уставных документов, поддельных гарантийных писем и другие. При этом каждое из указанных обстоятельств в отдельности само по себе не может свидетельствовать о наличии умысла на совершение преступления, а выводы суда о виновности лица должны быть основаны на оценке всей совокупности доказательств» [10].

Необходимо напомнить, что умысел должен возникнуть у виновного лица до совершения действий, направленных на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

Для квалификации содеянного как мошенничества в сфере предпринимательской деятельности необходимо установить, что виновный для извлечения имущественной выгоды изначально не намеревался исполнять договорное обязательство. О наличии прямого умысла на хищение путем неисполнения обязательства могут говорить: отсутствие у лица реальной финансовой возможности исполнить обязательство; использование подложных гарантийных писем; отсутствие лицензии, необходимой для осуществления деятельности, направленной на исполнение обязательств по договору, и т. д.

Для оценки содеянного не имеет значения, каким образом виновный планировал распорядиться или распорядился похищенным имуществом (например, использовал в личных целях или для предпринимательской деятельности) [2, с. 86].

Необходимо обратить внимание на субъект преступления, а именно при совершении мошенничества, предусмотренного ч. 5–7 ст. 159 УК РФ, в соучастии.

В соответствии с п. 9.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2016 № 48 «При рассмотрении дел о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, совершенных в составе группы лиц, с учетом того, что такие деяния являются умышленными, необходимо выяснять все обстоятельства, указывающие на субъективное отношение к содеянному каждого из подсудимых.

Исходя из положений ч. 2 ст. 35 УК РФ для правовой оценки преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору, в судебном заседании должны быть установлены: наличие у каждого из соучастников умысла на совершение преступления в составе группы лиц; наличие между ними предварительной договоренности о совместном совершении действий (бездействии), составляющих объективную сторону преступления; непосредственное участие каждого в выполнении всех или части этих действий.

При этом особое внимание следует уделять проверке правильности квалификации по делам указанной категории, когда за совершение деяния наряду с индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации привлекается лицо, не обладающее указанным статусом, например, помощник руководителя организации, специалист, иной работник.

Сложившиеся между таким лицом и индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации трудовые или личные отношения в рамках осуществления предпринимателем или организацией хозяйственной деятельности сами по себе не могут рассматриваться в качестве доказательства совершения ими преступления в составе группы лиц по предварительному сговору, а выполнение работником распоряжений руководителя, связанных с осуществлением преступной деятельности, не может выступать единственным основанием для привлечения работника к ответственности за соисполнительство в таком преступлении.

Если исполнителем преступления является лицо, отвечающее признакам специального субъекта (предусмотренным, например, в ч. 5–7 ст. 159, ст. 159.1, 160, 176, 178, 195–199.4, 201 УК РФ), то указанные деяния могут признаваться совершенными группой лиц по предварительному сговору только в случае, когда в совершении деяния участвовали два и более таких субъекта. Иные работники организации не могут признаваться соисполнителями указанных преступлений».

По нашему мнению, учитывая, что осужденный Е. занимался предпринимательской деятельностью на протяжении нескольких лет и при доказанности умысла на хищение, и основываясь на разъяснении вышеуказанного Пленума Верховного Суда Российской Федерации, то резонно было бы действия Е. квалифицировать по ч. 6 ст. 159 УК РФ как мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, совершенное в крупном размере.

Таким образом, анализ судебной практики по делам о хищении в форме мошенничества показывает, что суды не всегда учитывают уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за совершение общественно опасного деяния, в частности за преступления против собственности, а также разъяснения Верховного Суда Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Журавлева Г. В., Карпова Н. А. К вопросу о формах хищения по российскому уголовному праву // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. С. 59–62.
2. Квалификация преступлений против собственности : учеб. пособие / [Д. А. Безбородов, Я. И. Гишинский, А. В. Зарубин и др.] ; под общ. ред. А. Н. Попова. СПб., 2018. 220 с.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Тихоокеанского флотского военного суда № 53-П от 08.12.2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. В. Галимьяновой и В. С. Пузрякова № 2-П от 12.01.2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Елисеев С. А. Преступления против собственности : курс лекций. Томск, 2018. 194 с.
7. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / [М. П. Журавлев, А. В. Наумов, С. И. Никулин и др.] ; под ред. А. И. Рарога. 10-е изд., перераб. и доп. М., 2018. 944 с.

8. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2022 г. № 41-УД22-33-К4. URL: [http:// legalacts.ru/](http://legalacts.ru/) (дата обращения: 11.03.2024).
9. Дело № 1-84/2014 от 21.08.2014 Кировского районного суда г. Хабаровска. URL: <https://kirovsky.hbr.sudrf.ru/> (дата обращения: 11.03.2024).

REFERENCES

1. Zhuravleva G.V., Karpova N.A. On the issue of forms of embezzlement under Russian criminal law. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 6, pp. 59–62. (In Russ.).
2. Bezborodov D.A., Gilinskii Ya.I., Zarubin A.V. et al. *Kvalifikatsiya prestuplenii protiv sobstvennosti: ucheb. posobie* [Qualification of crimes against property: study manual]. Ed. by Popov A.N. Saint Petersburg, 2018. 220 p.
3. The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation in the case of checking the constitutionality of Paragraph 1 of the Notes to Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the request of the Pacific Naval Military Court No. 53-P of December 8, 2022. *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tantPlyus"* [Access from the Consultant Plus reference legal system]. (In Russ.).
4. The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation in the case of checking the constitutionality of Article 227 of the Civil Code of the Russian Federation, Part One and Paragraph 1 of the Notes to Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation, articles 75, 87 and 88 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens Galimyanova A.V. and Puzryakov V. S. No. 2-P of January 12, 2023. *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tantPlyus"* [Access from the Consultant Plus reference legal system]. (In Russ.).
5. On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and misuse of assets: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 of November 30, 2017. *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tantPlyus"* [Access from the Consultant Plus reference legal system]. (In Russ.).
6. Eliseev S.A. *Prestupleniya protiv sobstvennosti: kurs lektsii* [Crimes against property: course of lectures]. Tomsk, 2018. 194 p.
7. Zhuravlev M.P., Naumov A.V., Nikulin S.I. et al. *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya* [Criminal law of Russia. Parts General and Special]. Ed. by Rarog A.I. Moscow, 2018. 944 p.
8. *Opredelenie Sudebnoi kollegii po ugolovnym delam Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 22.12.2022 g. No. 41-UD22-33-K4* [Definition of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 41-UD22-33-K4 of December 22, 2022]. Available at: [http:// legalacts.ru/](http://legalacts.ru/) (accessed March 11, 2024).
9. *Delo No. 1-84/2014 ot 21.08.2014 Kirovskogo raionnogo suda g. Khabarovska* [Case No. 1-84/2014 of August 21, 2014 of the Kirovsky District Court of Khabarovsk]. Available at: <https://kirovsky.hbr.sudrf.ru/> (accessed March 11, 2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ОЛЕГ СТАСЬЕВИЧ КУЧИН – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, Москва, Россия, kuchin-os@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7604-6011>

OLEG S. KUCHIN – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Forensic Examinations and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Moscow, Russia, kuchin-os@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7604-6011>

Статья поступила 09.07.2024

Научная статья

УДК 343

doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.012

Сравнительно-правовые аспекты досудебного соглашения о сотрудничестве по российскому уголовно-процессуальному законодательству и сделки о признании вины в США

ЮРИЙ АНДРЕЕВИЧ ЛОЖКИН

Пермский институт ФСИН России, Пермь, Россия, fragment84@mail.ru

Аннотация. В статье на основе уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки проведен сравнительный анализ двух схожих по своему содержанию уголовно-процессуальных институтов (досудебного соглашения о сотрудничестве в Российской Федерации и сделки о признании вины в США), раскрываются сходства и различия данных институтов, их достоинства и недостатки по отношению друг к другу. Сделан вывод о том, что сделка о признании вины воплощает в себе принцип процессуальной экономии, который ставится в приоритетное положение по отношению к принципу установления объективной истины по уголовному делу.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве; сделка о признании вины; уголовный процесс; уголовное наказание; прокурор; судимость; содействие; расследование преступлений.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Ложкин Ю. А. Сравнительно-правовые аспекты досудебного соглашения о сотрудничестве по российскому уголовно-процессуальному законодательству и сделки о признании вины в США // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2024. № 4 (28). С. 106–113. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.012.

Original article

Comparative Legal Aspects of a Pre-Trial Cooperation Agreement under Russian Criminal Procedure Law and a Plea Bargain in the United States

YURII A. LOZHKIN

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia, fragment84@mail.ru

Abstract. The article presents a comparative analysis of two similar criminal procedure institutions (a pre-trial cooperation agreement in the Russian Federation and a plea bargain in the USA) and reveals similarities and differences of these institutions, their advantages and disadvantages in relation to each other. It is

concluded that the plea bargain embodies a procedural economy principle, which is prioritized in relation to the principle of establishing objective truth in a criminal case.

Key words: pre-trial cooperation agreement; plea bargain; criminal trial; criminal punishment; prosecutor; criminal record; assistance; investigation of crimes.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Lozhkin Yu.A. Comparative legal aspects of a pre-trial cooperation agreement under Russian criminal procedure law and a plea bargain in the United States. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 4 (28), pp. 106–113. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.012.

Введение в 2009 г. в уголовный процесс Российской Федерации института досудебного соглашения о сотрудничестве явилось логическим продолжением развития механизма признания вины обвиняемым в обмен на определенные послабления при назначении ему уголовного наказания. Судебное рассмотрение уголовных дел в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) может быть осуществлено по любым категориям преступлений. В отличие от особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением последнему требуется выполнить определенные условия, которые, как правило, касаются оказания активного содействия следователю в раскрытии преступления. Данные судебной статистики демонстрируют стабильный рост количества уголовных дел, рассматриваемых в порядке гл. 40.1 УПК РФ (если в 2020 г. их было 3099, то в 2022 г. – 3217 [1]).

Особый порядок проведения судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве имеет ряд преимуществ как для судебной системы и государства в целом, так и для подсудимого. В частности, при его применении существенно сокращаются судебные издержки, уменьшаются сроки рассмотрения дела, подсудимый в соответствии с ч. 2 ст. 62 УК РФ получает возможность уменьшения до половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ (при наличии смягчающих обстоятельств).

Рассматриваемый уголовно-процессуальный институт является определенной аналогией такого института уголовного процесса США, как сделка о признании вины. Оба уголовно-процессуальных института основаны на идее процессуальной экономии и предоставления подсудимому более выгодных условий в обмен на определенные действия с его стороны. Однако объективно существует и ряд принципиальных отличий, которые базируются на базовых различиях самих правовых систем России и США. Исковая природа уголовного процесса в США обуславливает наличие у прокурора достаточно широкого объема полномочий по распоряжению обвинением, что в условиях российского уголовного процесса являлось бы невозможным.

Сам исковой характер уголовного процесса США построен на принципах состязательности и диспозитивности, что сближает его с гражданским процессом. Исковые элементы уголовного процесса прослеживаются в построении обвинения, наличии у прокурора достаточно больших полномочий по распоряжению обвинением (в том числе исключению из него отдельных преступных эпизодов), что делает возможным заключение сделок о признании вины [2, с. 218].

В США главную роль в ведении переговоров со стороной обвинения по поводу условий сделки о признании вины играет адвокат. Суд стороной соглашения не является и не

участвует в определении его условий; его функция ограничивается решением вопроса об утверждении данного соглашения по результатам оценки его условий, а также соблюдения порядка его заключения [3, с. 33].

Характеризуя особенности сделки о признании вины, необходимо отметить, что обвиняемый имеет право на расторжение сделки, или на выход из нее в любое время до утверждения такой сделки в судебном порядке, а также после рассмотрения судом данного вопроса в том случае, если суд не утвердил сделку. После утверждения сделки судом данное соглашение становится окончательным и по общему правилу не может быть расторгнуто [4, с. 31].

Сроки заключения сделки о признании вины определены достаточно свободно. В ряде штатов допускается заключение сделки о признании вины на стадии апелляционного пересмотра приговора суда [5, с. 157].

Таким образом, на протяжении практически всего хода уголовного процесса у обвиняемого имеется возможность заключить сделку о признании вины, в частности, если станет очевидным наличие у стороны обвинения достаточно весомых доказательств, подтверждающих его вину, отсутствие перспектив в продолжении первоначально выбранной стратегии поведения в уголовном процессе.

Вместе с тем заключение рассматриваемой сделки имеет и очевидные негативные последствия для подсудимого, поскольку автоматически исключает возможность вынесения судом оправдательного приговора. Даже в том случае, если обвиняемый будет освобожден от наказания, он получает судимость (*criminal record*), что влияет на его дальнейшую жизнь в обществе, в том числе на возможность трудоустройства.

Необходимо также учитывать тот факт, что суд при решении вопроса об утверждении сделки о признании вины не ограничен рамками, которые определены в ее условиях. В связи с этим возможна ситуация, когда суд, исходя из приоритета публичных интересов, может проигнорировать условия, предоставляющие обвиняемому определенные преимущества в рамках данной сделки, и назначить более строгое наказание, чем это было предусмотрено в рассматриваемом соглашении [6, с. 164]. При этом обвиняемый в любом случае не имеет права на отзыв уже данных им признательных показаний.

В случае заключения сделки о признании вины судебное заседание проводится в особом порядке, в процессе которого не формируется жюри присяжных и не рассматривается вопрос о виновности подсудимого, что в значительной мере сокращает временные и иные издержки на судебное разбирательство. Как отмечают американские исследователи, подавляющее большинство уголовных дел заканчивается вынесением приговора на основании сделки о признании вины, что способствует значительному снижению судебной нагрузки [7, с. 53].

Сделка о признании вины приобретает окончательную юридическую силу только после ее утверждения судом. Именно процесс утверждения сделки судом и составляет основную, наиболее важную часть судебного заседания в случае заключения сделки о признании вины в США.

Вместе с тем, несмотря на принятие заявления о признании вины, суд обязан провести тщательное изучение материалов дела с целью установления наличия или отсутствия необходимых оснований для подачи такого заявления. Следует отметить, что аналогичное положение действует и в российском уголовном процессе. Иными словами, как в России, так и в США признание вины само по себе не является единственным и достаточным доказательством для вынесения обвинительного приговора.

Проанализированные особенности сделки о признании вины в США позволяют сформулировать следующие выводы по вопросу о соотношении данного института с досудебным соглашением о сотрудничестве в Российской Федерации.

Прежде всего, представляется возможным выделить ряд сходств указанных правовых институтов. Во-первых, как институт сделки о признании вины в США, так и институт досудебного соглашения о сотрудничестве в Российской Федерации направлены на сокращение различного рода издержек по уголовному делу, снижение судебной нагрузки. Иными словами, оба рассматриваемых института обеспечивают реализацию принципа процессуальной экономии, при этом принцип установления объективной истины по уголовному делу уходит на второй план, что выражается в отказе от проведения судебного следствия, исследования и оценки доказательств [8, с. 59].

Во-вторых, оба рассматриваемых института основаны на ограничении ряда процессуальных прав и гарантий обвиняемого (подсудимого) в обмен на предоставление ему определенных преимуществ, которые в конечном итоге выражаются в назначении более мягкого наказания, предусмотренного уголовным законодательством соответствующего государства.

В-третьих, оба института предполагают согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением, однако полное признание вины и раскаяние не является обязательным условием. Если говорить о рассматриваемом отечественном институте, то в рамках него согласие с предъявленным обвинением предполагает отказ от его оспаривания (который может иметь место, в том числе и при непризнании обвиняемым своей вины) и имеет в первую очередь процессуальное значение как условие рассмотрения уголовного дела в порядке, предусмотренном гл. 40.1 УПК РФ. Применительно к сделке о признании вины в США, с учетом существования двух разновидностей признания вины, можно также сделать вывод о том, что заключение такой сделки возможно в случае, если обвиняемый не признает предъявленное ему обвинение, но при этом обязуется против него не возражать, что в принципе соотносится с отечественной трактовкой «согласие с предъявленным обвинением».

Вместе с тем имеется и ряд различий между сделкой о признании вины в США и досудебным соглашением о сотрудничестве в России.

Во-первых, в сделке о признании вины в США центральным элементом является признание вины, что следует из самого названия данного правового института. При этом в содержание сделки могут включаться и условия, обязывающие обвиняемого сообщить следствию сведения о его соучастниках, деталях преступления, а также об иных преступлениях, совершенных указанными лицами, однако такие условия зачастую имеют второстепенное значение [9, с. 70]. Сделки о признании вины в США нередко заключаются с лицами, совершившими преступления единолично, без каких-либо соучастников. В досудебном же соглашении о сотрудничестве в России основную роль играет объем и качество содействия, оказанного следствию. При рассмотрении уголовного дела оценивается, насколько существенное значение имело содействие, оказанное подсудимым. Не случайно некоторыми авторами отмечается, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве в Российской Федерации направлен на борьбу с организованной преступностью [10, с. 60].

Иными словами, сделка о признании вины имеет более широкое практическое применение, по сравнению с отечественным досудебным соглашением о сотрудничестве, использование которого фактически имеет целесообразность исключительно по преступлениям, совершенным в составе группы лиц, что подтверждается положениями ч. 4 ст. 317.6 УПК РФ: в случае, если содействие подсудимого ограничивалось сообщением о собствен-

ном участия в преступной деятельности, условия соглашения считаются не соблюденными и правила гл. 40.1 УПК РФ об особом порядке производства по делу не применяются.

Во-вторых, сделка о признании вины в США подлежит утверждению судом, что является обязательным условием приобретения ею юридической силы. При этом утверждение судом сделки о признании вины автоматически влечет применение сокращенного порядка судебного разбирательства. Досудебное соглашение о сотрудничестве судом не утверждается, однако сам по себе факт его заключения не будет являться единственным и необходимым условием для рассмотрения уголовного дела в особом порядке, предусмотренном гл. 40.1 УПК РФ, поскольку для проведения данной процедуры судом должны быть установлены основания для применения указанного особого порядка, выражающиеся в добровольности заключения соглашения и, что немаловажно, исполнения подсудимым своих обязанностей по данному соглашению.

Указанная особенность обусловлена упомянутым выше отличием, заключающимся в том, что в досудебном соглашении о сотрудничестве центральное место занимает именно активное содействие подсудимого следствию, а не сам факт признания им своей вины. В этой связи большее сходство с американской сделкой о признании вины, безусловно, имеет предусмотренный гл. 40 УПК РФ особый порядок производства по делу при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, для которого не требуется совершения им каких-либо активных действий по содействию в расследовании преступления и изобличении других его участников.

В-третьих, важнейшее различие между сделкой о признании в США и досудебным соглашением о сотрудничестве в Российской Федерации заключается в пределах распоряжения объемом обвинения. Если в США прокурор вправе в соответствии с условиями сделки переквалифицировать деяние на менее тяжкое или исключить отдельные пункты из обвинения, то в Российской Федерации у государственного обвинителя такое право отсутствует [11, с. 92]. Столь широкие возможности по распоряжению обвинением в США обусловлены, как отмечалось выше, наличием исковых элементов в американском уголовном процессе, основанном на принципах состязательности и диспозитивности, что в меньшей мере свойственно российскому уголовному процессу.

В-четвертых, если сделка о признании вины в США включает в себя обязанности как обвиняемого, так и государственного обвинителя, и имеет обязательную силу для обеих сторон, то досудебное соглашение о сотрудничестве фактически включает в себя только обязательства обвиняемого, в то время как на прокурора не возлагается каких-либо обязанностей, что обусловлено отсутствием у последнего каких-либо полномочий по распоряжению объемом обвинения.

В-пятых, если в Российской Федерации условия определения размера и срока наказания подсудимому, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, императивно определены нормами ч. 2, 4 ст. 62 УК РФ, то в США подобные императивные нормы отсутствуют, что обуславливает более выраженную дифференциацию условий сделки и позволяет учесть, в частности, тяжесть совершенного преступления, наличие у обвиняемого судимостей в прошлом, а также в целом его личностные характеристики.

В досудебном соглашении о сотрудничестве подобные обстоятельства не учитываются, поскольку в Российской Федерации размер наказания в любом случае определяется соответствующим составом суда, который в своем приговоре может как учесть предложение государственного обвинителя по виду и размеру уголовного наказания, так и прийти к самостоятельному выводу о необходимости назначения иного наказания либо в ином

размере или на иной срок, нежели было предложено прокурором. В США же, в случае утверждения судом условий сделки о признании вины, суд связан этими условиями и обязан назначить подсудимому именно то наказание и в том размере, как указано в сделке о признании вины.

Возможность более широкого варьирования содержания сделки о признании вины в США обуславливает более высокую эффективность данного института с точки зрения обеспечения прав обвиняемого, позволяя стороне обвинения предоставить ему наиболее выгодные условия уголовной ответственности. Если же говорить о досудебном соглашении о сотрудничестве, то оно дополнительно возлагает на фигуранта уголовного дела дополнительные (порой весьма объемные и многочисленные) обязательства. При этом предоставляемые ему преимущества весьма ограничены и выражаются исключительно в сокращении размера назначаемого уголовного наказания по правилам, установленным уголовным законодательством, которые подлежат применению только при условии подтверждения его активного содействия расследованию преступления.

Таким образом, институт сделки о признании вины в США воплощает в себе принцип процессуальной экономии, который при соблюдении определенных условий ставится в приоритетное положение по отношению к принципу установления объективной истины по уголовному делу. Так, государственному обвинителю это позволяет достичь основной цели уголовного судопроизводства – раскрыть преступление и привлечь виновное лицо к уголовной ответственности. В большинстве случаев сделка о признании вины выгодна и для обвиняемого, поскольку, как показывает практика, уголовное наказание, назначаемое по условиям такой сделки, является зачастую в значительной степени более мягким, нежели наказание, назначаемое при рассмотрении уголовного дела в общем порядке, в том случае, если будет вынесен обвинительный приговор.

Несомненно, институт сделки о признании вины в США имеет определенные преимущества, предоставляя дополнительные гарантии обвиняемому (подсудимому), который добросовестно выполнил все условия заключенной сделки. Вместе с тем говорить о бездумном перенимании отдельных норм и включении их в уголовный процесс России будет ошибочным суждением. Как уже указывалось ранее, существуют принципиальные различия самих правовых систем России и США, которые объективно не позволяют это сделать.

Вместе с тем, исходя из анализа норм действующего уголовно-процессуального законодательства России и с учетом сложившейся правоприменительной практики, существует объективная необходимость в совершенствовании института досудебного соглашения о сотрудничестве. На наш взгляд, это должно касаться изъятия у суда ревизионных полномочий по усмотрению разрешения вопроса о порядке судебного производства при поступлении к нему уголовного дела с представлением прокурора о необходимости его рассмотрения в порядке глав 40 и 40.1 УПК РФ. Кроме того, полагаем, что целесообразно устранить существующую коллизию в конструкции нормы ст. 317.7 УПК РФ (Порядок проведения судебного заседания и постановления приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве), имеющей отсылочный характер к гл. 40 УК РФ (Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением), поскольку данные виды производств различаются по своему предмету. И еще одним моментом, требующим, по нашему мнению, определенного пересмотра с правовой точки зрения, является обеспечение прав и законных интересов потерпевшего по уголовным делам, рассматриваемым в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Положения гл. 40.1 УПК РФ никак не разъяс-

няют вопросы участия потерпевшего при определении формы судебного рассмотрения уголовного дела с заключенным досудебным соглашением о сотрудничестве, а равно не предполагают каких-либо правовых механизмов влияния на ее избрание. На наш взгляд, исключение потерпевшего из числа участников принятия решения по вопросу заключения досудебного соглашения о сотрудничестве существенным образом ограничивают его процессуальные права и в определенной степени противоречит назначению отечественного уголовного процесса, закрепленного в ст. 6 УПК РФ. В связи с этим считаем необходимым учитывать при применении особого порядка судебного разбирательства по уголовному делу с заключенным досудебным соглашением о сотрудничестве мнение потерпевшего.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Данные судебной статистики. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 10.04.2024).
2. Ломакин А. Н. О применении соглашений о признании вины. Опыт зарубежных стран // Бизнес. Образование. Право. 2016. № 3 (36). С. 218–224.
3. Корчаго Е. В. Институт сделки о признании вины: право и экономика // Мировой судья. 2019. № 12. С. 33–40.
4. Топчиева Т. В. Соотношение сделки о признании вины (на примере США) и порядка разрешения уголовного дела, предусмотренного главой 40 УПК РФ // Алтайский юридический вестник. 2013. № 1 (1). С. 31–33.
5. Кулаков А. А. Заключение соглашений о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве США // Публичное и частное право. 2014. № 3 (23). С. 157–166.
6. Бирюков П. Н., Жданов И. Н. Назначение наказания при заключении сделки о признании вины в США // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2015. № 2. С. 164–175.
7. George F. Plea bargaining's triumph: a history of plea bargaining in America. Stanford, 2003. 276 p.
8. Гарипов Р. Ф. «Сделка о признании вины» как альтернатива суду присяжных заседателей в уголовном правосудии США // Евразийский юридический журнал. 2009. № 3 (10). С. 59–63.
9. Кайгородова Ю. Е., Суворова А. А. К вопросу о соотношении досудебного соглашения о сотрудничестве с институтом сделки с правосудием // Сибирское юридическое обозрение. 2011. № 14. С. 69–75.
10. Днепровская М. А., Абрамитов С. А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: некоторые проблемные аспекты и достоинства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 4 (26). С. 60–67.
11. Якушев Г. Ю. Сравнительный анализ особого порядка судебного разбирательства и упрощенного уголовного судопроизводства некоторых зарубежных стран // Российское правосудие. 2011. № 5 (61). С. 92–98.

REFERENCES

1. *Dannye sudebnoi statistiki. Otchet o rabote sudov obshchei yurisdiktsii po rassmotreniyu ugolovnykh del po pervoi instantsii* [Judicial statistics data. Report on the work of general jurisdiction courts on the consideration of criminal cases in the first instance]. Available at: <http://www.cdep.ru/?id=79> (accessed April 10, 2024).
2. Lomakin A.N. On the application of plea agreements. The experience of foreign countries. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*, 2016, no. 3 (36), pp. 218–224. (In Russ.).
3. Korchago E.V. Plea bargain Institution: law and economics. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*, 2019, no. 12, pp. 33–40. (in Russ.).

4. Topchieva T.V. The ratio of a plea bargain (on the example of the USA) and the procedure for resolving a criminal case provided for in Chapter 40 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. *Altaiskii yuridicheskii vestnik = Altai Legal Bulletin*, 2013, no. 1 (1), pp. 31–33. (In Russ.).
5. Kulakov A.A. Conclusion of agreements on cooperation in criminal proceedings in the USA. *Publichnoe i chastnoe pravo = Public and Private Law*, 2014, no. 3 (23), pp. 157–166. (In Russ.).
6. Biryukov P.N., Zhdanov I.N. Sentencing at the conclusion of a plea bargain in the USA. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo = Vestnik VSU. Series: Law*, 2015, no. 2, pp. 164–175. (In Russ.).
7. George F. *Plea bargaining's triumph: a history of plea bargaining in America*. Stanford, 2003. 276 p.
8. Garipov R.F. "Plea bargain" as an alternative to jury trial in the criminal justice of the USA. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2009, no. 3 (10), pp. 59–63. (In Russ.).
9. Kaigorodova Yu.E., Suvorova A.A. On the question of the correlation of a pre-trial cooperation agreement with the institute of transactions with justice. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Legal Review*, 2011, no. 14, pp. 69–75. (In Russ.).
10. Dneprovskaya M.A., Abramitov S.A. Pre-trial cooperation agreement: some problematic aspects and advantages. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedural and Criminalistic Readings*, 2019, no. 4 (26), pp. 60–67. (In Russ.).
11. Yakushev G.Yu. Comparative analysis of the special procedure of judicial proceedings and simplified criminal proceedings in some foreign countries. *Rossiiskoe pravosudie = Russian Justice*, 2011, no. 5 (61), pp. 92–98. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЮРИЙ АНДРЕЕВИЧ ЛОЖКИН – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского института ФСИН России, Пермь, Россия, fragment84@mail.ru

YURI A. LOZHKIN – Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia, fragment84@mail.ru

Статья поступила 11.04.2024

Научная статья

УДК 343.9

doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.013

Актуальные вопросы использования искусственного интеллекта в расследовании преступлений

РОМАН МИХАЙЛОВИЧ МОРОЗОВ

Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия

morozur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5298-8941>

Аннотация. Статья посвящена внедрению искусственного интеллекта в деятельность органов предварительного расследования. Выдвинуто предположение, что использование искусственного интеллекта может повысить производительность труда сотрудников следственных органов и сократить объем выполняемых ими задач, помочь в анализе больших объемов данных, выявлении закономерностей и раскрытии преступлений прошлых лет и серийных преступлений, а также поспособствовать биометрической идентификации преступников, установлению места происшествия и выполнению повседневных задач, таких как заполнение статистических карточек и составление запросов. Акцентируется внимание, что для эффективного применения искусственного интеллекта требуются изменения уголовно-процессуального законодательства, внедрение электронного уголовного дела и уточнения понятия технических средств. В работе учтен зарубежный опыт применения искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект; расследование преступлений; анализ больших данных; биометрическая идентификация; автоматизация работы следователя; поиск доказательств.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Морозов Р. М. Актуальные вопросы использования искусственного интеллекта в расследовании преступлений // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 4 (28). С. 114–121. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.013.

Topical Issues of the Use of Artificial Intelligence in Crime Investigation

ROMAN M. MOROZOV

North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia

morozur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5298-8941>

Abstract. The article is devoted to the introduction of artificial intelligence into activities of the preliminary investigation bodies. Achievements of scientific and technological progress have always been involved in activities of preliminary investigation bodies, but artificial intelligence is still not properly used in law enforcement practices. We believe that the use of artificial intelligence can increase employee productivity and reduce the amount of tasks they perform. Artificial intelligence can help analyze large amounts of data, identify patterns and solve crimes of the past and serial crimes. Introduction of artificial intelligence can also contribute to the biometric identification of criminals, establishing the scene of an incident and performing everyday tasks such as filling out statistical cards and making inquiries. Effective use of artificial intelligence requires changes in criminal procedure legislation, introduction of an electronic criminal case and clarification of the concept of technical means. In addition, it is proposed to launch a pilot project on the use of artificial intelligence in one of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The work also takes into account foreign experience in the use of artificial intelligence.

Key words: artificial intelligence; crime investigation; big data analysis; biometric identification; automation of the investigator's work; search for evidence.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Morozov R.M. Topical issues of the use of artificial intelligence in crime investigation. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 4 (28), pp. 114–121. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.013.

История криминалистики показывает, что органы расследования всегда стремились внедрить современные достижения науки и техники в деятельность своих подразделений. Конечно, передовые технологии не всегда приживались сразу, как это было с Альфонсом Бертильоном и его передовым методом – бертильонажем. Так, в книге «Век криминалистики» Торвальд Юрген (псевдоним) указывает, что, когда Бертильон пришел к префекту и попросил внедрить его метод в деятельность полиции, ему было сказано: «Бертильон? Кажется, вы чиновник двадцатого класса и работаете у нас всего восемь месяцев, не так ли? И у вас уже появились идеи?! Ваша докладная читается как анекдот...» [1, с. 18]. Это указывает на то, что некоторые передовые идеи встречают сопротивление и, как нам представляется, сегодня подобная ситуация вполне могла бы произойти с новым методом идентификации. Однако практика показывает, что передовые методы идентификации, изобретенные в раз-

ные исторические периоды, и сегодня стоят на вооружении органов, осуществляющих расследование преступлений: дактилоскопия, фотография, ДНК-тестирование, биометрические технологии и др. Все изобретенные возможности использования передовых методов расследования упираются в ограниченность человеческих возможностей (физиология), поскольку человек не может работать постоянно и непрерывно на протяжении длительного времени, ему требуется время на сон, прием пищи и т. д. Кроме того, у органов предварительного расследования сегодня ограничены и трудовые ресурсы. Так, по утверждению заместителя министра МВД России В. Л. Кубышко от 15 августа 2024 г., «следственные органы МВД укомплектованы лишь на четверть» [2]. Уменьшение количества работников следственных органов приводит к увеличению нагрузки на каждого, что влечет за собой их последующее психологическое выгорание и преждевременное увольнение, что заново запускает новый круг попыток кадровых подразделений вовлечь профессионалов на вакантные должности. По нашему мнению, сегодня оказать помощь в расследовании преступлений и разрешении сложившейся кадровой ситуации может искусственный интеллект (далее – ИИ), хотя, бесспорно, это потребует значительных финансовых средств и внесенных изменений в законодательство. Полагаем, что внедрение ИИ в условиях ограниченных кадровых возможностей позволит получить максимальный эффект от его результативности, а также разгрузит сотрудников в их повседневной служебной деятельности.

Следует отметить, что возможность использования ИИ во всех сферах деятельности отмечал и президент России В. В. Путин: «Задача нового этапа в горизонте текущего десятилетия – обеспечить именно массовое внедрение искусственного интеллекта, оно должно охватить все отрасли экономики и социальной сферы и систему госуправления» [3]. Более подробно способы решения задач по внедрению ИИ нашли отражение в Указе Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»)».

Дискуссия о терминологии ИИ изложена в ряде научных исследований [4, с. 18; 5]. Не вдаваясь в подробности, стоит согласиться с понятием ИИ, данным в указе № 490: «искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений».

С учетом вышеизложенного полагаем, что ИИ в деятельности органов предварительного расследования может быть использован в следующих направлениях:

1. Анализ больших данных и составление планов. ИИ может анализировать огромные объемы данных быстрее, чем человек. Так, следователь/дознатель, работая по серии преступлений или большому тяжкому преступлению, может с помощью ИИ сопоставлять имеющиеся фактические данные в показаниях свидетелей с данными, имеющимися в материалах уголовного дела. Уже сегодня часть уголовного дела составляется с помощью текстовых программных редакторов (протоколы допросов, очных ставок, опознаний и других следственных действий), другая часть материалов поступает в виде фонограмм (контроля и записи переговоров), ответов на запросы (в рамках межведомственного взаимодействия). Все эти материалы могут поступать на обработку ИИ. Полагаем, что обра-

ботать данный материал ИИ будет гораздо проще, чем человеку. В результате обработки указанных данных могут быть выдвинуты следственные версии и сформирован план расследования по уголовному делу. Но возникает вопрос: ограничиваться ли применением ИИ в рамках конкретного уголовного дела или проецировать его применение для неопределенного круга уголовных дел и поступающих в распоряжение органов внутренних дел материалов? Дело в том, что современные преступники, действуя дистанционно, стараются завуалировать свою деятельность под гражданско-правовую составляющую и распределить потенциальных потерпевших по разным регионам Российской Федерации, что не дает правоохранным органам выявить системность преступных намерений и позволяет перевести уголовно-правовое деяние в гражданско-правовой спор (например, поставка некачественного или несопоставимого товара). В других ситуациях преступники совершают тяжкие преступления, после чего, желая уйти от ответственности, меняют местоположение, вносят изменения в свой образ, но при этом определенные закономерности все же остаются неизменными, например, следы, жертвы, орудия, места и время преступлений. Представляется, что ИИ смог бы выявить эти закономерности, имея доступ к уголовным делам и материалам по всем субъектам Российской Федерации, поступающим в правоохранные органы. Реализация указанного выше невозможна в силу того, что в России ведение электронного уголовного дела не определено законодательно, и поступающая информация остается сугубо в материалах конкретного уголовного дела (статистические карточки, составляемые в соответствии с ведомственными документами [6], не соотносятся по объему с информацией, содержащейся в материалах уголовного дела) и на персональном компьютере следователя. В связи с этим полагаем, что введение в расследование электронного уголовного дела с применением ИИ повысило бы эффективность расследования. Следует отметить, что электронное уголовное дело уже внедрено в ряде стран, таких как Канада, Бельгия, Германия, Южная Корея, Саудовская Аравия, при этом данная тенденция коснулась и ряда стран СНГ, например Казахстана.

2. Биометрическая идентификация образов преступников. ИИ может применяться для анализа видео- и аудиозаписей, фотографий с места преступления, чтобы идентифицировать возможных подозреваемых. Изображения на фотографиях (видео) могут восприниматься как биометрические данные. Технологии распознавания лиц используют уникальные характеристики лица, такие как расстояние между глазами, форма носа, контуры челюстей и др. для идентификации индивидуума.

Уже сегодня во многих городах России в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 03.12.2014 № 2446-р «Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город»» действует аппаратно-программный комплекс (далее – АПК) «Безопасный город», цель которого в обеспечении общественной безопасности и правопорядка. Информация, формируемая камерами, установленными, как правило, в общественных пространствах (парках, скверах, площадях, пешеходных улицах и т. д.), аккумулируется в единых центрах хранения и обработки данных соответствующего субъекта Российской Федерации. Федеральные акты, регулирующие правила доступа к полученным записям, отсутствуют, регламент доступа к этим данным разрабатывается регионом или муниципальным образованием соответствующего субъекта, а правоохранным органам субъекта по умолчанию дается доступ в данную систему. В свою очередь в системе МВД России действует АПК «Поток», цель которого – видеомониторинг дорожной обстановки и фиксация нарушений правил дорожного движения (камеры устанавливаются на выездах и въездах в муниципальные образования,

перекрестках, оживленных участках дорог соответствующего муниципального образования). Оба указанных АПК могут хранить видеoinформацию, фиксирующую место совершения преступления, действия подозреваемого и потерпевшего, а также других лиц, оказавшихся на месте происшествия. Полагаем, что интеграция ИИ в данные системы позволила бы не только осуществлять поиск и идентификацию образов лиц, имеющих в базах МВД России, но и сравнивать зафиксированный образ на видео с фотографиями, имеющимися в популярных социальных сетях («ВКонтакте», «Одноклассники»). Нужно учитывать, что далеко не все пользователи социальных сетей в своем профиле выставляют оригинальные фотографии, кто-то вообще их не размещает или использует фотографии иных лиц. Однако фотографии, размещенные в открытых альбомах, могут сориентировать правоохранительные органы и сузить поиск преступников, определить возможные места их появления или нахождения. Основной проблемой применения АПК «Безопасный город» с ИИ для поиска преступников является отсутствие масштабирования, то есть интеграции (получения данных) от видеокамер, устанавливаемых в общественных пространствах субъектами предпринимательства (магазинах, ресторанах, торговых центрах и т. д.) и гражданами (подъездах, лифтах, гаражных кооперативах и т. д.). Полагаем, что интеграция этих средств видеонаблюдения повысила бы охват АПК «Безопасный город», и, как следствие, стало бы возможно применение ИИ для поиска лиц. Представляется, что соответствующее взаимодействие могло бы основываться на добровольных началах на основании соглашений на безвозмездной основе, где владелец видеокамеры или видеокамер и сервера давал бы возможность фиксации записи и видео с соответствующего устройства на серверы хранения обработки данных АПК «Безопасный город».

Отдельно стоит вопрос об идентификации ИИ голосов лиц, совершивших преступления, так как использование специальных программ для генерации определенного голоса из полученного образца может затруднить установление тождества ИИ. По нашему мнению, обучение ИИ при достаточном объеме образцов позволит выявлять и такие манипуляции.

3. Проведение исследований для установления возможного места совершения преступления. Можно задуматься об использовании зарубежного опыта в вопросе обнаружения места происшествия с использованием ИИ. Например, компания «ShotSpotter» в США использует интеллектуальную городскую инфраструктуру для триангуляции местоположения выстрела. Несколько датчиков улавливают звук выстрела, и алгоритм машинного обучения триангулирует, где произошел выстрел, сравнивая такие данные, как время фиксации звука, уровень шума и эхо [7, с. 41–42].

4. Поиск доказательств (файлов) с изымаемых в ходе обыска электронных устройств (персональных компьютеров, жестких дисков, телефонов, планшетов, серверов). При совершении преступлений в сфере коррупционной деятельности, в сфере распространения наркотиков и ряде других на устройствах подозреваемых/обвиняемых крайне важно своевременно найти информацию о преступной деятельности, поскольку анализ имеющихся данных может занимать продолжительное время. Представляется, что это может проанализировать ИИ, что облегчит поиск и осмотр соответствующих фрагментов, и, в дальнейшем позволит, например, более обоснованно избрать меру пресечения.

5. Автоматизация рутинных задач. ИИ может автоматизировать рутинные задачи, такие как подготовка повесток для вызова свидетелей, типовых запросов на предоставление данных, заполнение статистических карточек по уголовному делу, создание моделей ме-

ста совершения преступления на основе имеющихся данных. В результате будет освобождаться время для более сложных аспектов расследования.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Внедрение ИИ в деятельность органов предварительного расследования является необходимым и своевременным следствием научно-технической революции. Его апробация в органах расследования позволит повысить производительность сотрудников с одновременным сокращением объема выполняемых ими задач. По нашему мнению, именно ИИ сможет стать незаменимым помощником сотрудника предварительного расследования и позволит нивелировать тезис, что увеличение количества объема работы неизменно приводит к снижению качества его выполнения. Представляется, что реализация использования ИИ может проходить в виде пилотного проекта в одном из территориальных органов МВД субъекта Российской Федерации.

2. Использование ИИ в анализе поступающих материалов и уголовных дел, находящихся в производстве органов предварительного расследования, позволит выявлять закономерности, которые сотрудник не может увидеть в силу большого количества данных и отсутствия доступа ко всем имеющимся материалам и уголовным делам, что, безусловно, даст толчок для раскрытия преступлений прошлых лет, а также серийных преступлений. При этом внедрение ИИ должно идти вместе с изменением уголовно-процессуального законодательства в части введения электронного уголовного дела (при апробации какое-то время в законе может сохраняться альтернатива ведения дела на бумажном или электронном носителе), а также уточнения понятия «технические средства».

3. Биометрическая идентификация образов преступников с помощью ИИ позволит сократить срок розыска преступников. Отметим, что материальная база для этого уже создана в виде действующих АПК «Безопасный город» и «Поток». Кроме того, поиск преступников может осуществляться в постоянном режиме, в том числе в профилях и открытых фотоальбомах в социальных сетях.

4. Применение ИИ может помочь в установке места происшествия посредством соотношения поступающих звуков (выстрелов, столкновений транспортных средств, криков) с определенными установленными датчиков с последующей триангуляцией звуковых волн - нахождения координат источника на местности. Полагаем, данный зарубежный опыт требует особо изучения и апробации на практике в деятельности отечественных органов предварительного расследования.

5. Внедрение ИИ позволит сократить количество повседневных рутинных задач, выполняемых следователем, таких как заполнение статистических карточек по уголовному делу, составление запросов и планов расследования.

6. Использование технологий ИИ для поиска потенциальных доказательств на изъятых в ходе следственных действий электронных устройствах позволит сократить время поиска файлов – интересующих объектов осмотра.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Торвальд Ю. Век криминалистики. М., 1991. 203 с.
2. Крючков С. МВД голодает кадрово. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6893722> (дата обращения: 01.09.2024).
3. Путин В. В. призвал массово внедрить в этом десятилетии искусственный интеллект во все отрасли. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16418761> (дата обращения: 01.09.2024).

4. Бессонов А. А. Искусственный интеллект и математическая статистика в криминалистическом изучении преступлений : моногр. М., 2021. 820 с.
5. Бычков В. В. Искусственный интеллект в сфере раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Российский следователь. 2022. № 1. С. 3–6.
6. О едином учете преступлений (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов») : приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (Зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2005 № 7339) // Российская газета. 2006. 25 янв.
7. Расторопов С. В. Использование искусственного интеллекта для предупреждения и выявления преступлений (мировой опыт) // Международное публичное и частное право. 2020. № 5. С. 40–43.

REFERENCES

1. Torval'd Yu. *Vek kriminalistiki* [Century of criminalistics]. Moscow, 1991. 203 p.
2. Kryuchkov S. *MVD golodaet kadrovo* [The Ministry of Internal Affairs lacks personnel]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6893722> (accessed September 1, 2024).
3. *Putin V.V. prizval massovo vnedrit' v etom desyatiletii iskusstvennyi intellekt vo vse otrasli* [Vladimir Putin called for the massive introduction of artificial intelligence in all industries this decade]. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/16418761> (accessed September 1, 2024).
4. Bessonov A.A. *Iskusstvennyi intellekt i matematicheskaya statistika v kriminalisticheskom izuchenii prestuplenii: monogr.* [Artificial intelligence and mathematical statistics in the criminalistic study of crimes: monograph]. Moscow, 2021. 820 p.
5. Bychkov V.V. Artificial intelligence in the field of disclosure and investigation of extremist crimes committed using information and telecommunication networks. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2022, no. 1, pp. 3–6. (In Russ.).
6. On the unified accounting of crimes (together with the “Model regulation on the unified procedure for organizing the reception, registration and verification of reports of crimes”, “Regulation on the unified procedure for registering criminal cases and recording crimes”, “Instructions on the procedure for filling in and submitting accounting documents”) : Order of the Prosecutor General's Office of Russia No. 39, the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1070, Ministry of Emergency Situations of Russia No. 1021, Ministry of Justice of Russia No. 253, FSB of Russia No. 780, Ministry of Economic Development of Russia No. 353, Federal Drug Control Service of Russia No. 399 of December 29, 2005 (Registered with the Ministry of Justice of Russia of December 30, 2005 No. 7339). *Rossiiskaya gazeta = Russian Newspaper*, 2006, January 25. (In Russ.).
7. Rastoropov S.V. The use of artificial intelligence for the prevention and detection of crimes (world experience). *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo = International Public and Private Law*, 2020, no. 5, pp. 40–43. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОМАН МИХАЙЛОВИЧ МОРОЗОВ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Во-

ROMAN M. MOROZOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law Univer-

логда, Россия, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, morozur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5298-8941>

sity (MSAL), Vologda, Russia, associate professor at the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Law Enforcement Intelligence of the Law Faculty of the Vologda Institute of Economics and Law of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, morozur@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5298-8941>

Статья поступила 04.09.2024

Научная статья

УДК 34

doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.014

10 условий успешной трансформации уголовного права в эпоху инновационных перемен. Условие № 2

ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ НЕКРАСОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, vnnekrasow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2494-0449>

Аннотация. Данная работа продолжает серию статей, посвященных поиску условий, основных принципов и «маяков», на которые следует ориентироваться при разработке и реализации уголовно-правовых механизмов, направленных на обеспечение эффективного осуществления инновационной деятельности в нашей стране. В статье проводится анализ особенностей инновационной деятельности и ее видов, формулируются предложения по перечню уголовно-правовых средств, направленных на охрану инновационных общественных отношений.

Ключевые слова: инновационная деятельность; преступления в сфере инновационной деятельности; принципы уголовного права.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Некрасов В. Н. 10 условий успешной трансформации уголовного права в эпоху инновационных перемен. Условие № 2 // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2024. № 4 (28). С. 122–127. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.014.

Original article

Ten Conditions for Successful Transformation of Criminal Law in the Era of Innovative Changes. Condition No. 2

VASILII N. NEKRASOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, vnnekrasow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2494-0449>

Abstract. This work continues a series of articles devoted to the search for conditions, basic principles and “beacons” that should be used in the development and implementation of criminal law mechanisms aimed at ensuring effective implementation of innovative activities in our country. The paper analyzes features of innovative activity and its types, and presents proposals for a list of criminal legal means aimed at protecting innovative public relations.

Key words: innovative activity; crimes in the field of innovative activity; principles of criminal law.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Nekrasov V.N. Ten conditions for successful transformation of criminal law in the era of innovative changes. Condition No. 2. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 4 (28), pp. 122–127. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.014.

Порядок есть союз всех вещей.
Сама природа через него существует.

Пифагор

Данная работа продолжает серию статей, посвященных поиску условий для успешной трансформации российского уголовного права в условиях инновационных перемен. В предыдущей статье внимание было обращено на сущность и направления инновационной деятельности в контексте целей уголовного права, в настоящей – проводится анализ особенностей инновационной деятельности и ее видов, формулируются предложения по перечню уголовно-правовых средств, направленных на охрану инновационных общественных отношений.

Построение инновационной экономики невозможно без учета особенностей данного вида деятельности. При этом эффективная охрана инновационных отношений также немыслима без учета признаков, присущих анализируемому виду деятельности. Во всем многообразии данных признаков хотелось бы обратить внимание на несколько основных особенностей, которые следует учитывать при разработке и использовании мер уголовно-правового характера для охраны инновационных отношений. Так, в частности, одной из ключевых характеристик инновационной деятельности является ее динамичный характер. Следует отметить, что чем выше уровень развития инновационной деятельности, тем стремительнее скорость происходящих изменений. Дело в том, что инновационные процессы стимулируют появление новых и совершенных инноваций и иных нововведений. В качестве примера можно привести скорость изменения общественной жизни в связи с появлением Интернета. Если первые идеи создания концепции глобальной сети высказывались британским ученым Тимом Бернерсом-Ли в 1989 г. [1], то сегодня Интернет для большинства людей стал нормой жизни и вполне обыденным явлением, без которого сложно представить жизнь современного человека. Так, например, уже в начале 2023 г. в Российской Федерации насчитывалось 127,6 млн интернет-пользователей при общей численности населения России 144,7 млн человек [2].

Иными словами, развитие инновационной деятельности, с одной стороны, стимулирует появление все более новых инноваций и иных продуктов такой деятельности, с другой – влияет на скорость происходящих в общественной жизни изменений. Отмеченное связано в том числе с тем, что благодаря развитию инновационной деятельности сокращается время на апробацию и внедрение ее результатов. Традиционно процесс внедрения любой разработки состоял из нескольких следующих друг за другом циклов. Обобщенно данная модель может быть представлена следующим образом: получение заказа на разработку – проведение исследования – получение результата (разработки) – апробация – внедрение в производство (рыночная реализация). Необходимо обратить внимание, что сегодня эта модель приобретает новые черты. В частности, в ряде случаев в разы ускоряется процесс внедрения до конечного потребителя инноваций и иных результатов инновационной деятельности.

Кроме того, развитие инновационной деятельности нередко приводит к тому, что процессы появления новой разработки не проходят или проходят в ускоренном и упрощенном порядке отдельные стадии, например апробацию или внедрение. Так, в соответствии с Федеральным законом от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» для цифровых инноваций в некоторых сферах, таких как, например, медицинская деятельность, промышленное производство, финансовый рынок и др., может устанавливаться применение специального регулирования, которое предполагает сокращение времени и затрат на разработку, апробацию и внедрение новых технологий. Безусловно, в подобных условиях возрастает необходимость выработки четких, своевременных и эффективных правил контроля за подобными процессами с цифровыми инновациями, в том числе формирование мер уголовно-правового характера для недопущения преступных деяний в данной сфере.

Другой тенденцией, вызванной инновационной деятельностью, является то, что в связи с увеличением скорости изменений в ряде случаев происходящие трансформации носят необратимый характер. Иными словами, возникающие закономерности позволяют сделать вывод, что в процессе исторического развития некоторые инновации и разработки оказываются ненужными и забытыми, так как человек больше никогда их не использует. Примеры подобных технологий существовали не только в далеком прошлом. Так, в 2009 г. израильская компания Modu представила совершенно новый гаджет – модульный смартфон. По задумке разработчиков при помощи специального модуля-корпуса пользователь мог самостоятельно менять состав устройства и подключать разные функции: клавиатуру, GPS или MP3-плеер. Новая революционная структура и разнообразие модулей не вызывали сомнения в успехе нового типа гаджетов. Однако стремительное развитие рынка смартфонов привело к тому, что из-за дороговизны девайса в 2011 г. компании Modu пришлось закрыться [3]. Безусловно, данную особенность также следует учитывать законодателю, например, для декриминализации отдельных преступлений в сфере инновационной деятельности.

Необходимо отметить, что процессы создания и внедрения инноваций развиваются согласно одному из основных законов диалектики, когда возникновение нового качества происходит вследствие накопления количественных изменений. Так, со временем появление все более новых инноваций возможно приведет к тому, что эволюционные изменения в обществе преобразуются в революционные трансформации: постепенное накопление количественных изменений может привести к более качественным инновационным всплескам. С каждым этапом преобразования инновации происходит изменение ее качественных свойств за счет накопления количественных характеристик. Примером таких революционных технологий может служить размещение новостных сюжетов в электронном виде. Так, начиная с 2000-х гг. цифровые новостные агентства, такие как BuzzFeed, HuffPost и Vox, привлекали читателей благодаря бесплатному онлайн-контенту, вирусным социальным сетям и стали прорывными инновационными компаниями по всему миру, вытеснив традиционные печатные новостные издания [4]. Однако подобные качественные трансформации произошли не в один миг, им предшествовали постепенные многочисленные количественные изменения, такие как распространение цифровых новостей, снижение тиражей печатных изданий и т. п.

В ходе анализа правовой материи нам не удалось обнаружить сведений о видах инноваций. Вместе с тем в специальной литературе имеется значительное число классификаций рассматриваемого явления, например: продуктовые, процессные, маркетинговые и

организационные; материальные и нематериальные; общественно опасные и общественно безопасные и др. [5; 6]. По нашему мнению, с учетом ранее выявленных особенностей, присущих инновационной деятельности, а также в целях разработки комплекса уголовно-правовых мер охраны инновационных отношений следует выделять два вида такой деятельности. Во-первых, общественно полезная инновационная деятельность, отличительной чертой которой является стимулирующий мотив, стремление к новизне и обновлению, являющееся залогом эволюционных и позитивных изменений личности, общества и государства. Охрана отмеченного вида деятельности осуществляется в том числе уголовно-правовыми средствами, например, путем установления уголовной ответственности за нарушение изобретательских и патентных прав (ст. 147 УК РФ). Вторым видом инновационной деятельности следует считать вредоносный ее вид, представляющий общественную опасность для охраняемых общественных отношений. Так, например, в ст. 234.1 УК РФ установлена уголовная ответственность за незаконные производство, изготовление, переработку, хранение, перевозку, пересылку, приобретение, ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации в целях сбыта, а равно незаконный сбыт новых потенциально опасных психоактивных веществ.

На основании изложенного для охраны общественных отношений в сфере общественно полезной инновационной деятельности, а также недопущения или пресечения вредоносного ее вида законодатель должен выработать конкретный перечень средств и методов и технологии их применения, в том числе в уголовно-правовой сфере. Вместе с тем в условиях выявленных особенностей инновационной деятельности особо значимой становится задача поиска универсальных, динамичных и при всем этом эффективных механизмов воздействия на преступность в сфере названного вида деятельности. Думается, что в этом плане следует использовать потенциал такого средства, как аналогия. Принцип законности (ст. 3 УК РФ) гласит, что применение уголовного закона по аналогии не допускается. Представляется, что применительно к действующему уголовному законодательству и изменениям, вызванным инновационной деятельностью, когда нередко закон не поспевает за происходящими трансформациями, столь категоричный отказ от применения уголовного закона по аналогии подлежит пересмотру. Как верно отмечает М. А. Кауфман, аналогия не исчезла из практики применения уголовного закона и после ее отмены, а лишь обрела скрытые формы, умело маскируясь. Применение аналогии в уголовном праве как способ преодоления пробелов на основе усмотрения правоприменителя есть мера нежелательная, но вынужденная. Запрет на применение аналогии должен касаться только применения уголовного закона в отношении деяний, прямо не предусмотренных УК РФ [7, с. 262, 267–268].

В современных реалиях, связанных с динамичным развитием инновационной деятельности в целом и отдельных ее направлений в частности, ускоренным внедрением инноваций, требуется своевременное реагирование уголовного законодательства на возникающие вызовы. В этих условиях законодателю следует выработать устойчивые принципы и модели, восполняющие неизбежно появляющиеся пробелы в уголовном законодательстве. Одним из возможных способов обеспечения оперативности принимаемых решений, соблюдения принципа неотвратимости ответственности является допустимость применения аналогии уголовного закона. В этой связи в ч. 2 ст. 3 УК РФ следует внести изменения, допускающие возможность применения уголовного закона по аналогии в исключительных случаях, когда положение лица от применения аналогии улучшается или не урегулированы отдельные вопросы, необходимые для решения дела по существу. Применение аналогии

уголовного закона не должно допускаться в случае признания прежде непроступного поведения преступным, а также в случае прямого противоречия с нормами уголовного закона и нарушения прав и законных интересов личности.

На основании изложенного целесообразно изложить ч. 2 ст. 3 УК РФ в следующей редакции: «Применение уголовного закона по аналогии допускается в исключительном случае – когда совершенное лицом общественно опасное деяние признается настоящим Кодексом преступным, однако не урегулированы отдельные вопросы, необходимые для решения дела по существу. При этом в случаях применения уголовного закона по аналогии недопустимо прямое противоречие уголовному закону, а также ущемление прав и законных интересов личности».

Нельзя не указать, что в действующем УК РФ нашли отражение преимущественно общеправовые принципы и лишь в одном случае – в ст. 5 – межотраслевой принцип вины. По нашему мнению, с учетом выявленных особенностей инновационной деятельности следует дополнить уголовный закон еще, как минимум, одним специфичным для уголовного права принципом экономии наказания и иных мер уголовно-правового характера. Думается, что, даже не получив своего закрепления в УК РФ, отмеченный принцип не перестал быть таковым. Суть рассматриваемого принципа заключается в отказе от применения наиболее суровых мер в рамках уголовной ответственности в том случае, если задачи и цели уголовно-правового воздействия могут быть достигнуты путем использования менее строгих мер воздействия. Как верно отмечал В. Н. Кудрявцев, принцип экономии репрессии заключается в том, что уголовно-правовой запрет следует рассматривать как субсидиарный, в том смысле, что наказание следует применять лишь в качестве последнего средства [8]. Одним из проявлений упомянутого принципа в уголовном законе следует назвать стремление законодателя смягчить уголовную ответственность для лиц, совершающих экономические преступления. Так, например, согласно ст. 76.1 УК РФ был предусмотрен новый вид освобождения от уголовной ответственности – по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, с дифференциацией по видам преступлений. Цель данных законодательных изменений направлена в том числе на стимулирование позитивного постпреступного поведения лиц, совершивших преступления в сфере экономической деятельности.

Представляется, что в условиях инновационной деятельности, от которой зависит конкурентоспособность не только отдельных регионов, но и государства в целом необходима разработка дополнительных мер, направленных на повышение эффективности данного вида деятельности. В этой связи ряд используемых в настоящее время уголовно-правовых мер по смягчению уголовной ответственности для лиц, совершающих экономические преступления, следует распространить и на лиц, совершающих преступления в сфере общественно полезной инновационной деятельности, поскольку в условиях инновационной деятельности законодатель исходит из принципа добросовестности субъекта общественно полезной инновационной деятельности и заинтересованности в позитивной и результативной деятельности таких субъектов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 31 технология, перевернувшая мир. URL: <https://rb.ru/story/top-disruptive-technologies/> (дата обращения: 09.10.2024).
2. Digital 2023: статистика аудитории интернета и соцсетей в России. URL: <https://www.prstudent.ru/research/digital-2023-statistika-auditorii-interneta-i-socsetej-v-rossii> (дата обращения: 09.10.2024).

3. Какие технологии считались прорывными, но сейчас куда-то пропали. URL: <https://education.yandex.ru/journal/tekhnologii-kotorye-v-proshlom> (дата обращения: 30.09.2024).
4. 7 успешных примеров прорывных инноваций всех времен. URL: <https://ahaslides.com/ru/blog/disruptive-innovation-examples/> (дата обращения: 30.09.2024).
5. Завлин П. Н., Васильев А. В. Оценка эффективности инноваций. СПб., 1998. 215 с.
6. Веретенникова О. Б., Шеина Е. Г. Сущность и классификация инноваций и инновационной деятельности // Известия Уральского государственного экономического университета. 2011. № 5 (37). С. 148–154.
7. Кауфман М. А. Пробелы в уголовном праве и судебское усмотрение. М., 2009. 342 с.
8. Кудрявцев В. Н. Научные предпосылки криминализации // Криминология и уголовная политика. М., 1985. С. 105–108.

REFERENCES

1. *31 tekhnologiya, perevernuvshaya mir* [31 technologies that turned the world upside down]. Available at: <https://rb.ru/story/top-disruptive-technologies/> (accessed October 9, 2024).
2. *Digital 2023: statistika auditorii interneta i sotssetei v Rossii* [Digital 2023: statistics of the Internet and social media audience in Russia]. Available at: <https://www.prstudent.ru/research/digital-2023-statistika-auditorii-interneta-i-socsetej-v-rossii> (accessed October 9, 2024).
3. *Kakie tekhnologii schitalis' proryvnymi, no seichas kuda-to propali* [Which technologies were considered breakthrough, but now have disappeared somewhere]. Available at: <https://education.yandex.ru/journal/tekhnologii-kotorye-v-proshlom> (accessed September 30, 2024).
4. *7 uspesnykh primerov proryvnykh innovatsii vseh vremen* [7 successful examples of breakthrough innovations of all time]. Available at: <https://ahaslides.com/ru/blog/disruptive-innovation-examples/> (accessed September 30, 2024).
5. Zavlin P.N., Vasil'ev A.V. *Otsenka effektivnosti innovatsii* [Evaluation of the effectiveness of innovations]. Saint Petersburg, 1998. 215 p.
6. Veretennikova O.B., Sheina E.G. The essence and classification of innovations and innovative activity. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Proceedings of the Ural State University of Economics*, 2011, no. 5 (37), pp. 148–154. (In Russ.).
7. Kaufman M.A. *Probely v ugovnom prave i sudeiskoe usmotrenie* [Gaps in criminal law and judicial discretion]. Moscow, 2009. 342 p.
8. Kudryavtsev V.N. Scientific prerequisites of criminalization. In: *Kriminologiya i ugovnaya politika* [Criminology and criminal policy]. Moscow, 1985. Pp. 105–108. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ НЕКРАСОВ – доктор юридических наук, заместитель начальника Вологодского института права и экономики ФСИН России по учебной работе, Вологда, Россия, vnnekrasow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2494-0449>

VASILII N. NEKRASOV – Doctor of Sciences (Law), Deputy Head for Academic Affairs of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, vnnekrasow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2494-0449>

Статья поступила 05.11.2024

Научная статья

УДК 343.8

doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.015

Характеристика отдельных показателей криминальной субкультуры, используемых в правоприменительной деятельности: анализ судебно-следственной практики

НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ РУМЯНЦЕВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,
rumyantsevn.v@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0958-8539>

АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ РЫСЕВ

Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия, alex_gysev@inbox.ru

Аннотация. В статье рассмотрены регулятивные и атрибутивные элементы, составляющие структуру криминальной субкультуры лидеров преступной среды, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, с точки зрения практического значения для привлечения их к уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии. Предложена характеристика регулятивного элемента через призму принятых лидерами преступной среды правил поведения для всех участников данного сообщества. Помимо имеющихся показателей атрибутивного элемента криминальной субкультуры, таких как татуировки, жаргон, особенности внешнего вида, дано описание основных понятий, используемых лидерами преступной среды. Предложенные в настоящей статье элементы характеристики являются производными комплексного анализа практической деятельности, в том числе участия в судебных заседаниях в качестве специалиста по уголовным делам по ст. 210.1 УК РФ, которые отвечают существующим потребностям правоохранительных органов в противодействии организованной преступности. Определены проблемы толкования криминальной идеологии, рассмотрены примеры, при которых сторона защиты, решая свои задачи, пытается перевести криминальные понятия в правовое поле.

Ключевые слова: криминальная субкультура; регулятивные и атрибутивные элементы; лидеры преступной среды; уголовно-исполнительная система; занятие высшего положения в преступной иерархии.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Румянцев Н. В., Рысев А. А. Характеристика отдельных показателей криминальной субкультуры, используемых в правоприменительной деятельности: анализ судебно-следственной практики // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2024. № 4 (28). С. 128–135. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.015.

Original article

Characterizing Individual Indicators of Criminal Subculture Used in Law Enforcement Activities: Analysis of Judicial and Investigative Practice

NIKOLAI V. RUMYANTSEV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, rumyantsevn.v@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0958-8539>

ALEKSEI A. RYSEV

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russia, alex_rysev@inbox.ru

Abstract. The article considers regulatory and attributive elements of a criminal subculture of criminal leaders held in penitentiary institutions from the point of view of practical importance for bringing them to criminal liability for occupying the highest position in the criminal hierarchy. A characteristic of the regulatory element is proposed through the prism of the rules of conduct adopted by leaders of the criminal environment for all participants in this community. In addition to attributive elements of a criminal subculture, such as tattoos, jargon, and appearance features, the paper describes basic concepts used by leaders of the criminal environment. The characteristic elements proposed in this article are derivatives of a comprehensive analysis of practical activities, including participation in court sessions considering cases under Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation as a criminal case specialist. The authors of the article identify problems of interpreting a criminal ideology and analyze cases, when the defense side, solving its tasks, tries to translate criminal concepts into the legal field.

Keywords: criminal subculture; regulatory and attributive elements; leaders of the criminal environment; penal system; occupation of the highest position in the criminal hierarchy.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Rumyantsev N.V., Rysev A.A. Characterizing individual indicators of criminal subculture used in law enforcement activities: analysis of judicial and investigative practice. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 4 (28), pp. 128–135. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.015.

Кардинальные экономические и политические реформы России в начале 1990-х гг. вызвали стремительные изменения в обществе, создав среди прочего питательную среду для развития преступных групп. В результате этого общество захлестнула волна преступности, которая вдохнула новую жизнь в развитие криминальных сообществ лидеров преступной среды. На сегодняшний день приоритетным направлением в политике государства является противодействие организованной преступности, на что указывают изменения в действующем законодательстве, в том числе УК РФ.

Основными задачами, возложенными на оперативные подразделения УИС, являются документирование преступных действий лиц, занимающих высокое положение в преступ-

ной иерархии, содержащихся в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, а также привлечение их уголовной ответственности.

На сегодняшний день в учреждениях ФСИН России содержится и отбывает наказание более тысячи лидеров преступной среды, среди которых и лица, причисляющие себя к так называемым вора в законе. Основу деятельности лидеров преступной среды, содержащихся в учреждениях УИС, безусловно, составляет криминальная субкультура, которая определяет модель поведения данного сообщества. Знание основных ее показателей влияет на эффективность правоприменительной деятельности в противодействии данному негативному явлению.

Не вдаваясь в дискуссию по поводу понятия криминальной субкультуры, мы отметим позицию В. В. Денисовича, наиболее близкую нашей, согласно которой под криминальной субкультурой понимается совокупность норм и правил поведения, традиций, обычаев и внешней атрибутики, существующих внутри определенной социальной микрогруппы лиц, объединенных каким-либо общим интересом (профессиональным или иным), а также поддерживаемых всеми членами этой группы и отличающихся от общепринятых [1, с. 63].

Несмотря на многообразие научных исследований в области криминальной субкультуры, стоит заметить, что значительная часть работ принадлежит именно ученым в области криминологии, чей практический опыт связан с изучением лидеров преступной среды, находящихся на свободе. К таким авторам относятся А. А. Шемякина, С. С. Новожилов, В. В. Тулегенов, А. В. Воронцов, А. Н. Поздняков и др. Данная группа ученых внесла значительный вклад в исследование преступной иерархии как объекта оперативно-розыскной деятельности в органах внутренних дел. Среди ведущих ученых-пенитенциаристов важно отметить С. А. Кутякина, Л. В. Мазалеву, С. С. Галахова, А. А. Шикова, В. Н. Омелина, А. В. Агаркова, Н. П. Барабанова, труды которых посвящены противодействию лидерам преступной среды, деятельности МОД «А.У.Е.»*, оказывающих негативное влияние на оперативную обстановку в исправительных учреждениях и следственных изоляторах УИС.

Вышеперечисленные авторы рассматривали криминальную субкультуру как многоэлементную систему, которая отрицательно сказывается на формировании правосознания общества, однако, на наш взгляд, не в полном объеме исследована криминальная идеология, являющаяся двигателем преступной среды, сложившаяся в пенитенциарных учреждениях, а также порядок взаимодействия между различными ее представителями.

Например, А. В. Воронцовым изучены понятия криминальной среды, субкультуры и иерархии преступного мира, в результате чего были выделены элементы криминальной субкультуры, такие как регулятивный, атрибутивный и эмоциональный [2]. В исследовании дана характеристика лидерам преступной среды, в том числе определены их функции и особенности криминальной идеологии, однако предложенные тезисы касаются лишь той группы лиц, которые находятся на свободе. Особенности взаимоотношений, а также их поведение несколько отличаются в условиях содержания под стражей.

С. А. Кутякин рассматривал причины и условия возникновения конфликта между администрацией учреждений УИС и криминальной оппозицией в лице тюремных авторитетов, которые связаны с имеющимися противоречиями в стоящих перед ними задачах, интересах и потребностях, а также отличающимся социальным и правовым статусом [3].

В теории криминологии и оперативно-розыскной деятельности существуют различные подходы к определению структуры криминальной субкультуры. Так, в частности, Д. В. Ба-

* Деятельность организации признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

банина выделяет регулятивный и атрибутивный элемент существования преступного сообщества [4, с. 28]. Регулятивный включает в себя правила поведения лидеров преступной среды, закрепляет образ жизни, основанный на определенных традициях и обычаях, предписанные правила для участников и порядок управления ими, а также финансово-экономическую основу деятельности. Атрибутивный компонент содержит в себе манеру поведения, особенности внешнего вида, включая татуировки, особенности общения между представителями той или иной криминальной группы.

Некоторые ученые дополняют криминальную субкультуру эмоциональной составляющей лидеров преступной среды, куда включают преступный фольклор, стихи, песни, анекдоты и рассказы о криминальном мире, в которых идеализируются образ преступника и его превосходство над государством [5, с. 122]. Несколько дискуссионным, на наш взгляд, выглядит выделение эмоциональной категории в отдельный структурный элемент, поскольку как предмет «искусства» он стоит в одном ряду с жаргоном и татуировками. В таком случае целесообразней было бы включить его как дополнительную часть в атрибутивный элемент.

Н. П. Барабанов в качестве отдельного элемента рассматриваемого явления выделяет разделение участников криминального сообщества на категории: профессиональные и непрофессиональные [6, с. 19]. К первому блоку относятся воры в законе, авторитеты, каталы, шестерки, второй блок включает в себя мужиков, пацанов, обиженных. Данная точка зрения интересна, однако, на наш взгляд, все же такое выделение в качестве отдельного структурного элемента криминальной субкультуры не совсем целесообразно, поскольку лидеры и иные представители преступного мира наряду с криминальной субкультурой является составной частью криминальной среды.

Стоит задаться вопросом: какие из указанных элементов и в каком информационном объеме могут быть использованы в правоприменительной практике органами предварительного расследования, стороной защиты и судом?

Ответ на данный вопрос мы попытались найти, проведя анализ материалов уголовных дел по ст. 210.1 УК РФ, участия в следственных и судебных действиях в качестве специалиста по делам, связанным с занятием высшего положения в преступной иерархии, а также изучив результаты анкетирования сотрудников оперативных подразделений МВД и ФСИН России. Это позволило нам сосредоточиться на регулятивных и атрибутивных свойствах криминального сообщества.

В ходе исследования была выявлена проблема доказывания вины по уголовным делам, связанным с занятием высшего положения в преступной иерархии, при допросе специалиста. Как показало анкетирование сотрудников следственных органов, при судебном рассмотрении данных уголовных дел сторонами защиты и обвинения обращается особое внимание на особенности криминальной идеологии, являющейся составной частью субкультуры. Зачастую недостаточные знания сущности и характеристики данного явления указывают на некомпетентность участника уголовного судопроизводства.

На наш взгляд, актуальную систему характеристики криминальной субкультуры, используемой в правоприменительной деятельности, следует разделить в соответствии с принятыми правилами криминального сообщества на регулятивные и атрибутивные свойства.

Регулятивные свойства включают в себя следующие правила:

– впервые отбывающий лишение свободы или находящийся под стражей должен поставить для себя цель и наметить свой путь пребывания. Имеется в виду, что перед человеком стоит выбор, будет ли он сотрудничать с администрацией или консолидируется

с обществом осужденных, приоритетом которого является взаимопомощь и взаимоподдержка. Особая ответственность в разъяснении норм уклада, в том числе, какие трудности и проблемы могут возникнуть в процессе отбывания наказания, лежит на так называемых смотрящих, положенцах, бродягах и каторжанам;

- личные интересы не должны противоречить интересам самого общества. Данное положение указывает на то, что при принятии решения осужденный должен учитывать мнение окружающих;

- каждый осужденный, выбравший так называемое людское, то есть стремление к взаимопониманию и самопожертвованию, обязан соблюдать нормы поведения, которые соответствуют воровским традициям;

- места лишения свободы и заключения под стражу являются домом для осужденных, в котором преобладают порядочность, честь и совесть, являющиеся важнейшими принципами, которые объединяют мысли и цели данного общества;

- формировать отношение к другим осужденным и лицам, заключенным под стражу, необходимо по совершенным ими поступкам, не судить по словам;

- по возможности, каждому осужденному необходимо вносить свой вклад в формирование так называемого общака, а также оказывать помощь в доставке его средств нуждающимся лицам. Данным сообществом общак идеализируется. Он может состоять из продуктов питания, предметов личной гигиены, медицинских препаратов, запрещенных предметов и т. д. В рамках проведенного анкетирования сотрудников оперативных подразделений МВД и ФСИН России, которые участвовали в судебных заседаниях по ст. 210.1 УК РФ в качестве специалиста, установлено, что зачастую сторона защиты пытается перевести в правовую плоскость значение общака, отсылая его к понятиям посылки или передачи как законному праву осужденного. Необходимо подчеркнуть, что сущность общака заключается в предназначении его содержимого для лиц, нуждающихся в нем;

- не замысливать действий, способных причинить вред другому человеку, ради увеличения своих благ, а также не допускать ссор и иных враждебных действий на почве борьбы личных интересов в отношении лидеров преступной среды, не имея на это объективных причин и оснований;

- смотрящим, бродягам, положенцам и иным представителям иерархической лестницы запрещается совершать действия, направленные на привлечение к ответственности лиц, допустивших какие-либо проступки в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. При определении степени в произошедшем конфликте необходимо опросить обе стороны;

- каждый осужденный должен предпринимать все усилия для существования так называемой дороги. «Дорога» является кровеносной системой мест содержания под стражей, по которой доводятся какие-либо изменения воровского уклада, а также путем и каналом доставки запрещенных предметов, так называемых прогонов, маляв и т. д.;

- в случае противоправной деятельности сотрудников администрации учреждений УИС осужденные обязаны создавать так называемую бурю, то есть совершать акты членовредительства, объявлять массовые голодовки, причинять вред имуществу исправительных колоний и СИЗО и т. д.;

- при разрешении конфликтов не допускается причинение вреда здоровью, предполагается, что осужденный должен применять свои интеллектуальные способности;

- не допускается привлечение к строгой ответственности подозреваемых, обвиняемых и осужденных, не достигших возраста совершеннолетия, так как их поступки считаются неосознанными;

– во взаимоотношениях с сотрудниками администрации запрещается без обоснованной причины создавать конфликтные ситуации, необходимо стараться привлекать их к обеспечению комфортных условий жизнедеятельности осужденных;

– наиболее опытные осужденные, а также иные лидеры преступной среды обязаны доводить вышеуказанные правила до остальных лиц.

Атрибутивные свойства составляют основные понятия, используемые представителями рассматриваемого сообщества, которые включают в себя:

– «воровской закон» – совокупность норм и правил поведения лидеров преступной среды, регулирующий отношения между всеми участниками криминального сообщества;

– «воровская масть» – сообщество лиц, живущих по воровскому закону под руководством «воров в законе»;

– «воровская семья» – группа воров в законе, объединившихся по имеющимся взглядам, интересам, а также в некоторых случаях по сферам влияния;

– «сходка, сходняк» – собрание лидеров преступной среды на территории учреждения УИС по наиболее важным вопросам жизнедеятельности, которые включают в себя формирование общака, регулирование каналов поступления запрещенных предметов, разрешение возникших споров и конфликтных ситуаций, привлечение к ответственности лиц, допустивших проступок в соответствии с правилами, принятыми криминальным сообществом;

– «воровской наказ» – требование воровской сходки к лицам, содержащимся в учреждениях УИС, о выполнении старых или новых правил поведения;

– «воровской прогон» – письменное обращение воров в законе к лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы (заключения под стражу), которое касается доведения информации о «крещенных» или «раскоронованных» ворах в законе, «положенцах», к которым был сделан «воровской подход», оглашение «воровских наказов» о соблюдении старых и вновь принятых ворами в законе «понятий» и т. д.;

– «воровской ход» – наличие лидеров преступной среды на территории учреждения УИС, пропагандирующих и распространяющих требования «воровского уклада» среди основной массы осужденных, подозреваемых и обвиняемых, а также обеспечивающих их реализацию;

– «общак» – денежные знаки, ценные бумаги, иные материальные ценности, в том числе движимое и недвижимое имущество, наркотические средства и психотропные вещества, находящиеся в распоряжении данной организованной группы или преступного сообщества и используемые в целях ее жизнеобеспечения;

– «понятие» – одна из норм или правил, принятая воровской сходкой, в целях организации и поддержания преступного образа жизни лидеров преступной среды в местах лишения свободы и за их пределами;

– «разборка» – выяснение отношений, разрешение конфликтов как в местах лишения свободы, так и за их пределами, проводимое воров в законе, положенцем или иным уголовным авторитетом по правилам, предусмотренным «воровским укладом»;

– «спрос; спросить с человека» – одна из мер наказания в отношении провинившегося в рамках «воровского уклада», сопровождающаяся двумя ударами открытой ладонью по лицу, а также доведение данного факта до определенного круга лиц;

– «поставить на вид» – пристыдить перед группой лиц за совершенный проступок виновного лица.

Считаем важным указать, что некоторые из обозначенных характеристик абстрактно имеют вполне нейтральную коннотацию. В частности, наличие общака может рассматри-

ваться как удовлетворение потребности осужденного в продуктах питания и быта. Соответственно, сторона защиты, решая поставленные перед ней задачи, зачастую пытается обозначенные аспекты перевести в правовую плоскость. В то же время одной из задач органов предварительного расследования в соответствующем аспекте будет выступать необходимость контекстного толкования приведенных выше характеристик посредством производства процессуальных действий.

Подводя итог сказанному, следует заключить, что существующая характеристика криминальной субкультуры, предложенная в рамках научных изысканий уголовно-правового толка, безусловно, имеет определенное значение в правоприменительной практике. Однако актуальные запросы органов предварительного расследования, стороны защиты, суда объективно требуют более детальной их проработки и конкретизации. Предложенные в настоящей статье элементы характеристики являются производными комплексного анализа практической деятельности, отвечают существующим потребностям приведенных субъектов, а также, на наш взгляд, точно описывают криминальную субкультуру в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Денисович В. В. Криминологическое значение криминальной субкультуры // Вестник Челябинского Государственного Университета. 2014. № 20 (349). С. 62–65.
2. Лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии криминальной среды России как объект оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : учеб.-практ. пособие / А. В. Воронцов, А. А. Поздняков, С. Р. Бяшан и др. М., 2022. 75 с.
3. Билоус Е. Н., Кутякин С. А., Напханенко И. П. Антагонистический характер факторов, обуславливающих возникновение неформальных тюремных норм в среде осужденных к лишению свободы // Философия права. 2016. № 1. (74) С. 82–87.
4. Бабанина Д. В. Характеристика проявлений криминальной субкультуры // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2022. № 4 (58). С. 28–32.
5. Воронцов А. В. К вопросу о структуре криминальной среды России // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 2 (18). С. 119–122.
6. Барабанов Н. П. Криминальная субкультура осужденных в исправительных учреждениях: «воры в законе», «воровские группировки», лидеры уголовно-преступной среды, криминальные «авторитеты» // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 1 (19). С. 17–25.

REFERENCES

1. Denisovich V.V. Criminological significance of the criminal subculture. *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2014, no. 20 (349), pp. 62–65. (In Russ.).
2. Vorontsov A.V., Pozdnyakov A.A., Byashan S.R. et al. *Litsa, zanimayushchie vysshee polozhenie v prestupnoi ierarkhii kriminal'noi sredy Rossii kak ob"ekt operativno-rozysknoi deyatel'nosti organov vnutrennikh del: uchebno-prakticheskoe posobie* [Persons occupying the highest position in the criminal hierarchy of the criminal environment of Russia as an object of law enforcement intelligence of internal affairs bodies: educational and practical guide]. Moscow, 2022. 75 p.
3. Bilous E.N., Kutyakin S.A., Napkhanenko I.P. The antagonistic nature of the factors causing the emergence of informal prison norms among those sentenced to imprisonment. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2016, no. 1. (74), pp. 82–87. (In Russ.).
4. Babanina D.V. Characteristics of manifestations of criminal subculture. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 4 (58), pp. 28–32. (In Russ.).

5. Vorontsov A.V. On the structure of the criminal environment in Russia. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2011, no. 2 (18), pp. 119–122. (In Russ.).
6. Barabanov N.P. Criminal subculture of convicts in correctional institutions: “thieves in law”, “thieves’ groups”, leaders of the criminal environment, criminal “authorities”. *Ugolovno-ispolnitel’noe pravo = Penal Law*, 2015, no. 1 (19), pp. 17–25. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ РУМЯНЦЕВ – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, rumyantsevn.v@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0958-8539>

АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ РЫСЕВ – преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности Кузбасского института ФСИН России, Новокузнецк, Россия, alex_rysev@inbox.ru

NIKOLAI V. RUMYANTSEV – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Chief Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, rumyantsevn.v@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0958-8539>

ALEKSEI A. RYSEV – Lecturer at the Law Enforcement Intelligence Department of the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russia, alex_rysev@inbox.ru

Статья поступила 07.11.2024

Научная статья

УДК 343.825

doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.016

Социально полезные связи осужденных к лишению свободы как средство их исправления: проблемы и пути совершенствования

ЛЮДМИЛА ЛЕОНИДОВНА САНТАШОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, grachevaluda2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5416-1745>

ЕГОР ОЛЕГОВИЧ ЛАПЕНКОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, egorlapenkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8754-2264>

Аннотация. Исследование посвящено основным проблемам поддержания социально полезных связей осужденных к лишению свободы и направлениям их совершенствования. В статье анализируются нормы законодательства, точки зрения ученых на восстановление и укрепление социально полезных связей осужденных, предлагаются изменения в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: социально полезные связи осужденных; исправление осужденных; ресоциализация осужденных; воспитательные мероприятия.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Санташова Л. Л., Лапенков Е. О. Социально полезные связи осужденных к лишению свободы как средство их исправления: проблемы и пути совершенствования // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 4 (28). С. 136–142. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.016.

Original article

Socially Useful Ties of Persons Sentenced to Imprisonment as a Means of Their Correction: Problems and Ways of Improvement

LYUDMILA L. SANTASHOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, grachevaluda2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5416-1745>

EGOR O. LAPENKOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, egorlapenkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8754-2264>

Abstract. The study is devoted to key problems of maintaining socially useful relationships of those sentenced to imprisonment and directions for their improvement. The article analyzes legal norms and points of view of scientists on the restoration and strengthening of socially useful ties of convicts, and proposes amendments to the Penal Code of the Russian Federation.

Keywords: socially useful connections of convicts; correction of convicts; resocialization of convicts; educational activities.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Santashova L.L., Lapenkov E.O. Socially useful ties of persons sentenced to imprisonment as a means of their correction: problems and ways of improvement. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 4 (28), pp. 136–142. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.016.

Воспитательная работа с осужденными стала неотъемлемым атрибутом процесса исправления осужденных с принятием в 1997 г. Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ), что привнесло в деятельность пенитенциарных ведомств нашей страны ряд нововведений. Ученые, специалисты различных областей, представители законодательных органов, сотрудники учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, столкнулись с необходимостью поиска новых средств воздействия на осужденных с целью их исправления. Одним из таких средств стало поддержание социально полезных связей осужденных, которые стимулируют их исправление, способствуют ресоциализации и, как следствие, влияют на рецидив преступлений [1].

Первые инструменты реализации процесса исправления осужденных появляются в начале XX в. Так, 23 июля 1918 г. было принято Постановление Наркомюста РСФСР «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (временная Инструкция)», в котором в рамках поддержания социально полезных связей осужденных к лишению свободы предусматривался отпуск для заключенных на срок, не превышающий одного года, а также в случае смерти близкого родственника или по другим серьезным основаниям – не свыше двух недель. Юридически поддержание социально полезных связей в нормативных правовых актах не закреплялось, однако фактически связям заключенных с внешним миром, включая родственников, уделялось большое внимание, о чем свидетельствует вышеуказанное постановление. Кроме отпуска всем лицам, которым было назначено наказание в виде лишения свободы, в соответствии со ст. 25 инструкции полагались свидания с их близкими. В дальнейшем развитие социально полезных связей осужденных посредством совершенствования способов их реализации продолжилось, однако на сегодняшний день данных мер недостаточно.

Актуальность данной темы обусловливается задачами, закрепленными законодателем в Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года по созданию системы пробации, так как ее отсутствие приводит к потере социальных связей осужденных к лишению свободы, отсутствию социальных и профессиональных навыков, жилья, средств к существованию и, как следствие, влечет увеличение рецидивной преступности.

Кроме того, на основании Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15.11.2016 № 24-П «По делу о проверке конституционности п. “б” ч. 3 ст. 125 и ч. 3 ст. 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н. В. Королева и В. В. Королевой» о признании непредставления длительных свиданий осужденным к пожизненному лишению свободы в течение первых 10 лет отбывания наказания не соответствующим Конституции Российской Федерации были внесены изменения в уголовно-исполнительное законодательство [2]. В частности, Федеральным законом от 16.10.2017 № 292-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» были внесены изменения в ч. 3 ст. 125 УИК РФ, и осужденным к пожизненному лишению свободы было предоставлено право на длительное свидание с близкими родственниками.

Среди ключевых проблем современного института социальных связей следует выделить:

- 1) двойственный характер социальных связей осужденных (положительное и негативное влияние);
- 2) недостаточная эффективность работы, проводимой сотрудниками, по укреплению связей осужденных;
- 3) отсутствие родственников и, следовательно, альтернативных субъектов для поддержания социально полезных связей;
- 4) слабая законодательная регламентация социально полезных связей осужденных, под которой понимается отсутствие конкретизированных положений об эффективной организации мер по поддержанию социально полезных связей; наличие норм, закрепляющих дискриминацию осужденных по половому признаку; расхождения норм национального и международного законодательства; определенная противоречивость норм УИК РФ в отношении применяемых к осужденным средств восстановления и поддержания социально полезных связей и др.

Во-первых, следует оценивать социально полезные связи осужденных в двух проекциях: как фактор, способствующий исправлению и ресоциализации, и как фактор, способствующий криминализации.

В исправительном учреждении складывается особый круг общения, который подразумевает под собой криминальную среду, где преобладает пенитенциарная субкультура, поскольку на сегодняшний день в местах лишения свободы содержатся в большинстве своем лица, совершившие либо тяжкие или особо тяжкие деяния впервые, либо неоднократно совершившие преступления средней тяжести. Данное социальное явление известно давно, а попытки борьбы с ним на сегодняшний день не приводят к существенному результату.

Учитывая данное обстоятельство, следует согласиться с мнением Я. С. Роговенко, который указал, что изоляция сама по себе является одним из факторов стрессогенности, влияющих на изменения личности и, как следствие, на характер взаимоотношений в группе в условиях исправительного учреждения [3].

Важно отметить, что не только изоляция является источником стресса вновь прибывших осужденных, дополнительными факторами становятся необходимость приспособления к новым условиям, предъявляемым требованиям, правовому положению, изменение привычного образа жизни и т. д.

Все эти условия определяют процесс адаптации осужденного, которая происходит посредством общения с другими лицами, отбывающими уголовные наказания в местах лишения свободы. Но такое общение приводит к криминализации личности, изменению ценностных ориентиров.

Таким образом, первые связи осужденного в исправительных учреждениях имеют негативные последствия, поэтому в наибольшей степени возрастает роль сотрудников УИС, чья главная задача состоит в недопущении наступления негативных последствий посредством ориентирования осужденных на поддержание или восстановление социально полезных связей.

Сущность социально полезных связей осужденных к лишению свободы заключается в установлении или налаживании связей с родственниками, социальными службами, психологом и др. Их ключевое значение выступает противовесом негативному влиянию на личность, оказываемому в местах лишения свободы. Наше мнение подтверждает вывод Е. Г. Терешенко, который в своем исследовании отмечает: «без поддержания социально полезных связей исправительные учреждения становятся местом изоляции в среде, где повышается возможность приобретения, поддержания и развития социально негативных связей, распространения криминальных традиций» [1].

При должном внимании со стороны персонала исправительного учреждения, осужденные, поддерживающие социально полезные связи, в меньшей степени подвержены влиянию негативных факторов изоляции и криминальной субкультуры.

Таким образом, решение первой проблемы видится в необходимости проведения четкой, последовательной и планомерной работы сотрудников исправительного учреждения, начиная с первого дня прибытия осужденного. При этом работа должна осуществляться не формально, а с полной отдачей, для недопущения криминального заражения личности и ориентации спецконтингента на общение с близкими, поддержание привычного для них общения, положительное поведение и исправление. Ответственность за выполнение указанных условий в таком случае полностью возлагается на сотрудников ведомства, осуществляющих непосредственную работу с осужденным, а именно на начальника отряда, специалиста группы социальной защиты и психолога.

Вторая проблема, на первый взгляд, коррелирует с первой, однако в данном случае речь идет уже о работе, проводимой на постоянной основе, на длительном этапе отбывания наказания. Ярким примером слабой эффективности работы является нежелание сотрудников заниматься восстановлением и укреплением связей осужденных с родственниками и другими субъектами потенциального положительного общения. Зачастую формально проводимые воспитательные мероприятия не формируют необходимой мотивации у лиц, отбывающих наказание, к поддержанию связей.

Решение данной проблемы, как и в случае с первой, видится в усилении контроля за воспитательной работой, проводимой со стороны администрации мест лишения свободы с осужденными.

Третья проблема заключается в неосведомленности спецконтингента об иных возможностях установления положительных связей, кроме родственников. Основным направлением преодоления этой проблемы выступает усиление пропагандистской деятельности со стороны администрации пенитенциарного учреждения, а также необходимость вовлечения в работу по ресоциализации осужденных большего количества общественных и волонтерских организаций. Эффективность вовлечения спецконтингента в данные сферы жизни уже отмечается рядом практических и научных деятелей. Так, например, Т. В. Кириллова указывает: «участие осужденных в добровольческих акциях положительно влияет не только на организацию полезной занятости, на установление и поддержание социально полезных связей, но и на исправление осужденных в период отбывания наказания и их успешную ресоциализацию после освобождения» [4].

Последняя проблема является наиболее глобальной и требует больших изменений. Законодательная регламентация всех отраслей жизни общества регулярно подвергается изменениям и требует своевременного и полного редактирования в силу прогрессирующего социума. Уголовно-исполнительное законодательство не является исключением.

Существующая система средств и способов организации социально полезных связей осужденных к лишению свободы изменяется, но, на наш взгляд, недостаточно эффективно. Имеются расхождения норм международного и национального законодательства, правовые пробелы, дискриминация в отношении некоторых применяемых мер и в целом недостаточный уровень эффективности тех средств, которые призваны обеспечивать необходимый уровень поддержания социально полезных связей осужденных.

Основные положения в российском законодательстве указаны в УИК РФ, Федеральном законе от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», ряде ведомственных приказов. УИК РФ перечисляет основные способы и возможности для общения осужденных с внешним миром, к которым относит: право на переписку, свидания, телефонные и видеозвонки, получение посылок, передач, бандеролей, выезды за пределы учреждения.

Согласно эмпирическим данным диссертационного исследования А. А. Еремеевой, основными способами поддержания социально полезных связей осужденных являются: телефонные разговоры (94 %); краткосрочные и длительные свидания (76 %), посылки, передачи, бандероли, денежные переводы (64 %). По сведениям А. А. Еремеевой, специалисты группы социальной работы с осужденными исправительного учреждения отмечают следующие мотивы поддержания осужденными социально полезных связей: развлечение во время отбывания наказания (40 %), получение материальной, финансовой и морально-психологической поддержки (60 %), корысть как мотив отношений субъекта (10 %), реализация в роли матери/отца, жены/мужа, дочери/сына (20 %), сохранение доверительных и близких отношений с членами семьи (20 %), уважение к семье и ощущение связи с родными (20 %), жажда получения новой информации, стремление быть в курсе событий (40 %), половое влечение (60 %) [5].

Кроме того, считаем необходимым внесение изменений в уголовно-исполнительное законодательство, в частности положений о предоставлении выезда за пределы учреждения осужденным, имеющим несовершеннолетних детей в возрасте до 14 лет, в котором содержится половая дискриминация. На данный момент норма сформулирована следующим образом:

«2.1. Осужденным женщинам, имеющим вне исправительной колонии несовершеннолетнего ребенка-инвалида, а также осужденным мужчинам, имеющим несовершеннолетнего ребенка-инвалида и являющимся единственным родителем, могут быть разрешены четыре выезда в год для свидания с ребенком на срок до 15 суток каждое, не считая времени, необходимого для проезда туда и обратно.

2.2. Осужденным женщинам, имеющим вне исправительной колонии ребенка в возрасте до 14 лет, а также осужденным мужчинам, имеющим ребенка в возрасте до 14 лет и являющимся единственным родителем, могут быть разрешены два выезда в год для свидания с ребенком на срок до 10 суток каждое, не считая времени, необходимого для проезда туда и обратно».

Мы же предлагаем внести изменения в ст. 97 УИК РФ и изложить ее в следующей редакции:

«2.1. Осужденным, имеющим вне исправительной колонии несовершеннолетнего ребенка-инвалида, могут быть разрешены четыре выезда в год для свидания с ребенком на срок до 15 суток каждое, не считая времени, необходимого для проезда туда и обратно.

2.2. Осужденным, имеющим вне исправительной колонии ребенка в возрасте до 14 лет, могут быть разрешены два выезда в год для свидания с ребенком на срок до 10 суток каждое, не считая времени, необходимого для проезда туда и обратно».

Данная мера позволит избежать дискриминации и судебных споров, а также позволит укрепить социально полезные связи в равной степени осужденных мужчин и женщин с детьми.

Подводя итог, следует отметить, что данное исследование посвящено ключевым проблемам поддержания социально полезных связей осужденных к лишению свободы и не затрагивает других немаловажных аспектов. Основными проблемами реализации социально полезных связей осужденных выступают: слабая мотивация у осужденных поддерживать социально полезные связи с родственниками; отсутствие желания у родственников поддерживать связи со спецконтингентом, поддерживающим криминальную субкультуру; нежелание сотрудников заниматься восстановлением и укреплением связей осужденных с родственниками и другими субъектами потенциального положительного общения; некомплект сотрудников воспитательного отдела с осужденными и отдела социальной защиты и учета трудового стажа осужденных исправительного учреждения.

Основными направлениями совершенствования и развития социально полезных связей являются: увеличение количества свиданий с родственниками, предоставление дополнительных свиданий осужденным с детьми с правом проживания за пределами исправительного учреждения; увеличение количества видеосвиданий и видеозвонков; создание дополнительных стимулов и привилегий для осужденных, поддерживающих социально полезные связи; вовлечение в работу по ресоциализации осужденных общественных и волонтерских организаций, что позволит существенно укрепить общение лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, с внешним миром и, как следствие, приведет к повышению показателей их ресоциализации и социальной адаптации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Терешенко Е. Г. Поддержание социально полезных связей осужденных как необходимый элемент эффективного исполнения наказания в виде лишения свободы // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2021. № 2 (42). С. 150–155.
2. По делу о проверке конституционности п. «б» части 3 ст. 125 и ч. 3 ст. 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н. В. Королева и В. В. Королевой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.11.2016 года № 24-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 48 (ч. III). Ст. 6839.
3. Роговенко Я. С. Изоляция мест лишения свободы как фактор развития деструктивных форм поведения осужденных в исправительных колониях // Молодой ученый. 2018. № 50 (236). С. 472–474.
4. Кириллова Т. В. Организация добровольческого движения как фактор, способствующий ресоциализации осужденных // Антропология. 2023. № 1 (9). С. 14–19.
5. Еремеева А. А. Пенитенциарная социальная работа по восстановлению, поддержанию и укреплению социальных связей осужденных : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2022. 34 с.

REFERENCES

1. Tereshenko E.G. Maintaining socially useful connections of convicts as a necessary element of effective execution of punishment in the form of imprisonment. *Vestnik Akademii MVD*

Respubliki Belarus' = Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2021, no. 2 (42), pp. 150–155. (In Russ.).

2. In the case of checking the constitutionality of paragraph “b” of Part 3 of Article 125 and Part 3 of Article 127 of the Penal Code of the Russian Federation in connection with the request of the Vologda Regional Court and the complaint of citizens N.V. Korolev and V.V. Koroleva: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 24-P of November 15, 2016. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2016. No. 48 (Part III). Art. 6,839. (In Russ.).

3. Rogovenko Ya.S. Isolation of places of deprivation of liberty as a factor in the development of destructive forms of behavior of convicts in correctional colonies. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2018, no. 50 (236), pp. 472–474.

4. Kirillova T.V. Organization of the volunteer movement as a factor contributing to the re-socialization of convicts. *Antropogogika*, 2023, no. 1 (9), pp. 14–19. (In Russ.).

5. Eremeeva A.A. *Penitentsiarnaya sotsial'naya rabota po vosstanovleniyu, podderzhaniyu i ukrepleniyu sotsial'nykh svyazei osuzhdennykh: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Penitentiary social work for the restoration, maintenance and strengthening of social ties of convicts: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Nizhny Novgorod, 2022. 34 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЛЮДМИЛА ЛЕОНИДОВНА САНТАШОВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, grachevaluda2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5416-1745>

ЕГОР ОЛЕГОВИЧ ЛАПЕНКОВ – курсант 5 курса юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, egorlapenkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8754-2264>

LYUDMILA L. SANTASHOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, grachevaluda2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5416-1745>

EGOR O. LAPENKOV – 5th year cadet at the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, egorlapenkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8754-2264>

Статья поступила 18.04.2024

Научная статья

УДК 343.1

doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.017

Совершенствование уголовно-процессуального законодательства в сфере полномочий прокурора на досудебных стадиях

ОКСАНА ВЛАДИМИРОВНА САРАТОВА

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, Воронеж, Россия, saratovaov@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5405-0452>

НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА ВЛАСОВА

Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия, itakan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3395-1796>

Аннотация. В статье рассматривается ряд проблемных моментов, которые возникают при реализации полномочий прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Анализируются точки зрения авторитетных ученых и предлагается ряд дополнений в действующее отечественное законодательство.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство; полномочия прокурора; досудебная стадия; возбуждение уголовного дела; компетенция прокурора.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Саратова О. В., Власова Н. А. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства в сфере полномочий прокурора на досудебных стадиях // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 4 (28). С. 143–148. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.017.

Original article

Improving Criminal Procedure Legislation in the Sphere of the Prosecutor's Powers at Pre-Trial Stages

OXSANA V. SARATOVA

Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, saratovaov@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5405-0452>

NATAL'YA A. VLASOVA

National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation,
Moscow, Russia, itakan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3395-1796>

Abstract. The article considers a number of problematic issues that arise when exercising the prosecutor's powers at the pre-trial stage of criminal proceedings. The points of view of reputable scientists are analyzed and a number of additions to the current domestic legislation are proposed.

Key words: criminal procedure legislation; the prosecutor's powers; pre-trial stage; initiation of a criminal case; competence of the prosecutor.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Saratova O.V., Vlasova N.A. Improving criminal procedure legislation in the sphere of the prosecutor's powers at pre-trial stages. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 4 (28), pp. 143–148. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.017.

Уголовное судопроизводство является одной из сложных сфер в соблюдении прав и свобод человека. Прокурорский надзор – особая форма контроля за соблюдением законности на территории России, особенно на стадии возбуждения уголовного дела.

Одна из проблем заключается в отсутствии у прокурора многих инструментов прокурорского надзора за органами предварительного расследования. В результате повсеместно наблюдается рассогласованность, отсутствие единообразия правоприменения, понимания, как поступать прокурору и следователю. К сожалению, в 2007 г. прокурор был лишен части эффективных надзорных полномочий, в том числе по возбуждению уголовного дела. Это повлекло большое количество нарушений прав граждан на первоначальной стадии уголовного судопроизводства.

Как показывает практика, именно на этой стадии органы следствия и дознания чаще всего нарушают нормы УПК РФ. Выражается это в незаконном возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела, встречаются случаи сознательного затягивания процессуальных сроков рассмотрения сообщений о преступлениях, что нарушает право граждан на доступ к правосудию. Например, по данным, содержащимся в сводных отчетах МВД России «О состоянии преступности и результатах расследования преступлений за 2021, 2022, 2023 гг., в 2021 г. в России прокурорами было отменено 130 741 постановление о возбуждении уголовного дела; в 2022 г. – 131 246, в 2023 г. – 139 654. Таким образом, прослеживается хоть и небольшой, но рост незаконно возбужденных уголовных дел. Это, на наш взгляд, свидетельствует о необходимости усиления прокурорского надзора на стадии рассмотрения и разрешения сообщений о преступлении.

Ослаблению правового статуса прокурора в определенной степени способствовал также раздел прокуратуры и следственных органов.

Важно отметить, что за время существования прокурорского надзора в сфере уголовного судопроизводства сложилась определенная законодательная практика, анализ которой свидетельствует, что уголовно-процессуальные нормы все еще нуждаются в совершенствовании.

В связи с этим законодатель регулярно обращается к вопросу о статусе прокурора в досудебном производстве и наделяет его надзорными и процессуальными полномочиями, которые были у прокурора ранее.

Так, Федеральным законом от 02.12.2008 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» ст. 37 УПК РФ была дополнена ч. 2.1, в соответствии с которой прокурору по мотивированному запросу предоставлена возможность ознакомления с материалами уголовного дела, находящегося в производстве следователя. Федеральный закон от 28.12.2010 № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» возвратил прокурору право истребования и проверки законности и обоснованности решений следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, приостановлении предварительного расследования и прекращении уголовного дела.

Федеральный закон от 27.12.2019 № 499-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» восстановил право прокурора требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Наделение прокурора перечисленными полномочиями свидетельствует о том, что существовавшие с 2007 г. соответствующие правовые нормы были необдуманными и, на наш взгляд, необоснованными.

Одновременно с лишением прокурора права самостоятельно возбуждать уголовное дело законодатель наделил его правом в случае выявления нарушений уголовного законодательства выносить обоснованное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (п. 2 ч. 1 ст. 37 УПК РФ). При этом прокурор не может давать никаких указаний органу расследования, а лишь направляет постановление и материалы.

Представляется, что такое решение является компромиссным, половинчатым и неэффективным, поскольку увеличивается время реагирования на принятие законного решения, и, кроме того, следователь не обязан выполнять постановление прокурора. Разумеется, это отрицательно сказывается на результативности прокурорского надзора за соблюдением законов.

Гораздо рациональнее в случае выявления признаков преступления предоставить прокурору право самостоятельно возбудить уголовное дело с последующей передачей его следователю. Однако мнения ученых по данной проблеме разнятся, в связи с чем этот вопрос открыт и активно обсуждается.

Один из ведущих российских ученых XIX в. Д. Г. Тальберг писал: «Сущность обязанностей прокуратуры, по словам составителей Судебных Уставов, заключается в охране силы закона, обнаружении всяких нарушений законного порядка и требовании распоряжений по восстановлению одного. Отсюда – охранение закона, по мысли законодателя, составляет основную, исторически выработанную задачу прокуратуры, преобладающую во всех ее действиях... повсюду прокурор является, прежде всего, блюстителем закона и общественных интересов» [1, с. 292]. В связи с этим ст. 297 Устава уголовного судопроизводства наделяла прокурора правом возбуждать уголовные дела и требовать начала следствия.

Не был лишен прокурор этого права и в советский период. Так, в соответствии со ст. 22 УПК РСФСР 1922 г. органы прокуратуры были обязаны возбуждать уголовное преследование в связи с любым совершившимся и подлежащем наказанию преступлением. Согласно ст. 101 УПК РСФСР «прокурор вправе знакомиться с актами предварительного следствия

и давать указания следователю о направлении и дополнении следствия». При этом указания прокурора являлись обязательными для следователя (ст. 121 УПК РСФСР).

Статья 3 УПК РСФСР 1960 г. также наделяла прокурора правом возбуждать уголовное дело. Кроме того, прокурор осуществлял надзор за законностью возбуждения уголовного дела. Если дело было возбуждено следователем без законных поводов и оснований, прокурор мог отменить его постановление и отказать в возбуждении либо прекратить дело, если по нему были произведены следственные действия. «В случае неосновательности отказа в возбуждении дела прокурор своим постановлением отменяет состоявшееся об этом постановление следователя или органа дознания и возбуждает дело» (ст. 116 УПК РСФСР).

УПК РФ 2001 г. в первоначальной редакции сохранял за прокурором обширные процессуальные полномочия в досудебных стадиях: он контролировал возбуждение уголовного дела, участвовал в предварительном расследовании, осуществлял производство отдельных следственных действий по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя, выполнял другие надзорные и процессуальные полномочия. К сожалению, так продолжалось недолго – до 2007 г.

Многие процессуалисты полагают, что усечение надзорных полномочий прокурора по возбуждению уголовного дела является комплексной ошибкой, не согласующейся не только с мировой законодательной и правоприменительной практикой, но и вековым российским опытом [2].

В соответствии с ч. 1 ст. 21, ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор от имени государства осуществляет уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. Реализация этих функций подразумевает возможность принимать решение о возбуждении уголовного дела. Содержащаяся в п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ норма, бесспорно, не является равноценной заменой права прокурора возбудить уголовное дело при выявлении нарушения закона.

Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации С. П. Зайцев на основе анализа практики большого количества безосновательных отказов в возбуждении уголовного дела следователями Следственного комитета Российской Федерации убедительно доказал, что предоставление права прокурору отменять незаконное постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, а также возбуждать уголовное дело может стать гарантией прав потерпевших на судебную защиту и доступ к правосудию [3].

А. П. Кругликов подчеркивает, что восстановление утраченных прокурором полномочий будет содействовать усилению результативности прокурорского надзора за деятельностью органов расследования [4, с. 30].

В. Н. Григорьев считает, что правильным решением было бы предоставление возможности прокурору выносить постановление о возбуждении уголовного дела и осуществлять уголовное преследование. Ученый полагает, что данное право способствовало бы повышению эффективности работы прокурорского надзора и органов следствия и дознания [5, с. 47].

По мнению В. М. Быкова, введение в ч. 1 ст. 140 УПК РФ пункта 4 «крайне спорно... и абсурдно, поскольку ставится под большой вопрос эффективность деятельности прокурорского надзора в целом» [6, с. 49]. Соглашаясь с такой позицией, необходимо добавить, что не ясно на каком основании иные органы (например, указанные в п. 1.3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ), не наделенные правом прокурорского надзора и полномочиями органа расследования, могут устанавливать основание для возбуждения уголовного дела.

Таким образом, лишение прокурора возможности возбуждать уголовное дело – это труднообъяснимая ошибка, которая ведет к многочисленным нарушениям закона на практике. Присоединяясь к мнению авторитетных ученых, следует признать, что целесообразно вернуть прокурору право возбуждать уголовное дело в случае установления им повода и основания, предусмотренных ст. 140 УПК РФ.

Полагаем, что соответствующие изменения необходимо внести в ст. 37 УПК РФ, в п. 3 ч. 1 ст. 140, а также в ч. 6 ст. 148 УПК РФ:

- в ст. 37 УПК РФ должно быть закреплено право прокурора при наличии повода и основания, предусмотренного ст. 140 УПК РФ, возбуждать уголовное дело и направлять его для производства предварительного следствия или дознания;

- из ч. 1 ст. 140 УПК РФ необходимо исключить п. 4;

- в ч. 6 ст. 148 УПК РФ необходимо закрепить, что, признав незаконность или необоснованность отказа в возбуждении уголовного дела, прокурор отменяет соответствующее постановление руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, дознавателя и возбуждает уголовное дело либо направляет материалы руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для дополнительной проверки со своими указаниями, установив срок их исполнения.

Изучение практики показало, что нередки случаи непризнания лиц, пострадавших от преступления, потерпевшими. Это ведет к нарушению их законных прав и интересов. Думается, в целях своевременной защиты таких лиц и организаций, следует наделить прокурора правом признавать потерпевшими указанных участников процесса в случае бездействия следственных органов.

Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 12.07.2010 № 276 «Об организации прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» возлагает на прокуроров обязанность по соблюдению разумных сроков уголовного судопроизводства. Тем не менее следователи до сих пор допускают волокиту и затягивают как сроки проверки сообщения о преступлении, так и сроки предварительного расследования.

В связи с этим, на наш взгляд, было бы целесообразно наделить прокурора возможностью регулировать сроки производства следственных и иных процессуальных действий, а также принимать решения, влияющие на затягивание досудебного производства. Например, закрепить за прокурором право давать указания начальнику органа расследования или начальнику органа дознания об устранении нарушения закона при приостановлении производства по уголовному делу или при прекращении уголовного дела. В случае невыполнения таких указаний не позднее 14 дней с момента обнаружения незаконного или необоснованного постановления о приостановлении (ч. 11 ст. 211 УПК РФ) или прекращении (ч. 1 ст. 214 УПК РФ) уголовного дела отменять их и возобновлять производство с установлением срока для проведения дополнительного расследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство : пособие к лекциям. Киев, 1889. Т. 1. 318 с.
2. Халиулин А. Г. Правовое регулирование досудебного производства по уголовным делам нуждается в исправлении системных ошибок // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 11. С. 3–8.

3. Зайцев С. П. Актуальные проблемы защиты прав граждан в уголовном судопроизводстве // Законность: ежемесячный правовой научно-практический журнал. 2012. № 8. С. 3–6.
4. Кругликов А. П. Проблемы уголовно-процессуальных отношений прокурора со следователем и руководителем следственного органа // Российская юстиция. 2018. № 10. С. 28–31.
5. Григорьев В. Н. Постановление прокурора – новый повод для возбуждения уголовного дела? // Законность. 2019. № 8. С. 45–47.
6. Быков В. М. Права прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2018. № 4. С. 49–53.

REFERENCES

1. Tal'berg D.G. *Russkoe ugovnoe sudoproizvodstvo: posobie k lektsiyam. T. 1* [Russian criminal justice: manual. Volume 1]. Kiev, 1889. 318 p.
2. Khaliulin A.G. Legal regulation of pre-trial proceedings in criminal cases needs correction of systemic errors. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2008, no. 11, pp. 3–8. (In Russ.).
3. Zaitsev S.P. Actual problems of protecting the rights of citizens in criminal proceedings. *Zakonnost': ezhemesyachnyi pravovoi nauchno-prakticheskii zhurnal = Legality: Monthly Legal Scientific and Practical Journal*, 2012, no. 8, pp. 3–6. (In Russ.).
4. Kruglikov A.P. Problems of criminal procedural relations of the prosecutor with the investigator and the head of the investigative body. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2018, no. 10, pp. 28–31. (In Russ.).
5. Grigor'ev V.N. Is the prosecutor's decision a new reason to initiate a criminal case? *Zakonnost' = Legality*, 2019, no. 8, pp. 45–47. (In Russ.).
6. Bykov V.M. The rights of the prosecutor at the stage of initiation of a criminal case. *Zakonnost' = Legality*, 2018, no. 4, pp. 49–53. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ОКСАНА ВЛАДИМИРОВНА САРАТОВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, Воронеж, Россия, saratovaov@rambler.ru

НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА ВЛАСОВА – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, Москва, Россия, itakan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3395-1796>

OKSANA V. SARATOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Criminal Procedure Law of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russia, saratovaov@rambler.ru

NATAL'YA A. VLASOVA – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, itakan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3395-1796>

Статья поступила 14.03.2024

Научная статья

УДК 343

doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.018

Социальная обусловленность уголовной ответственности за совершение мошенничества с использованием электронных средств платежа

ДАРЬЯ ВЛАДИМИРОВНА САФОНОВА

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Россия, dasha.safonova@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются наиболее часто встречающиеся в юридической литературе критерии социальной обусловленности нормативных предписаний в части установления уголовной ответственности за совершение мошенничества с использованием электронных средств платежа. Обосновывается социальная необходимость данной ответственности и делается вывод о нецелесообразности борьбы с таким проявлением мошенничества, например, административными или гражданско-правовыми средствами.

Ключевые слова: социальная обусловленность; уголовная ответственность; криминализация; причина; уголовно-нормативное предписание; общеуголовные преступления; криминализация; декриминализация; мошенничество; мошенничество с использованием электронных средств платежа.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Сафонова Д. В. Социальная обусловленность уголовной ответственности за совершение мошенничества с использованием электронных средств платежа // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 4 (28). С. 149–156. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.018.

Original article

Social Conditionality of Criminal Liability for Committing Fraud Using Electronic Means of Payment

DAR'YA V. SAFONOVA

Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol, Russia, dasha.safonova@mail.ru

Abstract. The article analyzes criteria of social conditionality of normative prescriptions most often found in the legal literature in terms of establishing criminal liability for fraud using electronic means of payment. The author substantiates social necessity of this liability and makes a conclusion about the inexpediency of combating such a manifestation of fraud, for example, by administrative or civil law means.

Key words: social conditionality; criminal liability; criminalization; reason; criminal and regulatory prescription; common crimes; criminalization; decriminalization; fraud; fraud using electronic means of payment.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Safonova D.V. Social conditionality of criminal liability for committing fraud using electronic means of payment. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 4 (28), pp. 149–156. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.018.

Неотъемлемой частью нашей жизни сегодня являются информационные технологии. К положительным достижениям современного мира следует отнести электронные средства платежа, благодаря которым обеспечивается скорость разнообразных онлайн-операций: оплаты товаров и услуг, получение заработной платы и т. д. С развитием общества совершенствуется не только законодательство, но и способы совершения тех или иных преступлений. Не является исключением и мошенничество. Благодаря компьютеризации электронных средств платежей развиваются и новые виды, способы совершения хищения путем мошенничества, поэтому данная тема не перестает быть актуальной. Необходимо отметить, что в юридической литературе существует множество публикаций, которые связаны с электронными средствами платежа, однако многие вопросы остаются малоизученными, в частности уголовно-правовая характеристика признаков социальной обусловленности мошенничества с использованием электронных средств платежа.

Согласно толковому словарю русского языка С. И. Ожегова, слово «социальный» означает общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе [1, с. 985], а «обусловленность» – основание (причину) возникновения, вызова, чего-нибудь [1, с. 559].

В социологии категория «социальная обусловленность» рассматривается в двух смыслах: в узком и широком. По мнению П. С. Тоболкина, первый подход связан с понятием основания социальной формы движения, а именно причиной возникновения разнообразных процессов, которые протекают в обществе по законам естественной природы, конкретно в данном случае представлено сопоставление общества и его биологической сущности, второй – связывается с последствиями (следствием) взаимодействия индивидов, социальных групп, классов [2, с. 7].

В философии понятие «социальная обусловленность» прямо не раскрывается. Тем не менее «причина», «условие» и «следствие» («последствие»), несомненно, являются философскими категориями и образуют одну из форм всеобщей связи явлений. Производимое причиной следствие зависит от условий, в результате которых одна и та же причина при разных условиях вызывает неодинаковые последствия [3, с. 800].

Вышеизложенное позволяет утверждать, что под социальной обусловленностью необходимо понимать вытекающее из поведения людей, отношений между ними в обществе основание (причина) возникновения (создания) чего-либо.

В отношении социальной обусловленности уголовно-правового положения и уголовной ответственности доктриной уголовного права и действующим законодательством России определено, что последняя наступает за нарушение уголовного закона. Законодатель, устанавливая в конкретном уголовно-правовом положении соответствующий запрет, тем самым признает такое деяние преступлением.

В практике отечественного конституционного нормоконтроля отмечается, что «закрепление в законе уголовно-правовых запретов и санкций за их нарушение не может быть

произвольным» [4, с. 7]. По мнению многих ученых, в частности В. П. Бодаевского и Е. А. Соловьева, данная правовая позиция основывается на том, что закрепление в уголовно-правовом положении запрета того или иного деяния должно быть следствием объективной необходимости, вытекающей из потребности общества в уголовно-правовой охране наиболее важных общественных отношений, и может быть эффективным, пока такая необходимость сохраняется [5, с. 22].

Общепризнан тот факт, что законодатель, вводя то или иное деяние в ранг преступления, не руководствуется какими-то личными субъективными критериями, хотя это тоже иногда присутствует. В юридической науке при возникновении вопроса о социальной обусловленности правовой нормы принято говорить об определении критериев криминализации или декриминализации того или иного деяния, то есть социальной обусловленности уголовно-правового запрета [6, с. 3]. Многие из отечественных специалистов в указанной сфере говорят, что криминализация/декриминализация как составляющие процесса правотворчества должны быть объективно необходимы, а также адекватно отражать не только соответствующий спектр существующих угроз, но и потребность личности и государства в обеспечении безопасности [7, с. 20]. Как справедливо отметил А. И. Чучаев, наука уголовного права наряду с другими задачами призвана определять социальную обусловленность уголовно-правовых положений и их эффективность [8, с. 28]. Соответственно, криминализация/декриминализация происходят на основании определенных критериев.

Как известно, в теории уголовного права существует множество подходов к понятию, видам, количеству критериев, которые должен учитывать законодатель в том числе и при криминализации или декриминализации преступлений. Поэтому, учитывая ограниченный объем данного исследования, не будем вступать в полемику, а ограничимся наиболее известными и часто упоминаемыми и обоснованными, на наш взгляд, критериями. К таким, в частности, относятся критерии, разработанные Российской академией наук, поскольку данные критерии повсеместно признаются доктриной уголовного права [5, с. 23].

Рассмотрим данные критерии относительно уголовной ответственности за мошенничество с использованием электронных средств платежа.

По нашему мнению, наиболее важным критерием криминализации является уровень общественной опасности: причинении существенного вреда общественным отношениям, которые возникают в связи с правом собственника владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом. Распространенность мошенничества с использованием электронных средств платежа происходит благодаря возможности применения одной схемы преступления для хищения, в том числе дистанционно, или в условиях сокрытия личности преступника, безналичных и электронных денежных средств разных людей.

Прежде всего, это проявляется в массовости данных преступлений, которые происходят в последнее время. Таким образом, критерий уровня общественной опасности сочетается с таким критерием, как относительная распространенность. Поэтому мы будем рассматривать их в комплексе. В частности, по данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2020 г. зарегистрировано 25 820 мошенничеств с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) [9, с. 1], в 2021 г. – 10 258 [10], в 2022 г. – 6757 [11]. Это свидетельствует об их относительной распространенности, даже при незначительном уменьшении количества зарегистрированных преступлений, предусмотренных рассматриваемой статьей. Снижение показателей можно объяснить изменениями правил квалификации, которые произошли во второй половине 2021 г. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что если в дальнейшем не будут произведены изменения в за-

конодательстве подобного характера, данные показатели либо не увеличатся, либо значительно снизятся. Несмотря на это, криминализации подлежат преступления, которые не только являются общественно опасными, но и не единичными. Следует отметить, что они имеют массовое проявление. Допустим, совершено какое-то деяние в объективной действительности, которое один раз произошло, и больше не совершится в дальнейшем, то основание его криминализировать отсутствует, так как криминализации подлежат именно общественно опасные деяния, которые имеют тенденцию к периодическому повторению. Проанализировав статистику ФинЦЕРТа Банка России, следует отметить в 2022 г. прирост на 4,29 % операций, совершаемых без согласия клиентов, по сравнению с предыдущим годом. Это произошло благодаря активному развитию новых дистанционных платежных сервисов, а также увеличению объема денежных переводов, которые были совершены с помощью электронных средств платежа (+39 %, до 1458,6 трлн руб.) [12].

Данные цифры отображают то, насколько прочно операции с использованием электронных средств платежа проникли в нашу жизнь, но в то же время, как активно появляются новые способы совершения мошенничества, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ. Поэтому актуальность охраны общественных отношений, связанных с использованием электронных средств платежа, наглядно растет с каждым годом. Как следствие, законодательство, регулирующее обозначенные вопросы, естественно, нуждается в преобразовании и изменении в соответствии с развитием общества.

Далее необходимо рассмотреть политические и социальные критерии криминализации и декриминализации, то есть вопросы, связанные с политическими и социально-экономическими факторами необходимости создания данных норм.

В настоящее время государство стремится убрать бумажные деньги из оборота, создает максимально комфортные условия для поэтапного централизованного перехода на безналичный расчет. Планово центральные банки во всем мире предусматривают возможность создания новой формы фиатных денег (в такой денежной системе безналичные деньги создаются банками для покупки активов или выдачи кредитов) Банк России в данный период активно разрабатывает платформу цифрового рубля [13, с. 2].

Безусловно, различные банковские приложения для оплаты всевозможных операций, оплата в магазинах бесконтактным способом, оплата в Интернете товаров и услуг с помощью банковской карты упрощают жизнь человеку, делая его мобильным. Но в то же время данные преимущества современной жизни делают нас уязвимыми для мошенников, поэтому необходимость в охране таких отношений очевидна.

Невозможно не согласиться с тем, что современные платежные механизмы отличаются своей скоростью получения финансов и максимальным удобством, высокой степенью комфорта и надежности, что, несомненно, позволило им без труда стать нормой повседневной жизни каждого гражданина. От действующей в стране платежной системы во многом зависит эффективность функционирования финансовых рынков и банковского сектора экономики [14, с. 42].

В связи с переходом банковской деятельности к расчетам посредством использования информационных технологий появились новые способы совершения мошенничества. Невозможно не отметить тот факт, что большинством граждан исполнение банковских операций осуществляется именно путем удаленного доступа к своим счетам. Безусловно, это упрощает жизнь, но и одновременно приводит к потере денежных средств гражданами и организациями, поскольку преступник, используя различные технические средства, нахо-

дится в анонимном статусе при совершении мошеннических действий с банковскими картами и счетами.

Следующим критерием криминализации следует рассматривать экономический фактор. Мошенничество с использованием электронных средств платежа посягает на нормальное функционирование финансово-кредитной системы страны, формируя таким образом недоверие граждан к существующим инструментам защиты права собственности и финансовых активов. Кроме этого, данные мошеннические действия препятствуют развитию экономики страны. Интегрирование мошеннических схем в существующие финансово-кредитные механизмы, происходит для того, чтобы сформировать высокий уровень доверия среди потерпевших и в дальнейшем воспользоваться им для совершения обмана [15, с. 297].

Проанализировав данные Центрального банка Российской Федерации, в подтверждение вышесказанного можно привести следующие цифры: в 2022 г. клиенты банков (физические лица) сообщили о 515,88 тыс. операций, совершенных без их согласия для оплаты услуг и товаров в Интернете. Сумма хищений у клиентов банка (физических лиц) составила 2550,54 млн руб. Системы дистанционного банковского обслуживания для физических лиц также становились мишенью мошенников более 226,79 тыс. раз, сумма хищений превысила 9237,51 млн руб. [12].

Приведенные статистические данные подтверждают необходимость борьбы за экономическое благосостояние общества.

Социальный критерий криминализации, в том числе в виде мошенничества с использованием электронных средств платежа, заключается в том, что любое такое действие всегда связано с изъятием у людей имущества, что приводит к снижению уровня благосостояния и возникновению недоверия со стороны общества к платежным системам, а следовательно, и к государству.

Также необходимым критерием включения новых уголовно-правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за то или иное преступление, является недостаточное урегулирование общественных отношений другими отраслями права. Установление уголовной ответственности возможно только при отсутствии других норм, достаточно эффективно регулирующих определенные общественные отношения. То есть для криминализации деяния необходимо установить, что другими мерами (кроме уголовно-правовых) борьба с ними невозможна.

Не всегда гражданское законодательство в силах бороться с отдельными наиболее опасными проявлениями преступного поведения, в связи с чем устанавливается уголовная ответственность, как в случае мошенничества с использованием электронных средств платежа, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ. Мы можем говорить о том, что норма о мошенничестве с использованием электронных средств платежа призвана обеспечивать помимо охраны собственности также и нормальную деятельность банков и иных кредитных организаций, связанную с беспрепятственным доступом клиентов к своим денежным средствам в необходимый момент [16].

Борьба с данным проявлением мошенничества уголовно-правовым способом является необходимой и целесообразной, о чем свидетельствуют материалы статистики МВД России [11], однако сама ст. 159.3 УК РФ нуждается в преобразовании. Тем более, что теория уголовного права выработала множество приемов возможности отображения данных факторов с помощью юридической техники.

В заключение можно сделать вывод, что уголовная ответственность за хищение в виде мошенничества с использованием электронных средств платежа социально обусловлена, так как взятые за основу наиболее часто встречаемые в юридической литературе критерии указывают, что с данным явлением бороться другими способами, например административными или гражданско-правовыми, не представляется возможным. Правоприменительная практика свидетельствует о наличии правовых проблем квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа, которые возникают в связи с противоречивой конструкцией и неоднозначным толкованием в судебной практике его признаков, что вызвано отсутствием нормативного материала, раскрывающего понятийный аппарат данного состава. В связи с этим для эффективности квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа автором констатируется необходимость дальнейших исследований терминов, понятий и категорий, используемых законодателем для описания анализируемого состава преступления

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 24-е изд. М., 2010. 1200 с.
2. Тоболкин П. С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983. С. 7.
3. Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. 1279 с.
4. По делу о проверке конституционности положений УК РФ, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда от 19 марта 2003 г. № 3-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Бодаевский В. П., Соловьев Е. А. Социальная обусловленность уголовно-парового положения // Научный вестник Омской академии МВД России. № 1 (76). 2020. С. 20–25.
6. Основание уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация / [В. Н. Кудрявцев, П. С. Дагель, Г. А. Злобин и др.; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев]. М., 1982. С. 17.
7. Пудовочкин Ю. Е. Оценка судом общественной опасности преступления : науч.-практ. пособие. М., 2019. С. 20.
8. Уголовное право. Общая часть : учеб. / под ред. В. П. Бодаевского, В. М. Зимина, А. И. Чучаева. М., 2017. 272 с.
9. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184> (дата обращения: 11.03.2023).
10. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552> (дата обращения: 11.03.2023).
11. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677> (дата обращения: 11.03.2023).
12. Обзор операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций. URL: http://www.cbr.ru/analytics/ib/operations_survey_2022/ (дата обращения: 27.04.2023).
13. Грищенко В., Пономаренко А., Селезнев С. Возможные подходы к прогнозированию спроса российских домохозяйств на цифровой рубль // Серия докладов об экономи-

ческих исследованиях. 2023. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/144905/wp_108.pdf (дата обращения: 01.05.2023).

14. Всяких М. В., Нестерова Н. С. Современные платежные системы коммерческого банка // Концепт. Научно-методический электронный журнал. 2015. № 8 (август). С. 41–45.

15. Тураев М. – А. В. Социально-экономическая обусловленность дифференциации за мошенничество в уголовном законодательстве России // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3 (27). С. 296–300.

16. Южин А. А. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации мошенничества с использованием платежных карт // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11, № 1. С. 142–145.

REFERENCES

1. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka: Ok. 53 000 slov* [Dictionary of the Russian language: Approximately 53,000 words]. Ed. by Skvortsov L.I. Moscow, 2010. 1,200 p.

2. Tobolkin P.S. *Sotsial'naya obuslovlennost' ugovorno-pravovykh norm* [Social conditionality of criminal law norms.]. Sverdlovsk, 1983. P. 7.

3. *Noveishii filosofskii slovar'* [The newest philosophical dictionary]. Comp. by Gritsanov A.A. Moscow, 2001. 1,279 p.

4. In the case of checking the constitutionality of provisions of the Criminal Code of the Russian Federation regulating legal consequences of a person's criminal record, repeated recidivism, as well as paragraphs 1–8 of the Resolution of the State Duma of May 26, 2000 "On declaring amnesty in connection with the 55th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945", in connection with the request of the Ostankino Intermunicipal (district) Court of the City of Moscow and the complaints of a number of citizens : Resolution of the Constitutional Court No. 3-P of March 19, 2003. *Dostup iz sprav. -pravovoi sistemy "Konsul'tant Plyus"* [Access from the Consultant Plus reference legal system]. (In Russ.).

5. Bodaevskii V.P., Solov'ev E.A. Social conditionality of the penal situation. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 1 (76), pp. 20–25. (In Russ.).

6. Kudryavtsev V.N., Dagel' P.S., Zlobin G.A. et al *Osnovanie ugovorno-pravovogo zapreta: kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya* [The basis of a criminal law ban: criminalization and decriminalization]. Ed. by Kudryavtsev V.N., Yakovlev A.M. Moscow, 1982. P. 17.

7. Pudovochkin Yu.E. *Otsenka sudom obshchestvennoi opasnosti prestupleniya: nauch.-prakt. posobie* [Assessment of public danger of a crime by the court: scientific and practical manual]. Moscow, 2019. P. 20.

8. *Ugovnoe pravo. Obshchaya chast': ucheb.* [Criminal law. General part: textbook]. Ed. by Bodaevskii V.P., Zimin V.M., Chuchaev A.I. Moscow, 2017. 272 p.

9. *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii za yanvar'–dekabr' 2020 goda* [Brief description of the state of crime in the Russian Federation in January–December 2020]. Available at: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184> (accessed March 11, 2023).

10. *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii za yanvar'–dekabr' 2021 goda* [Brief description of the state of crime in the Russian Federation in January–December 2021]. Available at: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552> (accessed March 11, 2023).

11. *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii za yanvar'–dekabr' 2022 goda* [Brief description of the state of crime in the Russian Federation in January–December 2022]. Available at: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677> (accessed March 11, 2023).

12. *Obzor operatsii, sovershennykh bez soglasiya klientov finansovykh organizatsii* [Review of transactions performed without the consent of clients of financial institutions]. Available at: http://www.cbr.ru/analytics/ib/operations_survey_2022/ (accessed April 27, 2023).

13. Grishchenko V., Ponomarenko A., Seleznev S. Possible approaches to forecasting the demand of Russian households for the digital ruble. In: *Seriya dokladov ob ekonomicheskikh issledovaniyakh* [Series of reports on economic research]. 2023. Available at: https://cbr.ru/StaticHtml/File/144905/wp_108.pdf (accessed May 1, 2023).

14. Vsyakikh M.V., Nesterova N.S. Modern payment systems of a commercial bank. *Kontsept. Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal = Concept. Scientific and Methodological Electronic Journal*, 2015, no. 8, pp. 41–45. (In Russ.).

15. Turaev M. Socio-economic conditionality of differentiation for fraud in the criminal legislation of Russia. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 3 (27), pp. 296–300. (In Russ.).

16. Yuzhin A.A. Criminal law characteristics and problems of qualification of fraud using payment cards. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Socio-Economic Phenomena and Processes*, 2016, vol. 11, no. 1, pp. 142–145. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДАРЬЯ ВЛАДИМИРОВНА САФОНОВА – преподаватель кафедры уголовного права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Россия, dasha.safonova@mail.ru

DAR'YA V. SAFONOVA – Lecturer at the Department of Criminal Law of the Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol, Russia, dasha.safonova@mail.ru

Статья поступила 18.05.2024

Научная статья

УДК 343.01

doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.019

Теоретическое изучение критико-правового метода в разрезе науки уголовного права

ПОЛИНА ВЛАДИМИРОВНА СМИРНОВА

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия,
polinakobzina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9717-1206>

Аннотация. Статья посвящена научной критике как одному из значимых методов познания правовой действительности. В условиях постклассического этапа становления научной мысли сформировался плюрализм взглядов на методологию уголовно-правовой науки. Особенно роль научной критики прослеживается в ее применении при существующем реформировании уголовного законодательства, которое вступило в новую стадию – активного использования института административной преюдиции. В юридической литературе все чаще ведется дискуссия о значении и сущности феномена научной критики. В связи со сложностью предмета уголовного права возникает существенная необходимость определения научно обоснованных методик применения критико-правового метода при проведении правовых исследований.

Ключевые слова: уголовное право; методология науки; критико-правовой метод; критика законодательства; научная критика; метод познания права; уголовный закон.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Смирнова П. В. Теоретическое изучение критико-правового метода в разрезе науки уголовного права // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 4 (28). С. 157–161. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.019.

Original article

Theoretical Study of the Critical Legal Method in the Context of Criminal Law Science

POLINA V. SMIRNOVA

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia, polinakobzina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9717-1206>

Abstract. The article is devoted to scientific criticism as one of the significant methods of legal reality cognition. In the conditions of the postclassical stage of the formation of scientific thought, pluralism of views on the methodology of criminal law science is formed. The role of scientific criticism is especially evident in its application in the existing reform of criminal legislation, which has entered a new stage – the active use of the institution of administrative prejudice. There is an increasing discussion in the legal literature about the meaning and essence of the phenomenon of scientific criticism. Due to the complexity of the subject of criminal law, there is an essential need to determine scientifically sound methods for applying the critical legal method in legal research.

Key words: criminal law; methodology of science; critical legal method; criticism of legislation; scientific criticism; law cognition method; criminal law.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Smirnova P.V. Theoretical study of the critical legal method in the context of criminal law science. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 4 (28), pp. 157–161. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.019.

Методология науки уголовного права сформировалась благодаря непрерывному труду многих поколений ученых-исследователей и призвана оптимизировать познавательный процесс, обладая при этом особым инструментарием, соответствующим специфике исследуемого объекта. В уголовном праве широко используются как общенаучные, так и специальные методы познания. Не оспаривая их вариативность и дискуссионность, к числу последних, несомненно, следует отнести и критико-правовой метод.

Так, А. А. Малиновский указывает, что «критико-правовой метод нуждается прежде всего в своем “формальном” признании в качестве полноценного специально-юридического метода познания права» [1, с. 54]. Действительно, в условиях переориентации в постклассическую юриспруденцию важное значение приобретает переосмысление традиционно используемых методов познания. Данное утверждение особенно справедливо для рассматриваемой науки, поскольку именно уголовный закон обеспечивает безопасность человека, решая при этом вопросы, связанные с предотвращением угрозы совершения преступлений.

Еще Г. Ф. Шершеневич замечал, что криминалисты давно прибегают к критическому приему и благодаря тому являются несравненно более подготовленными к законодательной деятельности, нежели цивилисты [2, с. 21]. Автор полагал, что юридическая критика может быть технической, направленной на обнаружение несоответствия между намерением законодателя и способом его выражения, и социальной, обращенной к самому содержанию норм и определению его соответствия условиям общежития. Оценка и критика правовых норм, по Г. Ф. Шершеневичу, составляют политический метод [3, с. 39–41].

Требуемый для современной науки методологический плюрализм и интегративное правопонимание не исключают, но, напротив, предполагают совмещение различных подходов к изучению предмета уголовного права. Теоретическое изучение критико-правового метода следует отнести к одной из приоритетных задач методологии науки, поскольку данный феномен еще не приобрел официального статуса специально-юридического метода.

В. М. Баранов и П. В. Ремизов отмечают, что «теория критики законодательства еще не сформирована и пределы ее применимости не выявлены. Вместе с тем проблемы, связан-

ные с пониманием сущности критики вообще, формы последствий, особенности ее проявления, привлекали и привлекают внимание представителей многих гуманитарных наук» [4, с. 18].

В своих исследованиях профессор В. М. Сырых относит критику права к источникам права, поскольку она является самой начальной стадией доктринального толкования норм. Вполне обоснованным является утверждение исследователя о том, что «ученый-юрист должен установить все те нормативные положения, которые являются недостаточно совершенными, будут неизменно порождать массу вопросов у лиц в процессе реализации этих положений» [5, с. 197].

Изучая проблемы становления отечественной теории критики юриспруденции, Д. Ю. Шапсугов определяет, что «современная критика уже обнаруживает потребность в таких основаниях, способных быть ключом к решению самых острых вопросов развития современного человечества. С учетом подобных постулатов должна разрабатываться и теория научной критики в юриспруденции как специфическая разновидность критического знания и мышления» [6, с. 25]. Подтверждает приведенное умозаключение и исследование Г. В. Хомелева, утверждающего, что «критика – это одно из наиболее распространенных явлений общественной жизни, однако ее теория находится все еще на начальной степени разработки» [7, с. 3].

Профессор В. И. Синайский, изучавший вопросы юридической методологии, определил критический подход как оценочный метод, позволяющий оценить степень научности юридического исследования. Ученый предложил следующие критерии применения оценочного (критического) подхода, учитывая указанную позицию:

«1. Предметом оценки должна стать прежде всего методология юридического познания. Правильно выбранный метод обуславливает правильность результата научного познания.

2. Предметом оценки, далее, становятся источники права.

3. Проверке, и в этом смысле оценке, подлежат, далее, произведения юридической литературы. Здесь проверяется правильность понимания авторов в их заключениях и также полнота использованной литературы, также и ненужность той литературы, которая, в сущности, ничего не прибавляет, служит поэтому своего рода балластом» [8, с. 108].

В свою очередь В. М. Сырых относит критику к процедуре правового исследования, указывая при этом, что «при соблюдении принципов научного познания критика приводит к объективным и достоверным знаниям» [9, с. 321]. В этой связи критическое изучение следует подвергать рассмотрению сквозь призму принципов диалектического метода, таких как объективности, всесторонности, целостности, развития и конкретности.

Представленное демонстрирует, что феномен критики не является емким понятием и может быть рассмотрен через следующие категории: явления, оценка теории, источник права, процедура, прием, метод. Заметим, что при рассмотрении сущности критики через использование той или иной категории изменяется и подход к ее обоснованию и критериям применения в научных исследованиях.

С методологической точки зрения особый интерес представляет позиция А. А. Малиновского, исследующего критико-правой метод через теорию среднего уровня, указывающего, что «обоснованной представляется критика одного из основных предметов исследования посредством его оценки с точки зрения других предметов исследования в рамках одного объекта познания» [1, с. 58].

Разделяя позицию А. А. Малиновского, согласно которой обоснованное применение критико-правового метода лежит через системный подход, при котором все элементы си-

стемы взаимосвязаны и взаимообусловлены, полагаем, что предпосылками повышения эффективности критики УК РФ служит установление стадий критического анализа, способствующих выработке наиболее полных предложений по реконструкции ряда норм о преступлениях. Представляется, что именно определение стадий критического изучения способствует воплощению системного подхода к установлению несовершенства рассматриваемых норм права, а также определению перспективных направлений их реконструкции.

Стадии критико-правового исследования норм Особенной части УК РФ можно охарактеризовать как взаимосвязанные ступени их осмысления, направленные на всестороннее углубленное исследование рассматриваемых норм с целью установления недочетов и причин их появления. К таким стадиям следует отнести критическое изучение социального и криминологического обоснования норм, опыта зарубежных стран по регламентации сходных правоотношений, установление несогласованности уголовных норм со смежными правовыми институтами, ошибки в правоприменительной практике и другие.

Заметим, что выявление юридических коллизий, проблем правоприменения, категориальных неточностей возможно на любой стадии и любом этапе критического исследования. Обозначим, что в данной системе использована дедуктивная логико-методологическая процедура перехода от общего к частному.

Кроме того, проведенное изучение подходов к определению феномена критики в юридической науке позволяет наметить ряд важных направлений в дальнейшем доктринальном ее осмыслении, таких как:

- определение принципов и видов критики уголовного закона;
- установление функциональной характеристики и критериев критики в уголовно-правовой науке;
- поиск приемов критико-правового метода и условий их применения;
- повышение правового механизма эффективности критики уголовного законодательства.

Таким образом, теоретическое изучение критико-правового метода в разрезе науки уголовного права позволило предложить организационную методику повышения ее эффективности, которая заключается в создании соответствующих методологических предпосылок, позволяющих наиболее полно исследовать уголовно-правовые нормы с целью выявления перспективных направлений развития названных положений, а также устранения имеющихся законодательных недоработок. Данными предпосылками служит установление стадий критического исследования, способствующих выработке наиболее полных предложений по реконструкции уголовно-правовых норм.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Малиновский А. А. Критико-правовой метод в юриспруденции // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2 (7). С. 54–61.
2. Шершеневич Г. Ф. Избранное : в 6 т. / вступ. ст. и сост. П. В. Крашенинников. М., 2017. Т. 5. Учебник русского гражданского права. 832 с.
3. Шершеневич Г. Ф. Задачи и методы гражданского правоведения. Казань, 1898. 46 с.
4. Баранов В. М., Ремизов П. В. Критика законодательства: доктрина, практика, техника : моногр. М., 2018. 570 с.
5. Сырых В. М. Логические основания общей теории права : в 2 т. М., 2004. Т. 2. Логика правового исследования. 559 с.

6. Шапсугов Д. Ю. Теория критики в юриспруденции России: проблемы становления // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 14–25.
7. Хомелев Г. В. Философские основания научной теории критики : дис. ... д-ра философ. наук. СПб., 2004. 326 с.
8. Синайский В. И. Техника юридической методологии в связи с общим учением о методологии. Рига, 2000. 270 с.
9. Сырых В. М. История и методология юридической науки : учеб. М., 2012. 463 с.

REFERENCES

1. Malinovskii A.A. The critical legal method in jurisprudence. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy = Russian Journal of Legal Studies*, 2016, no. 2 (7), pp. 54–61. (In Russ.).
2. Shershenevich G.F. *Izbrannoe: v 6 t. T. 5. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Selected works: in 6 volumes. Volume 5. Textbook of Russian civil law]. Comp. by Krashenninnikov P.V. Moscow, 2017. 832 p.
3. Shershenevich G.F. *Zadachi i metody grazhdanskogo pravovedeniya* [Tasks and methods of civil law]. Kazan, 1898. 46 p.
4. Baranov V.M., Remizov P.V. *Kritika zakonodatel'stva: doktrina, praktika, tekhnika: monogr.* [Criticism of legislation: doctrine, practice, technique: monograph]. Moscow, 2018. 570 p.
5. Syrykh V.M. *Logicheskie osnovaniya obshchei teorii prava: v 2 t. T. 2. Logika pravovogo issledovaniya* [Logical foundations of the general theory of law: in 2 volumes. Volume 2. Logic of legal research]. Moscow, 2004. 559 p.
6. Shapsugov D.Yu. The theory of criticism in Russian jurisprudence: problems of formation. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik = North Caucasus Legal Vestnik*, 2023, no. 1, pp. 14–25. (In Russ.).
7. Khomelev G.V. *Filosofskie osnovaniya nauchnoi teorii kritiki: dis. ... d-ra filosof. nauk* [Philosophical foundations of the scientific theory of criticism: Doctor of Sciences (Philosophy) dissertation abstract]. Saint Petersburg, 2004. 326 p.
8. Sinaiskii V.I. *Tekhnika yuridicheskoi metodologii v svyazi s obshchim ucheniem o metodologii* [Technique of legal methodology in connection with the general doctrine of methodology]. Riga, 2000. 270 p.
9. Syrykh V.M. *Istoriya i metodologiya yuridicheskoi nauki: ucheb.* [History and methodology of legal science: textbook]. Moscow, 2012. 463 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПОЛИНА ВЛАДИМИРОВНА СМЕРНОВА – адъюнкт кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, Нижний Новгород, Россия, polinakobzina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9717-1206>

POLINA V. SMIRNOVA – Adjunct at the Department of Criminal and Penal Law of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia, polinakobzina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9717-1206>

Статья поступила 11.04.2024

Научная статья

УДК 343.1

doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.020

О некоторых вопросах стадии возбуждения уголовного дела и ее месте в системе досудебного производства

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА СПИРИДОНОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, upkiord@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4466-125X>

АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ШАТАЛОВ

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, asshatalov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы процессуального статуса участников уголовного судопроизводства, заинтересованных в исходе дела; вопросы обеспечения и реализации их прав на стадии возбуждения уголовного дела, способы проверки сообщений о преступлениях, такие как получение объяснений и изъятие предметов и документов, а также вопросы дальнейшего совершенствования стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела; заявитель; потерпевший; объяснения; изъятие предметов и документов

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Спиридонова Ю. Н., Шаталов А. С. О некоторых вопросах стадии возбуждения уголовного дела и ее месте в системе досудебного производства // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 4 (28). С. 162–166. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.020.

Original article

On Some Issues of a Criminal Case Initiation Stage and Its Place in the System of Pre-Trial Proceedings

YULIYA N. SPIRIDONOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, upkiord@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4466-125X>

ALEKSANDR S. SHATALOV

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Moscow, Russia, asshatalov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>

Abstract. The article discusses problems of the procedural status of participants in criminal proceedings, issues of ensuring and exercising their rights at the stage of initiation of criminal proceedings, ways to verify reports of crimes, such as obtaining explanations and seizure of objects and documents, as well as issues of further improvement of the stage of initiation of criminal proceedings.

Keywords: criminal case initiation stage; applicant; victim; explanations; seizure of objects and documents

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Spiridonova Yu.N., Shatalov A.S. On some issues of a criminal case initiation stage and its place in the system of pre-trial proceedings. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 4 (28), pp. 162–166. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.020.

Как известно, уголовное судопроизводство начинается со стадии возбуждения уголовного дела. Данной стадии не существовало в уголовном процессе дореволюционной России, нет ее и в зарубежном законодательстве. Более того, многие государства, образовавшиеся из бывших союзных республик, в своих уголовно-процессуальных кодексах также от нее отказались. Что касается современного российского законодательства, мнения ученых разделились: есть как сторонники, так и противники этой стадии. В данной статье попытаемся обозначить проблемы правового статуса лиц, участвующих в стадии возбуждения уголовного дела, а также способов проверки сообщений о преступлениях, тем более что оба вопроса взаимосвязаны.

Точкой отчета появления правового статуса лица, вовлекаемого в уголовный процесс, является либо решение дознавателя или следователя, оформленное в виде постановления, либо факт привлечения к каким-либо процессуальным действиям, а в случае свидетеля – факт вызова на допрос. Хотя стадия возбуждения уголовного дела выступает полноценной стадией уголовного процесса, ряд заинтересованных лиц не могут участвовать в ней полноценно и реализовывать свои права, а в некоторых случаях отсутствие процессуального статуса лиц, задействованных в проверке сообщения о преступлении, может помешать собрать доказательственную информацию. Вопрос о собирании доказательств на стадии возбуждения уголовного дела является спорным. Полагаем, что исходя из основной задачи стадии – установление наличия либо отсутствия признаков преступления – собирание доказательств не должно входить в деятельность, осуществляемую в ходе проверки сообщения о преступлении, однако появление дознания в сокращенной форме все изменило, и теперь информация, полученная в ходе проверочных действий, может лечь в основу приговора.

Если такие участники, как понятые, специалисты, эксперты могут участвовать в деле уже на первой стадии с момента привлечения к следственным и иным процессуальным действиям (например, к осмотру места происшествия) или назначения экспертизы, то лица, заинтересованные в исходе дела, приобретают свой процессуальный статус только на стадии предварительного расследования. Так, потерпевший появляется после вынесе-

ния следователем или дознавателем постановления о признании таковым, которое может быть вынесено только после возбуждения уголовного дела, а подозреваемый – после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, постановления об избрании меры пресечения, уведомления о подозрении или задержания.

Это приводит к тому, что при получении объяснений опрашиваемые лица не предупреждаются, например, об ответственности за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний, что может привести к получению дознавателем недостоверной информации, которая при сокращенном дознании может лечь в основу приговора, и, соответственно, привести к вынесению незаконного или необоснованного приговора.

Проблема задержания лица на стадии возбуждения уголовного дела не теряет своей актуальности, заслуживает отдельного внимания и постоянно обсуждается в юридической литературе. Производить задержание до возбуждения уголовного дела по действующему законодательству нельзя, однако очевидно, что, если лицо застигнуто во время совершения преступления или сразу после него, невозможно успеть возбудить уголовное дело до задержания.

Получается, что большинство процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела производятся в отношении лиц, именуемых как «пострадавший», «заподозренный», «очевидец», но не имеющих никакого процессуального статуса, а соответственно, прав и возможностей для реализации своих интересов.

Поскольку уголовное судопроизводство осуществляется в целях защиты потерпевших от преступлений и восстановления социальной справедливости, а процент постановлений об отказе в возбуждении дела продолжает оставаться довольно значительным, самым актуальным является вопрос о защите на первой стадии прав лица, пострадавшего от совершения преступления и инициировавшего начало уголовного судопроизводства. Для этой цели в научной литературе предлагается включить в УПК РФ понятие «заявителя». [1, с. 21]. Заявитель не обязательно является пострадавшим и будущим потерпевшим, поскольку граждане могут подавать информацию в правоохранительные органы с целью защитить права других лиц либо с целью защиты интересов государства или организаций. Тем не менее лицо, обратившееся в правоохранительные органы с информацией о совершенном или готовящемся преступлении, имеет ряд прав, но, во-первых, эти права в настоящее время разбросаны по разным статьям УПК РФ, а, во-вторых, их перечень не защищает в полной мере интересы заявителей. К примеру, в УПК РФ не закреплено право заявителя знакомиться с материалами проверки, даже если по его заявлению вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Ряд ученых полагают для устранения подобных проблем придавать пострадавшему статус потерпевшего уже на стадии возбуждения уголовного дела [2, с. 29].

В научной литературе встречаются споры о сущности объяснений: об их административно-правовом или уголовно-процессуальном характере. Ряд авторов считают, что для повышения достоверности полученной на стадии возбуждения уголовного дела информации необходимо более подробно регламентировать процедуру получения объяснений. Полагаем, что жесткая регламентация формы и порядка получения объяснения приблизит его к допросу. Кроме того, реализовать эту идею невозможно без закрепления процессуального статуса лиц, от которых берутся объяснения, что является излишним и повлечет неоправданное усложнение и так весьма непростых процедур досудебного производства, учитывая, что до сих пор в российском уголовном процессе так и не появилось действенной упрощенной формы расследования.

Однако в связи с этим возникает проблема обеспечения надлежащего качества объяснений по материалам, по которым в дальнейшем будет производиться сокращенное дознание, и, соответственно, информация, зафиксированная в объяснении, ляжет в основу приговора. Полагаем, что для ее разрешения необходимо, чтобы оценка полученных фактических данных осуществлялась компетентным должностным лицом, которое могло бы уже на данном этапе в зависимости от фактических обстоятельств дела и квалификации деяния определить перспективы расследования и возможность осуществления по проверяемому сообщению в дальнейшем расследования в форме сокращенного дознания, а соответственно, по-другому подойти к получению объяснения, зафиксировав в нем не только признаки состава преступления, достаточные для принятия решения о возбуждении уголовного дела, но и сведения о всех обстоятельствах, входящих в предмет доказывания.

Вторым проверочным действием, вокруг которого возникает много споров, является изъятие документов и предметов на стадии возбуждения уголовного дела. И споры эти вызваны прежде всего неточностью и неопределенностью формулировки данного способа проверки в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, что не способствует формированию единообразной практики. Не вполне понятна фраза «изымать их в порядке, установленном кодексом», когда УПК РФ для этого предусмотрены только выемка и обыск, но ни то, ни другое нельзя производить на стадии возбуждения уголовного дела. М. А. Позднякова вполне обоснованно считает, что словосочетание «в порядке, установленном кодексом» необходимо из вышеуказанной нормы убрать [3, с. 262]. Ряд ученых предлагает другой вариант решения проблемы: разрешить производство выемки на стадии возбуждения уголовного дела.

На наш взгляд, предложения, в частности о наделении процессуальным статусом участников до возбуждения уголовного дела, о расширении перечня следственных действий, которые можно проводить до возбуждения уголовного дела, ведут к стиранию границ между стадией возбуждения уголовного дела и стадией предварительного расследования. Законодателю необходимо определиться, какой характер носит деятельность на данной стадии: это деятельность по собиранию доказательств (тогда зачем ее выделять в отдельную стадию?) или деятельность, носящая в большей степени непроцессуальный характер и направленная на выявление оснований для начала официального уголовного судопроизводства в рамках уголовного дела. С одной стороны, функция так называемого фильтра, то есть отграничение сообщений, по которым отсутствует состав преступления, очень важна и позволяет не загружать органы предварительного расследования лишней работой (что при катастрофической нехватке кадров в правоохранительных органах в настоящее время весьма актуально). Но с другой стороны, те длительные время неразрешаемые проблемы, которые возникают на стадии возбуждения уголовного дела из-за неясности процессуального статуса участников, вопросов с процедурой реализации их прав, не вполне понятным перечнем и порядком производства и оформления процессуальных действий, производимых в рамках проверки на стадии возбуждения уголовного дела, говорят об отсутствии концепции развития досудебного производства.

Полагаем, что данный вопрос требует дальнейшего изучения и проработки для выстраивания эффективной системы досудебного производства, позволяющей как защищать права лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, так и экономить ресурсы правоохранительных органов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гулгенов А. Б., Демин А. А. Обеспечение прав и законных интересов заявителя на стадии возбуждения уголовного дела // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 4 (12). С. 17–22.
2. Позднякова М. А. Проблема разграничения понятий «Изъятие предметов и документов» и «выемка» на стадии возбуждения уголовного дела // Современные проблемы правотворчества и правоприменения : Байкальский студенческий юридический форум – 2019 : материалы Всерос. студ. науч.-практ. конф. (Иркутск, 21 марта 2019 г.) / отв. ред. Э. И. Девицкий, С. И. Суслова. Иркутск, 2019. Т. 1. С. 259–263.
3. Синенко С. А. Правовой статус лица, потерпевшего от преступления, в стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2012. № 2. С. 25–29.

REFERENCES

1. Gulgenov A.B., Demin A.A. Ensuring the rights and legitimate interests of the applicant at the stage of initiation of a criminal case. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2019, no. 4 (12), pp. 17–22. (In Russ.).
2. Pozdnyakova M.A. The problem of distinguishing concepts of “Seizure of objects and documents” and “seizure” at the stage of initiation of a criminal case. In: Devitskii E.I., Suslova S.I. (Eds.). *Sovremennye problemy pravotvorchestva i pravoprimeneniya: Baikal'skii studentcheskii yuridicheskii forum – 2019: materialy Vseros. stud. nauch.-prakt. konf. (Irkutsk, 21 marta 2019 g.) T. 1* [Modern problems of law-making and law enforcement: Baikal Student Law Forum 2019: materials of the All-Russian. Student scientific and Practical conference (Irkutsk, March 21, 2019). Volume 1]. Irkutsk, 2019. Pp. 259–263. (In Russ.).
3. Sinenko S.A. The legal status of a victim of a crime at the stage of initiation of a criminal case. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2012, no. 2, pp. 25–29. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА СПИРИДОНОВА – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, upkiord@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4466-125X>

АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ШАТАЛОВ – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, asshatalov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>

YULIYA N. SPIRIDONOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Law Enforcement Intelligence Operations of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, upkiord@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4466-125X>

ALEKSANDR S. SHATALOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Procedure of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, asshatalov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>

Статья поступила 05.10.2024

Научная статья

УДК 343.31

doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.021

Трансформация уголовно-правовых механизмов охраны государственного суверенитета

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА УТОРОВА

Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, tatianautorova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9625-7270>

ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА КОЛПАКОВА

Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, kolpackova.liudmila1975@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9937-8462>

Аннотация. В статье исследуется эволюция уголовного законодательства России в сфере защиты конституционного строя за период 2013–2024 гг. Проанализированы причины и последствия введения четырнадцати новых составов преступлений в гл. 29 УК РФ. Выявлены основные направления криминализации: противодействие сепаратизму, защита Вооруженных сил, борьба с диверсионной деятельностью, экстремизмом и угрозами со стороны иностранных организаций. Особое внимание уделено проблемам правоприменения новых норм, включая неопределенность юридических конструкций и сложности разграничения смежных составов. Определены ключевые тенденции развития законодательства: усиление репрессивной составляющей, акцент на превентивных мерах, расширение уголовной юрисдикции в отношении деятельности иностранных организаций. Сделан вывод о смещении баланса в сторону приоритета государственной безопасности над личными правами граждан.

Ключевые слова: конституционный строй; государственная безопасность; уголовное законодательство; дискредитация армии; экстремистская деятельность; иностранные организации; правовая неопределенность.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Уторова Т. Н., Колпакова Л. А. Трансформация уголовно-правовых механизмов охраны государственного суверенитета // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 4 (28). С. 167–176. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.021.

Transformation of Criminal Law Mechanisms for the Protection of State Sovereignty

TAT'YANA N. UTOROVA

North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia, tatianautorova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9625-7270>

LYUDMILA A. KOLPAKOVA

North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia, kolpackova.liudmila1975@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9937-8462>

Abstract. The article considers evolution of Russian criminal legislation in the field of protection of the constitutional system for the period 2013–2024. Causes and consequences of the introduction of 14 new types of crimes in Chapter 29 of the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed. The main areas of criminalization, such as countering separatism, protecting the Armed Forces, combating sabotage, extremism and threats from foreign organizations, are identified. Special attention is paid to the problems of law enforcement of new norms, including the uncertainty of legal structures and the complexity of distinguishing related structures. Key trends in the development of legislation, such as strengthening of the repressive component, emphasis on preventive measures, expansion of criminal jurisdiction over activities of foreign organizations, are identified. It is concluded that the balance has shifted towards the priority of state security over the personal rights of citizens.

Keywords: constitutional system; state security; criminal law; discrediting the army; extremist activity; foreign organizations; legal uncertainty.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Utorova T.N., Kolpakova L.A. Transformation of criminal law mechanisms for the protection of state sovereignty. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 4 (28), pp. 167–176. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.021.

В современных условиях охрана конституционного строя и основ государственной безопасности приобретает особую важность для любой страны. Преступления, посягающие на эти ценности, подрывают устои государственности, создают угрозы суверенитету и территориальной целостности, поэтому противодействие таким противоправным деяниям является одной из приоритетных задач уголовной политики.

В России нормы об ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства сконцентрированы в гл. 29 УК РФ. В последние годы данная глава претерпела существенные изменения, отражающие трансформацию подходов государства к охране этой сферы.

Законодатель ввел в УК РФ ряд новых составов преступлений, а также ужесточил наказания за уже имеющиеся. Такие шаги, с одной стороны, свидетельствуют о стремлении государства максимально обезопасить конституционные основы от разного рода посяга-

тельств. С другой стороны, новые запреты и их строгое применение могут вызвать опасения в части соблюдения разумных ограничений свободы слова, политического плюрализма при привлечении к ответственности по этим статьям и обеспечения надлежащего баланса между интересами безопасности и защитой основных прав граждан.

С 2013 г. количество статей в гл. 29 УК РФ увеличилось практически в два раза, добавилось 14 новых составов, а в существующие были внесены значительные изменения. Введенные составы можно сгруппировать следующим образом:

1. Противодействие сепаратизму и посягательствам на территориальную целостность Российской Федерации: ст. 280.1 «Публичные призывы к совершению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» (2013 г.), ст. 280.2 «Нарушение территориальной целостности Российской Федерации» (2020 г.).

2. Защита Вооруженных сил и обеспечение их авторитета: ст. 280.3 «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации» (2023 г.).

3. Противодействие диверсионной деятельности: ст. 281.1 «Содействие диверсионной деятельности» (2022 г.), ст. 281.2 «Прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности» (2022 г.), ст. 281.3 «Организация диверсионного сообщества и участие в нем» (2022 г.).

4. Противодействие экстремизму: ст. 282.4 «Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами» (2022 г.), ст. 282.3 «Финансирование экстремистской деятельности» (2014 г.).

5. Защита государственной тайны и конфиденциальных сведений: ст. 275.1 «Сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией» (2022 г.), ст. 283.2 «Нарушение требований по защите гостайны» (2022 г.).

6. Противодействие угрозам со стороны иностранных организаций: ст. 284.1 «Осуществление деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности» (2015 г., с корректировкой в 2021 г.), ст. 284.2 «Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц» (2022 г.), ст. 284.3 «Оказание содействия в исполнении решений международных организаций, в которых Российская Федерация не участвует, или иностранных государственных органов» (2023 г.).

7. Общие угрозы государственной безопасности: ст. 280.4 «Публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства» (2022 г.).

Криминализация публичных призывов к нарушению территориальной целостности стала ответом на обострившиеся в тот период сепаратистские настроения и усилившуюся угрозу единству России. Введение ст. 280.1 и 280.2 УК РФ оценено неоднозначно, как непродуманный и поспешный шаг [1], так и вполне логичное продолжение формирования

правового обеспечения состояния защищенности конституционного строя Российской Федерации [2], и поддержано большинством специалистов, однако многие критикуют излишне широкое толкование публичности и указывают на риски ограничения свободы слова [3, с. 21]. Кроме того, правоприменитель может столкнуться с проблемами при отграничении смежных составов. Бурное обсуждение в научной среде вызвал вопрос характера призывов, возможности квалификации по ст. 280.1 УК РФ призывов к насильственному изменению территориальной целостности Российской Федерации. Точка в споре была поставлена лишь в 2021 г. высшей судебной инстанцией, разъяснившей, что публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации, в том числе целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, квалифицируются по ст. 205.2 УК РФ [4].

На момент принятия ст. 280.1 УК РФ призывы к нарушению территориальной целостности подпадали под действие ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», в связи с отнесением Федеральным законом от 25.07.2002 № 112-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» нарушения территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отчуждение части территории Российской Федерации), за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами, к экстремистской деятельности. Введенная специальная норма о призывах к экстремистской деятельности в форме нарушения территориальной целостности предусматривает такой же размер наказания, как основная ст. 280 УК РФ, однако требует административной преюдиции, что ставит субъекта преступления в более выгодное положение, нежели до введения названной нормы.

Наиболее неоднозначная и вызвавшая много споров стала новелла о введении ст. 280.3 УК РФ. Критики указывают на размытость понятия «дискредитация» [5, с. 433]. Сторонники отмечают важность защиты престижа армии. Ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации была введена в марте 2022 г. в связи с началом специальной военной операции на Украине. Необходимость ее появления продиктована потребностью защитить авторитет и репутацию Вооруженных Сил Российской Федерации от дискредитирующих действий в условиях информационной войны. Однако непродуманность конструкции статьи вызвала проблемы разграничения со ст. 207.3 УК РФ («Распространение заведомо ложной информации о Вооруженных Силах»). Если в ст. 207.3 речь идет о распространении именно недостоверных сведений, то в 280.3 говорится обобщенно о действиях по дискредитации, в том числе, возможно, и с использованием ложных данных. Поэтому важно четко определять, идет ли речь о распространении именно заведомо ложной информации (ст. 207.3) или дискредитация осуществляется иными способами, например негативными оценками и мнениями (ст. 280.3). Не исключена также ситуация идеальной совокупности этих преступлений. Кроме того, необходимо отграничивать дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации от состава клеветы в отношении конкретных военнослужащих (ст. 128.1). В некоторых случаях действия могут содержать признаки обоих преступлений. При распространении сведений, порочащих как конкретных военных, так и Вооруженные Силы Российской Федерации в целом, содеянное может квалифицироваться по совокупности ст. 128.1 и 280.3 УК РФ. Кроме того, возникают вопросы относительно того, какие именно действия следует считать «дискредитирующими» по смыслу ст. 280.3 УК РФ. Некоторые суды относят к таковым лишь явную ложь [6] и негативные утверждения [7], другие – любые формы отрицательных оценок и убеждений,

даже завуалированных или косвенных. Кроме того, неясно, может ли публичное распространение правдивых, но нежелательных для государства сведений о военных действиях подпадать под действие ст. 280.3 УК РФ). В итоге возникают коллизии с принципом свободы слова и права на информацию. Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил, что законодатель не придает термину «дискредитация» какого-то особого, отличного от общепринятого значения дискредитации, под которой понимается подрыв доверия отдельных граждан и общества в целом к кому-либо, к чьим-либо действиям (деятельности). Суд разъяснил, что Конституцией Российской Федерации гарантировано право выражать собственное мнение по поводу деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, в том числе указывать на наличие недостатков, если это не сопряжено с произвольным отрицанием конституционно predetermined характера, целей и задач данной деятельности и основывается на открытой достоверной информации, что должно устанавливаться судами при разрешении конкретных дел [8].

Таким образом, несмотря на необходимость защиты Вооруженных Сил Российской Федерации, введение ст. 280.3 УК РФ породило ряд сложных вопросов в сфере квалификации, отграничения от смежных составов и единообразного толкования понятия «дискредитация», которые продолжают оставаться актуальными для правоприменителей.

Введение ст. 281.1–281.3 УК РФ было реакцией на новые риски и угрозы, которые возникли в условиях обострения геополитической обстановки. Диверсионная деятельность представляет серьезную опасность для национальной безопасности России. В то же время произошло нарушение структурной целостности УК РФ в связи с дублированием положений Общей части УК РФ о соучастии [9]. Такой казуистический прием необоснованно стал часто использоваться при введении новых норм в УК РФ, подменяя квалификацию действий соучастников с использованием ст. 33 УК РФ. В итоге это приводит к нарушению принципа справедливости. Так, например, если пособник диверсии в последующем примет участие в ее совершении в качестве исполнителя, его действия образуют совокупность преступлений, предусмотренных ст. 281 и 281.1 УК РФ. В то время как в иных случаях перерастания пособничества в исполнительство действия субъекта охватываются только ролью исполнителя, не образуя совокупности преступлений.

При конструировании ст. 281.1 УК РФ «Содействие диверсионной деятельности» допущена терминологическая неточность. Название статьи предполагает криминализацию действий пособников, но по содержанию объективная сторона включает действия не только пособника, но и организатора и подстрекателя. Определяя диверсионное сообщество в ч. 1 ст. 281.3 УК РФ как устойчивую группу лиц, заранее объединившихся для осуществления диверсионной деятельности или совершения диверсии, законодатель приравнял его к организованной группе (ч. 3 ст. 35 УК РФ). В то же время в тексте ст. 281.3 УК РФ говорится о наличии в диверсионном сообществе структурных подразделений, что указывает на более высокую степень структурированности, характерную для преступного сообщества (ч. 4 ст. 35 УК РФ).

Введение уголовной ответственности за пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами, всецело поддержано научным сообществом. Нацизм как идеология геноцида – крайне опасное явление. Публичная демонстрация его символики оскорбляет память жертв нацизма и подрывает основы современного демократического общества. Однако многие авторы обоснованно крити-

куют существующие пробелы в законодательстве, в частности отсутствие в действующих нормативных правовых актах четкого определения понятий «нацистская символика» и «нацистская атрибутика», размытость критериев отнесения тех или иных знаков, изображений к нацистской символике [10]. Видится обоснованной разработка примерного каталога для правоприменителей, что значительно снизит нагрузку на экспертные учреждения и не потребует проведения экспертизы в случаях распространения явных нацистских и экстремистских символов и атрибутов. Ведение каталога символики и атрибутики организаций, признаваемых экстремистскими, целесообразно поручить органам государственной власти, формирующим реестр экстремистских организаций и материалов. Такая мера исключит судебные ошибки в части привлечения лиц к ответственности за неосторожное распространение в силу незнания символики и атрибутики тех или иных экстремистских организаций.

При применении исследуемой нормы требуется особо взвешенный и адресный подход. Так, в примечании ст. 20.3 КоАП РФ указано на отсутствие состава правонарушения в случае использования нацистской атрибутики или символики, когда формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии. На отсутствие состава правонарушения в подобных случаях указал и Верховный Суд Российской Федерации [11]. Однако подобная оговорка не внесена в УК РФ. Авторы пояснительной записки к законопроекту № 390402-7 «О внесении изменений в статью 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» приводят пример необоснованного привлечения к ответственности администрации книжного магазина в Южно-Сахалинске за продажу книги «Солдаты Вермахта. Подлинные свидетельства боев, страданий и смерти», так как на ее обложке были изображены нацистские символы. При рассмотрении дела судом явное антифашистское содержание книги учтено не было [12]. По нашему мнению, для столь крайней меры, как уголовная ответственность, недостаточно наличие только административной преюдиции в части демонстрации, необходимо установление факта пропаганды или оправдания нацизма.

Введение уголовной ответственности за сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией по ст. 275.1 УК РФ направлено на предупреждение более тяжких преступлений против государства. Криминализация подобного сотрудничества позволяет пресекать потенциально опасные контакты на ранней стадии, до совершения таких тяжких преступлений, как государственная измена, шпионаж, диверсия. Объективная сторона деяния описана как «установление и поддержание отношений сотрудничества на конфиденциальной основе», что фактически представляет собой приготовление к государственной измене и подлежит квалификации со ссылкой на ст. 33 УК РФ. Исследователями отмечаются и другие недостатки введенной нормы, такие как отсутствие четкого определения понятия «конфиденциальная основа», сложность отграничения от государственной измены, неопределенность относительно конкретных действий, которые должны квалифицироваться как сотрудничество, отсутствие правоприменительной практики по данной статье, что затрудняет понимание того, как она реально применяется на практике [13–16]. Ответы на возникающие вопросы сможет дать лишь судебная практика и Верховный Суд Российской Федерации.

Уголовная ответственность за осуществление деятельности нежелательных иностранных или международных неправительственных организаций (ст. 284.1 УК РФ), призывы к введению санкций (ст. 284.2 УК РФ) и содействие исполнению решений международных

организаций без участия России (ст. 284.3 УК РФ), к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства (ст. 280.4 УК РФ), была введена в качестве ответной меры на усилившееся давление со стороны недружественных государств, попытки вмешательства во внутренние дела России и разжигание протестной активности в условиях обострения геополитической ситуации. Эта вынужденная мера направлена на противодействие попыткам изолировать Россию на международной арене, ввести против нее незаконные односторонние санкции и другие ограничительные меры, недопущение создания на территории России параллельных центров квазизаконодательной власти международных организаций.

Проведенное исследование трансформации уголовно-правовых механизмов охраны государственного суверенитета позволяет сформулировать ряд концептуальных выводов о векторах развития российского уголовного законодательства в данной сфере.

Во-первых, анализ законодательных новелл гл. 29 УК РФ за последнее десятилетие свидетельствует о существенном расширении криминализации деяний, направленных против конституционного строя и безопасности государства. Данная тенденция обусловлена комплексом внешнеполитических и внутригосударственных факторов, включая обострение геополитической обстановки, необходимость защиты территориальной целостности и противодействия деструктивному информационному влиянию.

Во-вторых, прослеживается явная тенденция к усилению превентивной функции уголовного права в данной сфере, что выражается в конструировании составов с формальным типом объективной стороны и снижении порога криминализации общественно опасных деяний. Особое внимание уделяется пресечению противоправной деятельности на ранних стадиях.

В-третьих, наблюдается расширение экстерриториального действия уголовного закона и усиление уголовно-правового контроля над деятельностью иностранных организаций на территории России, что отражает общую тенденцию к обеспечению суверенитета в условиях внешнего давления.

В-четвертых, выявлена тенденция к использованию уголовно-правовых механизмов для защиты не только конституционного строя в узком смысле, но и более широкого круга государственных интересов, включая историческую память, традиционные ценности и информационный суверенитет.

Вместе с тем анализ новых составов преступлений выявил ряд проблемных аспектов, требующих научного осмысления и законодательного решения. В частности, наблюдается некоторая правовая неопределенность используемых юридических конструкций, что может затруднять правоприменительную практику. Также отмечается смещение баланса между обеспечением государственной безопасности и защитой индивидуальных прав граждан в сторону приоритета государственных интересов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кулев А. Г. О модернизации составов преступлений против внешней безопасности государства // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 1. С. 170–176.
2. Хлебушкин А. Г. Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ (ст. 280.1 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Российский следователь. 2014. № 11. С. 25–29.
3. Белоусова М. Территориальная целостность и ее обеспечение в Российской Федерации в контексте соотношения с основными правами и свободами человека и граждани-

на в условиях развития информационного общества // Российское право онлайн. 2019. № 3–4. С. 12–21.

4. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) // Российская газета. 2011. 4 июля (№ 142).

5. Мотин О. А., Плетнев Т. А. Вопросы применения уголовно-правовых норм, принятых для защиты от дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации и нарушений ее конституционного строя // Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса в современных условиях : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Донецк, 25–26 мая 2023 года / отв. ред. С. Ю. Мироненко. Донецк, 2023. С. 433.

6. Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 31 марта 2023 г. по делу № 1-911/2022. URL: <http://p-kamchatsky.kam.sudrf.ru/> (дата обращения: 02.07.2024).

7. Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 7 сентября 2023 г. по делу № 22-1910/2023. URL: https://oblsud--vrn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=30125492&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 03.07.2024).

8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лагодича Константина Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30.05.2023 № 1399-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Прохорова М. Л., Горенко М. Г., Чибизов В. В. Содействие диверсионной деятельности и организация диверсионного сообщества (статьи 281.1, 281.3 УК РФ) как разновидности специальных видов организации, подстрекательства и пособничества преступной деятельности: к вопросу об оправданности регламентации // Российский следователь. 2023. № 10. С. 42–45.

10. Шелпаков В. А. Актуальные вопросы определения понятий нацистской атрибутики и символики в законодательстве Российской Федерации // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2023. № 4 (38). С. 212–216.

11. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 09.01.2023 по делу № 45-АД22-37-К7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Пояснительная записка к Законопроекту № 390402-7 «О внесении изменений в статью 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/390402-7?ysclid=m2uwh4qxra225641717> (дата обращения: 12.09.2024).

13. Боровиков В. Б., Боровикова В. В. О некоторых аспектах уголовно-правовой политики в сфере безопасности РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15. № 6. С. 176–181.

14. Брандт Я. А. Проблемы правоприменения статьи, предусматривающей уголовную ответственность за сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным субъектом // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. ст. по материалам X Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2023. С. 345–347.

15. Вербовая О. В. К вопросу разграничения преступлений, предусмотренных статьями 275 и 275.1 Уголовного кодекса РФ // Проблемы современной уголовной политики : материалы междунар. науч.-практ. конф. (посвященной 305-летию российской полиции) / гл. ред. О. В. Ивушкина, зам. гл. ред. Т. В. Удилов. Иркутск, 2023. С. 14–145.

16. Кулев А. Г. Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации: вопросы регламентации // Уголовное право: стратегия развития в 21 веке : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. М., 2015. С. 423–426.

REFERENCES

1. Kulev A.G. On the modernization of the elements of crimes against the external security of the state. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke = Criminal Law: Development Strategy in the XXI Century*, 2023, no. 1, pp. 170–176. (In Russ.).
2. Khlebushkin A.G. Public calls for actions aimed at violating territorial integrity of the Russian Federation (Article 280.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): criminal law characteristics and qualification issues. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2014, no. 11, pp. 25–29. (In Russ.).
3. Belousova M. Territorial integrity and its provision in the Russian Federation in the context of the relationship with the fundamental rights and freedoms of man and citizen in the context of the development of the information society. *Rossiiskoe pravo onlain = Russian Law Online*, 2019, no. 3–4, pp. 12–21. (In Russ.).
4. On judicial practice in criminal cases of extremist crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 11 of June 28, 2011 (as amended of October 28, 2021). *Rossiiskaya gazeta = Russian Newspaper*, 2011, July 4. (In Russ.).
5. Motin O.A., Pletnev T.A. Issues of the application of criminal law norms adopted to protect against discrediting the Armed Forces of the Russian Federation and violations of its constitutional system. In: Mironenko S.Yu. (Ed.). *Aktual'nye problemy teorii i praktiki ugolovnogo prava i protsessa v sovremennykh usloviyakh: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Donetsk, 25–26 maya 2023 goda* [Actual problems of theory and practice of criminal law and process in modern conditions: materials of the III international scientific and practical conference]. Donetsk, 2023. Pp. 433.
6. *Prigovor Petropavlovsk-Kamchatskogo gorodskogo suda Kamchatskogo kraya ot 31 marta 2023 g. po delu No. 1-911/2022* [Verdict of the Petropavlovsk-Kamchatsky City Court of the Kamchatka Territory of March 31, 2023 in case No. 1-911/2022]. Available at: <http://p-kamchatsky.kam.sudrf.ru/> (accessed July 2, 2024).
7. *Apellyatsionnoe postanovlenie Voronezhskogo oblastnogo suda ot 7 sentyabrya 2023 g. po delu No. 22-1910/2023* [Appeal Decision of the Voronezh Regional Court of September 7, 2023 in case No. 22-1910/2023]. Available at: https://oblsud--vrn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=30125492&delo_id=4&new=4&text_number=1 (accessed July 3, 2024).
8. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Konstantin S. Lagodich for violation of his constitutional rights by Part 2 of Article 20.3.3 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1399-O of May 30, 2023. *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tant Plyus"* [Access from the Consultant Plus reference legal system]. (In Russ.).
9. Prokhorova M.L., Gorenko M.G., Chibizov V.V. Promotion of sabotage activities and organization of a sabotage community (Articles 281.1, 281.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) as varieties of special types of organization, incitement and complicity in criminal activity: on the question of the justification of regulation. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2023, no. 10, pp. 42–45. (In Russ.).
10. Shelpakov V.A. Topical issues of defining the concepts of Nazi paraphernalia and symbols in the legislation of the Russian Federation. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, 2023, no. 4 (38), pp. 212–216. (In Russ.).
11. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of January 9, 2023 in case No. 45-AD22-37-K7. *Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tant Plyus"* [Access from the Consultant Plus reference legal system]. (In Russ.).
12. *Poyasnitel'naya zapiska k Zakonoproektu No. 390402-7 "O vnesenii izmenenii v stat'yu 20.3 Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh"* [Explanatory Note to Draft Law No. 390402-7 "On Amendments to Article 20.3 of the Code of Administrative

Offences of the Russian Federation”]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/390402-7?ysclid=m2uw4qxxra225641717> (accessed September 12, 2024).

13. Borovikov V.B., Borovikova V.V. On some aspects of criminal law policy in the field of security of the Russian Federation. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2022, vol. 15, no. 6, pp. 176–181. (In Russ.).

14. Brandt Ya.A. Problems of law enforcement of an article providing for criminal liability for cooperation on a confidential basis with a foreign entity. In: *Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika: sb. st. po materialam X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Criminal policy and law enforcement practice: collection of articles based on the materials of the X International scientific and practice conference]. Saint Petersburg, 2023. Pp. 345–347. (In Russ.).

15. Verbovaya O.V. On the issue of delineation of crimes provided for in Articles 275 and 275.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. In: Ivushkina O.V., Udilov T.V. (Eds.). *Problemy sovremennoi ugolovnoi politiki: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (posvyashchennoi 305-letiyu rossiiskoi politsii)* [Problems of modern criminal policy: materials of the international scientific and practice conference (dedicated to the 305th anniversary of the Russian police)]. Irkutsk, 2023. Pp. 14–145. (In Russ.).

16. Kulev A.G. Public calls for the implementation of actions aimed at violating the territorial integrity of the Russian Federation: issues of regulation. In: *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v 21 veke: materialy XII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Criminal law: development strategy in the 21st century: materials of the XII International scientific and practice conference]. Moscow, 2015. Pp. 423–426. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА УТОРОВА – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, tatianautorova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9625-7270>

ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА КОЛПАКОВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, kolpackova.liudmila1975@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9937-8462>

TAT'YANA N. UTOROVA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia, tatianautorova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9625-7270>

LYUDMILA A. KOLPAKOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia, kolpackova.liudmila1975@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9937-8462>

Статья поступила 01.10.2024

Научная статья

УДК 343.9

doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.022

Криминогенные факторы самоуправства

ЮРИЙ АСКЕРОВИЧ ХАГУР

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия,
hagur.ura@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются общеуголовные причины и условия преступности, определяются их роль и значение при самоуправстве. Сделан вывод о влиянии общеуголовных детерминант преступности на совершение самоуправства, которое является либо способом разрешения социального конфликта, либо этапом в достижении других общественно опасных целей.

Ключевые слова: криминология; преступность; самоуправство; факторы самоуправства; причины самоуправства; условия самоуправства; детерминанты самоуправства.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Хагур Ю. А. Криминогенные факторы самоуправства // *lus publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2024. № 4 (28). С. 177–181. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.022.

Original article

Criminogenic Factors of Arbitrariness

YURII A. KHAGUR

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, Russia, hagur.ura@mail.ru

Abstract. The article analyzes common causes and conditions of crime, determines their role and importance in arbitrariness. The conclusion is made about the influence of ordinary determinants of crime on arbitrariness, which is either a way to resolve a social conflict, or a stage in achieving other socially dangerous goals.

Keywords: criminology; crime; arbitrariness; arbitrariness factors; arbitrariness causes; arbitrariness conditions; arbitrariness determinants.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Khagur Yu.A. Criminogenic factors of arbitrariness. *lus publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 4 (28), pp. 177–181. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.022.

Криминологическое исследование преступности в целом, отдельных ее видов или конкретных преступлений предполагает анализ причин и условий, вызывающих это негативное социальное явление, присущее человечеству. Правильное и максимально точное определение основных факторов, обуславливающих совершение преступлений, является предпосылкой для реализации основной практической цели науки криминологии – вырабатки эффективных мер предупреждения преступности.

В порядке методологической оговорки следует отметить, что в криминологии обращается внимание на современную тенденцию замены терминов «причины» и «условия» преступности обобщающим обозначением «факторы преступности». При таком подходе меньше уделяется внимания разграничению соответствующих обстоятельств на причины и условия, одновременно при более глубоком изучении криминогенных факторов преступности [1]. Не вдаваясь в дискуссии относительно обозначенных терминологических установок, полагаем возможным обратиться к рассмотрению результатов исследования существа обозначенного вопроса применительно к отдельному виду преступлений – самоуправству.

Детерминанты данного типа криминального поведения имеют системный характер и представлены причинами и условиями социального, экономического, политического, психологического порядка. Причем соответствующие обстоятельства имеют специфичный характер, обусловленный социально-правовой природой криминального самоуправства.

Соответствующие общеуголовные факторы преступности, связанные с социально-экономическими и политическими процессами, безусловно, влияют на распространение случаев самоуправства. Однако в сравнении, например с хищениями, самоуправство находится в меньшей зависимости от уровня материального благополучия населения. Корысть, корыстный мотив зачастую выступает движущей силой для лиц, совершающих самоуправство, но не является доминирующим. В этой связи уровень экономического благосостояния населения лишь косвенно влияет на факты совершения самоуправства.

Другое дело фактор в виде социального неравенства и имущественного расслоения. Поскольку криминальное самоуправство представляет собой способ неправового разрешения конфликта, подобные обстоятельства, порождающие или стимулирующие конфликтность как социальное неравенство и имущественное расслоение, нередко детерминируют самоуправство. В данном случае самоуправство может быть противопоставлено праву сильного, ответом на социальную несправедливость.

Более того, результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что именно нарушение принципов социальной справедливости в различных его проявлениях выступает одним из ведущих факторов, обуславливающих самоуправные действия в нарушение закона. На такое преступление часто идут люди, доведенные до отчаянья неправомерными действиями чиновников, неправосудными решениями, бездействием представителей власти.

Социальное расслоение общества также может детерминировать и самоуправное поведение, в нарушение закона стороной, преобладающей в социальном неравенстве. Имеют место случаи, когда виновные в самоуправстве действовали, будучи уверенными в своей безнаказанности и вседозволенности. Самоуправство представляет собой криминальный вариант злоупотребления правом [2].

Особое значение в контексте рассмотрения криминогенных факторов самоуправства имеют такие социальные, культурные и психологические аспекты, которые отражаются на уровне правосознания граждан. Как свидетельствуют результаты анализа материалов уго-

ловных дел, ряд случаев совершения самоуправства обусловлен элементарным незнанием и непониманием недопустимости реализации предполагаемого права любыми методами, несмотря на сопротивление другой стороны. Например, когда займодавцы получают причитающееся им имущество против воли заемщика. Подобные ситуации не образуют признаков хищения, но часто подлежат уголовно-правовой оценке в качестве самоуправства. Низкий уровень правосознания лишает возможности понять установленные законом пределы правомерного поведения, недопустимость произвольного изъятия имущества у собственника против или помимо его воли.

Криминогенным фактором самоуправства выступают и некоторые социально-политические обстоятельства. В частности, существующий уровень бюрократии государственного аппарата нередко выступает причиной для противоправного самоуправного поведения. Необходимость ожидания ответа от компетентных органов в течение длительного времени. Затягивание сроков проведения разбирательств по гражданским и административным делам, высокие размеры государственных пошлин для обращения в суд по ряду категорий дел – все это предопределяет условия для выбора некоторыми незаконопослушными гражданами криминального пути разрешения социального конфликта.

Особенностью самоуправства, запрещенного уголовным законом, выступает наличие насилия в квалифицированном его виде (ч. 2 ст. 330 УК РФ). И в этом ракурсе имеют значение многие факторы, связанные с насильственной преступностью. Ведь низкого уровня правосознания или наличия социального конфликта может быть недостаточно для решимости применить насилие в ходе самоуправных действий. В таких случаях существенное значение приобретают социально-психологические, культурно-нравственные аспекты. Склонность к насилию зависит от семейного круга, воспитания, социального окружения, а также личностных психологических состояний и установок.

В юридической литературе отмечается, что одним из криминогенных факторов насильственной преступности является пропаганда жестокости и насилия [3; 4]. И когда «трансляция» допустимости достижения целей насильственным путем накладывается на сложившийся социальный конфликт, то это, при стечении других необходимых обстоятельств, приводит к негативному эффекту, выражающемуся в том числе в самоуправстве с применением насилия.

Применительно к насильственной преступности установлена взаимосвязь динамики численности осужденных с количественными показателями насильственной преступности [5].

И эти тенденции отражаются и на случаях самоуправства, совершенного насильственным способом. Речь идет о лицах, освободившихся из мест лишения свободы. Увеличение количества таких лиц приводит к росту числа совершаемых насильственных преступлений, и определенная корреляция прослеживается и с насильственными случаями совершения самоуправства.

В современных условиях, когда фиксируется увеличение количества освобождаемых из мест лишения свободы, следует ожидать соответствующего роста фактов самоуправства, в том числе и насильственного.

В продолжение вопроса о лицах, освобождаемых из мест лишения свободы, необходимо отметить, что они редко становятся на путь исправления, о чем свидетельствует официальный уровень рецидива преступлений. Это особенно присуще насильственным преступникам, для которых насилие становится единственно приемлемым способом разрешения многих социальных конфликтов.

Проблема насильственных преступлений часто связывается с социально-психологическим неблагополучием населения, в том числе на личностном уровне. Факторами, способствующими распространению психологических проблем, иногда могут выступать случаи участия в военных действиях, вооруженных конфликтах. И при отсутствии должной психологической реабилитации возможно распространение случаев насильственных способов разрешения имеющихся социальных конфликтов.

В современных условиях самоуправство зачастую выступает элементом или этапом других противоправных деяний, таких, например, как рейдерство [6, с. 175; 7, с. 23], криминальное поведение коллекторов [8] и т. п.

Как свидетельствуют результаты исследования материалов судебной практики, такое явление, как рейдерство, не осталось уделом «лихих» 1990-х гг., а имеет определенное распространение и в наши дни. Конечно, приемы и способы захвата хозяйствующих субъектов, раздела сфер влияния сегодня имеют уже более изощренный характер. Однако такие противоправные переделы собственности часто сопровождаются фактами криминального самоуправства. Лица, причастные к совершению подобных преступлений, нередко делают выбор в пользу такого варианта поведения, понимая его превосходящую итоговую экономическую целесообразность.

Несмотря на значительные усилия последних лет, направленные на искоренение криминального поведения коллекторов, данное общественно опасное явление еще имеет место быть. В погоне за результативностью мероприятий по взысканию просроченной задолженности фиксируются случаи самоуправства со стороны взыскателей.

В заключение необходимо сделать основные выводы:

1) криминогенные факторы самоуправства имеют двойственную природу: с одной стороны, самоуправство во многом обуславливается общеуголовными причинами и условиями совершения преступлений, а с другой – имеет собственную специфику, предопределенную социально-правовой природой самоуправства;

2) поскольку самоуправство является способом разрешения сложившегося социального конфликта или путем злоупотребления правом, особенное значение в контексте определения криминогенных факторов самоуправства имеют причины возникновения социальных конфликтов и противоречий, которые могут быть вызваны социальным неравенством, забюрократизированностью чиновничества, неповоротливостью механизмов правового разрешения конфликтов;

3) специфичным фактором, обуславливающим случаи совершения самоуправства, является то, что данное преступление может быть элементом или способом достижения других противоправных целей – рейдерского захвата, неправомерных действий коллекторов и др.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дугенец А. С., Тищенко Ю. Ю., Самойлова А. А. К вопросу о значении детерминации и причинности в преступности // Российский следователь. 2022. № 6. С. 45–48.
2. Гузеева О. С. Конституционные основы уголовной ответственности за злоупотребление правами и свободами // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 1. С. 133–152.
3. Сергеев П. В. Информационные детерминанты насилия против личности и превентивная функция права // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 3. С. 81–88.
4. Клочкова А. В. Пропаганда насилия и жестокости в средствах массовой информации (криминологический аспект) // Культура: управление, экономика, право. 2006. № 4. С. 2–7.

8. Корнакова С. В., Осипова М. А. Преступления, совершаемые сотрудниками коллекторских агентств в отношении должников и их родственников // Законность. 2023. № 12. С. 36–40.
7. Лопашенко Н. А. Рейдерство // Законность. 2007. № 4. С. 23.
5. Скифский И. С. Социальные факторы насильственной преступности в России // Российский юридический журнал. 2011. № 6. С. 102–109.
6. Федоров А. Ю. Рейдерство и корпоративный шантаж (организационно-правовые меры противодействия) : моногр. М., 2010. 480 с.

REFERENCES

1. Dugenets A.S., Tishchenko Yu.Yu., Samoilova A.A. On the importance of determination and causality in crime. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2022. № 6. S. 45–48.
2. Guzeeva O.S. Constitutional framework of criminal liability for abuse of rights and freedoms. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2021, no. 1, pp. 133–152. (In Russ.).
3. Sergeev P.V. Informational determinants of violence against person and the preventive function of law. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2024, no. 3, pp. 81–88. (In Russ.).
4. Klochkova A.V. Propaganda of violence and cruelty in the mass media (criminological aspect). *Kul'tura: upravlenie, ekonomika, pravo = Culture: Management, Economics, Law*, 2006, no. 4, pp. 2–7. (In Russ.).
8. Kornakova S.V., Osipova M.A. Crimes committed by employees of collection agencies against debtors and their relatives. *Zakonnost' = Legality*, 2023, no. 12, pp. 36–40. (In Russ.).
9. Lopashenko N.A. Raiding. *Zakonnost' = Legality*, 2007, no. 4, p. 23. (In Russ.).
5. Skifskii I.S. Social factors of violent crime in Russia. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Journal of Law*, 2011, no. 6, pp. 102–109. (In Russ.).
6. Fedorov A.Yu. *Reiderstvo i korporativnyi shantazh (organizatsionno-pravovye меры protivodeistviya): monogr.* [Raiding and corporate blackmail (organizational and legal measures of counteraction): monograph]. Moscow, 2010. 480 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЮРИЙ АСКЕРОВИЧ ХАГУР – адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России, Краснодар, Россия, hagur.ura@mail.ru

YURII A. KHAGUR – Adjunct at the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, Russia, hagur.ura@mail.ru

Статья поступила 08.10.2024

Научная статья

УДК 34(343)

doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.023

Проблемы использования категории интеллектуальная собственность в уголовном законодательстве

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЦИРИК

Вологодская коллегия адвокатов «Стандарт», Вологда, Россия

Аннотация. В статье с позиции правоприменения рассматриваются проблемы использования категории «интеллектуальная собственность» в уголовном законодательстве. На основании анализа различных источников права делается вывод об отсутствии единого понятийного аппарата по исследуемому вопросу. Понятие «интеллектуальная собственность» трактуется неоднозначно, приводится авторское определение рассматриваемого явления для целей уголовного законодательства.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; интеллектуальная деятельность; уголовно-правовая охрана; охрана интеллектуальных прав; категории интеллектуальной собственности.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Цирик С. В. Проблемы использования категории «интеллектуальная собственность» в уголовном законодательстве // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2024. № 4 (28). С. 182–185. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.023.

Original article

Problems of Using the Category of Intellectual Property in Criminal Law

SERGEI V. TSIRIK

Vologda Bar Association “Standard”, Vologda, Russia, advokat_vologda@mail.ru

Abstract. The article considers problems of using the category of “intellectual property” in criminal legislation from the perspective of law enforcement. Based on the analysis of various sources of law, it is concluded that there is no single conceptual framework on the issue under study. The concept of “intellectual property” is interpreted ambiguously and the author’s definition of the phenomenon in question for the purposes of criminal law is presented.

Keywords: intellectual property; intellectual activity; criminal law protection; protection of intellectual rights; categories of intellectual property.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Tsirik S.V. Problems of using the category of intellectual property in criminal law. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 4 (28), pp. 182–185. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.023.

На сегодняшний день отечественное законодательство в области интеллектуальной деятельности не представляет собой последовательную систему, а содержит целый ряд пробелов и противоречий. Дефинитивные нормы, входящие в него, в большинстве своем являются принадлежностью различных предметных областей законодательства и не всегда обеспечивают надлежащее правовое регулирование этого вида отношений [1, с. 3].

Охрана интеллектуальной собственности в Российской Федерации предусмотрена ч. 1 ст. 44 Конституции Российской Федерации. Защита интеллектуальных прав представляет собой комплексные меры в сфере восстановления или признания прав, а также защиту интересов правообладателей в случае нарушения их прав или при возникновении спорных вопросов.

Существование уголовно-правовой охраны прав интеллектуальной собственности исторически обусловлено и необходимо в настоящее время [2]. В. Н. Некрасов в своем диссертационном исследовании отмечает, что содержание уголовно-правовой охраны заключается в недопущении причинения охраняемым объектам вреда, определенного уголовным законом, в том числе путем пресечения преступных деяний и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности [3, с. 25].

УК РФ предусматривает охрану авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ), изобретательских и патентных прав (ст. 147 УК РФ), средств индивидуализации товаров, работ, услуг (ст. 180 УК РФ), а также коммерческой тайны (ст. 183 УК РФ). В то же время УК РФ не содержит официально закрепленной терминологии в сфере интеллектуальных прав. В связи с этим полагаем необходимым обратить внимание на определения, содержащиеся в иных источниках.

Большой юридический словарь определяет понятие «интеллектуальная собственность» как собирательное, означающее совокупность исключительных прав на результаты творческой деятельности и средства индивидуализации и охватывающее права, относящиеся к литературным, художественным и научным произведениям, исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радио- и телевизионным передачам, изобретениям, промышленным образцам, товарным знакам, фирменным наименованиям и т. п. [4, с. 25].

В экономическом толковом словаре «интеллектуальная собственность» определена как право частной собственности на идеи. Оно может принимать форму авторских прав, где материал в виде книг или музыки может копироваться лишь с разрешения владельца авторских прав, который имеет право потребовать плату за это; или патентов, где процессы или дизайн товара могут быть использованы лишь с разрешения владельца патента, который может потребовать покупку лицензии. Подобные права собственности первоначально принадлежат авторам, изобретателям или их работодателям, но они могут быть куплены и проданы [5].

На официальном сайте Всемирной организации интеллектуальной собственности указано, что интеллектуальная собственность – это творения человеческого разума: изобретения, литературные и художественные произведения, образцы, символы, названия и изображения, используемые в коммерческих целях [6].

Изучение доктринальных источников права показывает, что на сегодняшний день отсутствует единое понимание анализируемого термина.

Кроме того, наблюдается существенное различие в подходах к определению «интеллектуальной собственности» в иностранных и отечественных источниках. Так, зарубежные авторы характеризуют интеллектуальную собственность исходя из ее экономической и правовой сущности, делая акцент на категории «собственность» и «имущество» [7, с. 57]

Необходимо также отметить, что и на федеральном уровне имеются противоречия между различными законодательными актами. Так, например, в подп. 4 п. 1 ст. 309 Налогового кодекса Российской Федерации указаны «права на объекты интеллектуальной собственности», что не соответствует формулировке ст. 1226 ГК РФ «Интеллектуальные права». Приведенный пример показывает, что законодательство в сфере интеллектуальной собственности до настоящего времени не структурировано, а нормативно-правовые акты не согласованы между собой.

Последствием сложившейся ситуации является непонимание правоохранительными органами содержания и особенностей интеллектуальной собственности, что сказывается на эффективности уголовно-правовой охраны в данной сфере отношений.

Помимо рассмотренной выше проблемы существуют трудности при определении объекта защиты в уголовном судопроизводстве. В ст. 2 УК РФ перечислены объекты уголовно-правовой охраны. Действие данной статьи распространяется на весь УК РФ, в связи с чем представляется, что в данной статье должен быть приведен исчерпывающий перечень объектов, подлежащих уголовно-правовой охране. Однако общественные отношения в сфере интеллектуальной собственности в перечень объектов, указанных в ч. 1 ст. 2 УК РФ, не вошли.

Регулятивный потенциал ст. 2 УК РФ выглядит недостаточным применительно к конкретизации задач уголовного права. Перечень объектов в ч. 1 ст. 2 УК РФ является весьма общим.

П. А. Филиппов вносил предложение о введении понятия «интеллектуальная собственность» в уголовный закон с целью наиболее точного отражения объекта преступления против авторского права, смежных прав и незаконного использования товарного знака, а именно в наименование обособленного раздела УК РФ, посвященного преступлениям против прав интеллектуальной собственности.

На наш взгляд, для устранения недостатков, присущих ч. 1 ст. 2 УК РФ, необходимо включить общественные отношения в сфере интеллектуальной собственности в качестве объекта уголовно-правовой охраны.

При этом под понятием «интеллектуальная собственность» для целей уголовного законодательства можно понимать совокупность исключительных, личных неимущественных и иных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации.

Резюмируя сказанное, стоит отметить следующее:

- во-первых, вследствие того, что в теории права отсутствует единый понятийный аппарат по исследуемому вопросу, понятие «интеллектуальная собственность» трактуется неоднозначно, разработано авторское определение рассматриваемого явления для целей уголовного законодательства;

- во-вторых, ввиду того, что действие ч. 1 ст. 2 УК РФ, являющейся родовой нормой, распространяется на весь УК РФ, в нее в качестве объекта уголовно-правовой охраны необходимо включить общественные отношения в сфере интеллектуальной собственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Интеллектуальная собственность в терминах, понятиях и определениях федерального законодательства: словарь-справочник / под общ. ред. Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации С. М. Миронова. М., 2008. 104 с.
2. Филиппов П. А. Уголовно-правовая защита права интеллектуальной собственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
3. Некрасов В. Н. Уголовно-правовая охрана общественных отношений в сфере инновационной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. Вологда, 2022. 474 с.
4. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. 703 с.
5. Блэк Дж. Экономика. Толковый словарь. М., 2000. 829 с.
6. Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности. URL: <https://www.wipo.int/about-ip/ru/> (дата обращения: 10.03.2024).
7. Бушуева А. И. Сущность интеллектуальной собственности // Экономика и бизнес. 2019. № 12-1 (58). С. 56–58.

REFERENCES

1. *Intellectual'naya sobstvennost' v terminakh, ponyatiyakh i opredeleniyakh federal'nogo zakonodatel'stva: slovar'-spravochnik* [Intellectual property in terms, concepts and definitions of federal legislation: dictionary]. Ed. by Mironov S.M. Moscow, 2008. 104 p.
2. Filippov P.A. *Ugolovno-pravovaya zashchita prava intellektual'noi sobstvennosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal law protection of intellectual property rights: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2003.
3. Nekrasov V.N. *Ugolovno-pravovaya okhrana obshchestvennykh otnoshenii v sfere innovatsionnoi deyatel'nosti: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Criminal law protection of public relations in the field of innovation: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Vologda, 2022. 474 p.
4. Bol'shoi yuridicheskii slovar' [Big legal dictionary]. Ed. by Sukharev A.Ya., Krutskikh V.E. Moscow, 2003. 703 p.
5. Black J. *Ekonomika. Tolkovyi slovar'* [Economics. Explanatory dictionary]. Moscow, 2000. 829 p.
6. *Ofitsial'nyi sait Vsemirnoi organizatsii intellektual'noi sobstvennosti* [Official website of the World Intellectual Property Organization]. Available at: <https://www.wipo.int/about-ip/ru/> (accessed March 10, 2024).
7. Bushueva A.I. The essence of intellectual property. *Ekonomika i biznes = Economics and Business*, 2019, no. 12–1 (58), pp. 56–58. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЦИРИК – адвокат, председатель совета Вологодской коллегии адвокатов «Стандарт», Вологда, Россия, advokat_vologda@mail.ru

SERGEI V. TSIRIK – Lawyer, Chairman of the Board at the Vologda Bar Association “Standard”, Vologda, Russia, advokat_vologda@mail.ru

Статья поступила 05.11.2024

Научная статья

УДК 349.2

doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.024

Стимулирование работников к добросовестному труду: проблемы правового регулирования и пути решения

КСЕНИЯ АНДРЕЕВНА МОЛОДОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, arsenic28072015@gmail.com

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА КОНДРАТОВСКАЯ

Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия, Swetoc76@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4647-1846>

ДАНИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ САВИНОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, savinovdanil2003@yandex.ru

Аннотация. В статье проведен анализ действующего трудового законодательства России в части порядка применения мер поощрения и взыскания работников, а также сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования поощрений и взысканий в трудовых отношениях.

Ключевые слова: труд; дисциплина труда; меры поощрения; премия; дисциплинарные взыскания.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Молодова К. А., Кондратовская С. Н., Савинов Д. В. Стимулирование работников к добросовестному труду: проблемы правового регулирования и пути решения // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 4 (28). С. 186–192. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.024.

Original article

Encouraging Employees to Work in Good Faith: Problems of Legal Regulation and Solutions

KSENIYA A. MOLODOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, arsenic28072015@gmail.com

© Молодова К. А., Кондратовская С. Н., Савинов Д. В., 2024

SVETLANA N. KONDRATOVSKAYA

North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia, Swetoc76@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-4647-1846>

DANIL V. SAVINOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, savinovdanil2003@yandex.ru

Abstract. The article analyzes current labor legislation of Russia in terms of the procedure for applying rewards and penalties to employees, as well as formulates proposals for improving legal regulation of rewards and penalties in labor relations.

Keywords: labor; labor discipline; incentive measures; bonus; disciplinary penalties.

5.1.3. Private law (civil law) sciences.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Molodova K.A., Kondratovskaya S.N., Savinov D.V. Encouraging employees to work in good faith: problems of legal regulation and solutions. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 4 (28), pp. 186–192. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.024

Социально-трудовая сфера – основная сфера жизнедеятельности человека. Она охватывает, прежде всего, сферу труда и все, что с ней связано [1]. В нее входит конкретный круг субъектов, между которыми строятся трудовые отношения: работник и работодатель, рабочие и руководители, служащие и начальники. Их взаимодействие порождает не только трудовые, но и иные отношения: социальные, экономические, правовые и т. д., которые определяют совокупность явлений и процессов, регулируемых трудовым законодательством. Общая теория права связывает правоотношение с действием нормы права и определяет его как урегулированное нормой права общественное отношение. Значит, правовые отношения в трудовом праве – это урегулированные трудовым законодательством отношения и производные от них, тесно связанные с ними отношения. При этом все отношения между субъектами трудового права по поводу их прав и обязанностей, которые образуются в трудовой сфере, уже внутри себя реализуют нормы трудового законодательства [2]. Если говорить о трудовых отношениях, опираясь на законодательство, то в соответствии со ст. 15 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ) они представляют собой отношения, предусматривающие соглашение между работником и работодателем, которое заключается в личном выполнении работником за денежное вознаграждение определенных функций в интересах работодателя, а также при его управлении и контроле. При этом работник должен соблюдать правила внутреннего трудового распорядка при условии, что работодатель будет выполнять свои обязанности, предусмотренные трудовым законодательством, в частности при соблюдении условий труда.

Анализируя данный термин, можно сделать вывод об основной сути данных отношений, а именно о выполнении определенной соглашением работы, стимулятором выполнения которой будет денежная сумма. Иными словами, работник обязан выполнять трудовую функцию качественно, добросовестно и сугубо в интересах работодателя или организации, в которой числится работник, за установленную плату.

То, насколько работники ответственно относятся к своим трудовым обязанностям, определяет количество произведенной продукции, оказанных услуг, выполненных работ, то есть то, из чего строится эффективность трудовой деятельности организации, или, другими словами, производительность труда.

Из этого можно сделать вывод, что повышение производительности труда дает возможность организации увеличить объемы производства, а значит, и прибыль, качество, конкурентоспособность. Именно рост производительности труда является основой развития экономики страны и становится толчком для появления новых научных разработок, прорывных технологий [3].

В современном мире качественное выполнение работником своей трудовой функции не может обеспечить одна лишь заработная плата. Для достижения организацией целей своей деятельности руководству необходимо предпринять меры для повышения эффективности деятельности сотрудников при их максимальной загрузке в трудовой деятельности. Иными словами, разработать систему мотивации и стимулирования.

Мотивация изначально касается внутреннего мира человека, его потребностей, интересов. Задача руководителя в управлении мотивацией достаточно сложная и распространенная. Руководитель должен работника заинтересовывать самой задачей [1].

Стимулирование – это более простой процесс внешнего воздействия на сотрудника с целью получить от него результат или выполнение какой-то части работы. Оно не требует глубокого изучения своих сотрудников, необходимо лишь знать «образец», ведь у всех есть свои физиологические, социальные и иные потребности. Даже происхождение самого слова «стимул» от латинского названия палки, которой погоняли рабочий скот, говорит о его содержании. В теории стимулирование – это дополнительный инструмент для управления персоналом. Но на практике он часто становится основным, а то и единственным [4].

Трудовое законодательство имеет в себе как стимулы побуждения к каким-либо действиям, так и обратные, предупреждающие. Они перечислены в ст. 191 и 192 ТК РФ.

В качестве поощрений перечисляют такие виды, как благодарность, премия, ценный подарок, почетная грамота, представление к званию лучшего по профессии. Закон не ограничивает перечень, то есть он остается открытым, и работодатель может использовать и новые способы поощрения, регламентировав их правилами внутреннего трудового распорядка, уставами, положениями о дисциплине или коллективным трудовым договором.

Все-таки стоит уделить внимание термину «премия» как самому часто встречающемуся виду поощрений в реальности, и вследствие чего к нему проявляется повышенное внимание как со стороны работодателей, так и со стороны работников.

Нормативные правовые акты, регулирующие трудовые отношения, не дают правового определения данному виду поощрения. Статья 129 ТК РФ лишь говорит о том, что премия является стимулирующей выплатой, что свидетельствует о ее конкретно денежном характере. Но в таком случае возникает вопрос о цели премии. В каких случаях работодатель должен применить именно ее? Законодательный подход к трактованию премии не дает четкого понимания сути данного явления, тем самым оставляя это на усмотрение работодателя, что, в свою очередь, образует возможность для него интерпретировать премию для собственной выгоды или же игнорировать данный вид меры поощрения работника.

Д. Э. Каримова под премией понимает одну из форм поощрения работников, добросовестно исполняющих трудовые обязанности [5].

Е. В. Дорожкина утверждает, что универсального определения нет, хотя, анализируя работы иных авторов, можно увидеть взаимосвязь в употреблении следующих терминов:

«материальное стимулирование», «форма поощрения», «вознаграждение», «денежная сумма» [6].

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что есть необходимость определить понятие «премия» в трудовом законодательстве.

На наш взгляд, под премией понимается денежная выплата работнику, являющаяся стимулом к качественному и добросовестному труду. Но кто определяет качественность произведенных работ? Если на производстве можно оценивать работника по количественным характеристикам его работы или временным, то как быть с теми типами работ, которые имеют интеллектуальный характер и результат работ которых не имеет материального основания. В таком случае оценивание будет иметь слишком субъективный характер. Работодатель, посчитав работника недостойным премии, лишит его последней, а работник, имея другое мнение, может обжаловать решение в суде. Например, как следует из материалов дела № 33-18979, приказом начальника цеха работник был лишен премии за отсутствие на рабочем месте в течение трех с половиной часов, при этом он не учитывал причины отсутствия. Работник заранее выполнил план и, получив разрешение, уехал помогать своей супруге и ухаживать за ребенком. Суд указал на несоразмерность воздействия и на то, что причины не являются неуважительными. Определением Московского областного суда от 07.10.2010 суд удовлетворил иски о признании незаконным приказа о лишении премии.

Таким образом, законодательство оставляет открытым вопрос о понятии премии и порядке ее назначения работникам, тем самым порождая неоднозначность подходов.

В качестве опосредованных мер поощрения к добросовестному труду необходимо говорить о дисциплинарных взысканиях. Если обратиться к ст. 192 ТК РФ, то можно убедиться в том, что законодатель закрепил не только меры поощрения, но и меры взыскания, которые может применить работодатель при совершении его подчиненными дисциплинарных проступков, то есть неисполнении или ненадлежащем исполнении работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей. Взысканиями являются замечание, выговор и увольнение по соответствующим основаниям. В отличие от поощрений законодатель прописывает четкий порядок применения взысканий, нарушение которого недопустимо. Целью применения дисциплинарных взысканий и поощрений, выступает стимулирование работников к добросовестному и качественному труду и предупреждение их о ненадлежащем исполнении своих трудовых обязанностей. Такого мнения придерживаются С. В. Осипова и С. Д. Коршунова. Каждый работодатель стремится построить работу в своей организации максимально эффективно и результативно, при четком соблюдении дисциплины труда его подчиненными.

Согласно ст. 189 ТК РФ под дисциплиной труда понимается обязательное для всех работников подчинение правилам поведения, закреплённым как в самом ТК РФ, так и в иных федеральных законах, коллективных договорах и других источниках. Однако часто возникают ситуации, когда работники уклоняются от выполнения своих обязанностей или иным образом нарушают трудовое законодательство [7].

Дисциплинарное взыскание считается наложенным в течение года. Значит работник считается подвергнутым наказанию целый год с риском быть наказанным еще строже. Но оно может быть снято: по инициативе работодателя, по просьбе самого работника, его непосредственного руководителя или представительного органа работников. Тем не менее решение опять лежит на самом работодателе, что вновь говорит о субъективном характере принятого решения, ведь точный порядок и основания снятия взыскания в ТК РФ не урегулированы.

Исходя из вышесказанного, при организации своей деятельности работодатель применяет системы мер поощрения и дисциплинарных взысканий для эффективной работы работников и достижения ими поставленных целей. Но открытость перечня мер поощрений, недостаточная урегулированность порядка их применения могут в реальности приводить к негативным последствиям и иметь обратный эффект. В связи с этим предлагаем выработать конкретный порядок для применения тех или иных мер поощрения для исключения субъективности их применения. Например, сформировать специальный коллегиальный орган, имеющий полномочия по применению поощрений и взысканий, который будет оценивать каждого работника по определенным критериям, – комиссию по оцениванию работы сотрудника. Для соблюдения прав и законных интересов всех сторон необходимо привлечь как работодателя, так и самого работника или их представителей. Кроме этого, для поддержания объективности и справедливости принятого решения нужно привлечь к работе этого органа должностное лицо, ответственное за финансовую составляющую данного юридического лица, а также непосредственного руководителя работника, по поводу работы которого производится собрание, для дачи характеристики проделанной работы этим работником.

В ходе работы данного органа лица, уполномоченные принимать решение о снятии мер взыскания или применении мер поощрения, должны руководствоваться конкретными критериями оценивания, которые будут законодательно закреплены. Такими критериями могут стать качество проделанной работы, объем проделанной работы, количество потраченного времени на конкретную задачу и т. д. Правовые критерии и коллегиальность решения обеспечат объективность оценки. Решение будет оформляться письменно и предоставляться работнику в течение определенного срока. Также считаем необходимым дать четкое определение понятию «премия» и выработать количественные характеристики для выплаты последней, например не менее определенного процента от оклада.

Таким образом, необходимо понятие «премия» закрепить в ТК РФ в следующей формулировке: это поощрительная выплата, которая является определенной денежной суммой, предоставляемой работнику в качестве стимулирования к добросовестному и качественному исполнению трудовых обязанностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Колмакова И. Д., Колмакова Е. М. Социально-трудовая сфера: тренды нового тысячелетия // Human Progress. 2021. Т. 7, № 3. С. 1–19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-trudovaya-sfera-trendy-novogo-tysyacheletiya> (дата обращения: 29.04.2024).
2. Слышев П. В., Носов О. А. Стороны трудовых правоотношений. Понятие и виды правоотношений сфере трудового права // Экономика и социум. 2018. № 12 (55). С. 1126–1128. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/storony-trudovyh-pravootnosheniy-ponyatie-i-vidy-pravootnosheniy-sfere-trudovogo-prava> (дата обращения: 31.05.2024).
3. Гершанок А. А. Современные возможности и перспективы повышения производительности труда // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 7 (101). С. 47–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-vozmozhnosti-i-perspektivy-povysheniya-proizvoditelnosti-truda> (дата обращения: 31.05.2024).
4. Безматерных А. О. Стимулирование и мотивация: важные отличия // Экономика и социум. 2014. № 4–6 (13). С. 603–605. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stimulirovanie-i-motivatsiya-vazhnye-otlichiya> (дата обращения: 29.04.2024).
5. Каримова Д. Э. Поощрение работников: как оформить премию // Все для бухгалтера. 2011. № 9. С. 46–48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pooschrenie-rabotnikov-kak-oformit-premiyu>. (дата обращения: 29.04.2024).

6. Дорожкина Е. В. Сущность и содержание категории «премирование» // Актуальные вопросы экономических наук. 2013. № 29–1. С. 156–161. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-soderzhanie-kategorii-premirovaniye>. (дата обращения: 29.04.2024).
7. Осипова С. В., Коршунова С. Д. Дисциплинарные взыскания в трудовом праве // Проблемы современной науки и образования. 2019. № 7 (140). С. 51–53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distsiplinarnye-vzyskaniya-v-trudovom-prave>. (дата обращения: 29.04.2024).

REFERENCES

1. Kolmakova I.D., Kolmakova E.M. Social and labor sphere: trends of the new millennium. *Human Progress*, 2021, vol. 7, no. 3, pp. 1–19. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-trudovaya-sfera-trendy-novogo-tysyacheletiya> (In Russ.). (Accessed April 29, 2024).
2. Slyshev P.V., Nosov O.A. The parties of labor relations. The concept and types of legal relations in the field of labor law. *Ekonomika i sotsium = Economics and Society*, 2018, no. 12 (55), pp. 1,126–1,128. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/storony-trudovyh-pravootnosheniy-ponyatie-i-vidy-pravootnosheniy-sfere-trudovogo-prava> (In Russ.). (Accessed May 31, 2024).
3. Gershanok A.A. Modern opportunities and prospects for improving labor productivity. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and Business: Theory and Practice*, 2023, no. 7 (101), pp. 47–51. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-vozmozhnosti-i-perspektivy-povysheniya-proizvoditelnosti-truda> (In Russ.). (Accessed May 31, 2024).
4. Bezmaternykh A. O. Stimulation and motivation: important differences. *Ekonomika i sotsium = Economics and Society*, 2014, no. 4–6 (13), pp. 603–605. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/stimulirovanie-i-motivatsiya-vazhnye-otlichiya> (In Russ.). (Accessed April 29, 2024).
5. Karimova D. E. Encouragement of employees: how to issue a bonus. *Vse dlya bukhgaltera = Everything for an Accountant*, 2011, no. 9, pp. 46–48. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pooschrenie-rabotnikov-kak-oformit-premiyu>. (In Russ.). (Accessed April 29, 2024).
6. Dorozhkina E.V. The essence and content of the category “awarding”. *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk = Actual Issues of Economic Sciences*, 2013, no. 29–1, pp. 156–161. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-soderzhanie-kategorii-premirovaniye>. (In Russ.). (Accessed April 29, 2024).
7. Osipova S.V., Korshunova S.D. Disciplinary penalties in labor law. *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya = Problems of Modern Science and Education*, 2019, no. 7 (140), pp. 51–53. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/distsiplinarnye-vzyskaniya-v-trudovom-prave>. (In Russ.). (Accessed April 29, 2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КСЕНИЯ АНДРЕЕВНА МОЛОДОВА – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, arsenic28072015@gmail.com

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА КОНДРАТОВСКАЯ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Северо-Западного института (филиал) Университета имени О. Е. Кута-

KSENIYA A. MOLODOVA – Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, arsenic28072015@gmail.com

SVETLANA N. KONDRATOVSKAYA – associate professor at the Department of Civil Law and Civil Procedure of the North-Western Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russia,

фина (МГЮА), Вологда, Россия, Swetoc76@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4647-1846>

ДАНИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ САВИНОВ – студент факультета психологии и права Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, savinovdanil2003@yandex.ru

Swetoc76@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4647-1846>

DANIL V. SAVINOV – Student at the Faculty of Psychology and Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, savinovdanil2003@yandex.ru

Статья поступила 06.06.2024

Научная статья

УДК 334.241.8

doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.025

Порядок исполнения судебных решений как объект уголовно-правовой охраны

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА САЛМИНА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, sia1405@mail.ru

Аннотация. Реализация судебной власти выступает необходимым залогом устойчивости и нормального существования государства и общества, соблюдения законности и правопорядка, защиты прав, свобод и законных интересов граждан и иных субъектов правоотношений. Вместе с тем судебная власть – это сложный системный институт, базирующийся на целом комплексе составляющих элементов, отражающих ценностные ориентиры, а также организационные и процессуальные аспекты ее функционирования. В статье рассматривается порядок исполнения судебных решений как объект уголовно-правовой охраны, исследуются его содержание и структура, выявляются существующие уязвимости и определяются пути их устранения либо обеспечения надежной защиты.

Ключевые слова: судебная власть; правосудие; судебные решения; порядок исполнения; уголовно-правовая охрана.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Салмина И. А. Порядок исполнения судебных решений как объект уголовно-правовой охраны // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 4 (28). С. 193–198. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.025.

Original article

A Procedure for the Execution of Court Decisions as an Object of Criminal Law Protection

IRINA A. SALMINA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, sia1405@mail.ru

Abstract. The exercise of judicial power is a necessary guarantee of the stability and normal existence of the state and society, respect for law and order, protection of the rights, freedoms and legitimate interests of citizens and other subjects of legal relations. At the same time, the judiciary is a complex systemic institution based on a whole complex of constituent elements reflecting value orientations, as well

as organizational and procedural aspects of its functioning. The article considers a procedure for the execution of court decisions as an object of criminal law protection, describes its content and structure, identifies existing vulnerabilities and ways to eliminate them or provide reliable protection.

Key words: judicial power; justice; judicial decisions; order of execution; criminal law protection.

5.1.3. Private law (civil law) sciences.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Salmina I.A. A procedure for the execution of court decisions as an object of criminal law protection. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 4 (28), pp. 193–198. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.025.

Любое неисполнение вступившего в законную силу судебного постановления является нарушением закона и влечет за собой установленную законом ответственность. Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» в п. 6 ст. 1 содержит аналогичные положения, дополнительно акцентируя внимание на независимости судебной власти и недопустимости вмешательства в ее деятельность. Это подчеркивает, что обязательность исполнения судебных решений – не просто формальная процедура, а гарантия независимости судей и обеспечения их беспристрастности. Давление на судей с целью повлиять на вынесение решения или его исполнение прямо противоречит принципам правового государства. Механизмы обеспечения исполнения судебных решений достаточно многообразны и включают в себя как меры процессуального принуждения (например, принудительное исполнение решения судебными приставами-исполнителями, меры по обеспечению иска), так и меры ответственности за неисполнение (административные, гражданско-правовые, уголовные санкции). В случае неисполнения решения суда заинтересованное лицо может обратиться в суд с заявлением о принудительном исполнении, а также привлечь к ответственности лиц, виновных в неисполнении.

В соответствии со ст. 13 ГПК РФ, ст. 16 КАС РФ вступившие в законную силу судебные акты (решения, определения, постановления) являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан, организаций и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации. Согласно ст. 210 ГПК РФ решение суда должно быть исполнено после вступления его в законную силу. Таким образом, законная сила решения суда вступает в силу по истечении срока обжалования. Апелляционные жалоба, представление могут быть поданы в течение месяца со дня принятия решения в окончательной форме в порядке, предусмотренном гл. 39 УПК РФ и гл. 34 ГПК РФ. Если обжалуемое решение суда не отменено, решение суда вступает в законную силу после рассмотрения апелляционной жалобы. Если апелляционным определением отменено или изменено решение суда первой инстанции и вынесено новое решение, то оно немедленно вступает в законную силу.

Таким образом, исполнение судебных решений по уголовным делам регулируется УПК РФ (в случае оправдания) или УИК РФ, подзаконными актами.

Исполнение судебных решений может быть двух видов: добровольное и принудительное. От этого зависит и соответствующий порядок.

Вступившее в законную силу судебное решение может быть исполнено по воле должника-ответчика.

Принудительное исполнение регулируется гораздо более детально, что обусловлено, прежде всего, необходимостью регламентировать полномочия, права и обязанности специально уполномоченных на это государственных органов, а также обеспечить права и законные интересы лиц, в отношении которых осуществляется принудительное исполнение, а также иных лиц, участвующих в деле или имеющих определенный интерес (например, членов семьи лица, в отношении которых оно производится).

Таким образом, в общем виде под порядком исполнения судебных решений понимается совокупность регламентированных нормами права процедур и требований к полномочиям, правам и обязанностям субъектов, их исполняющих, а также иных лиц, участвующих в этом процессе.

При этом, если речь идет о гражданском или административном процессе, инициатором принудительного исполнения, как правило, выступает заинтересованная сторона. Если вступившее в законную силу решение суда не исполняется добровольно, заинтересованное лицо (истец – взыскатель) обращается в суд, вынесший решение, с заявлением о выдаче исполнительного листа в соответствии со ст. 428 ГПК РФ и ст. 353 КАС РФ. Исполнительный лист выдается взыскателю лично или по просьбе взыскателя, указанной в заявлении, направляется судом для исполнения в службу судебных приставов ответчика (должника) или по месту нахождения его имущества. Если должником является организация, то оно направляется по юридическому адресу, месту нахождения ее имущества либо юридическому адресу ее представительства или филиала.

В соответствии с Федеральным законом от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Федеральный закон об исполнительном производстве) исполнение судебных решений в гражданском и административном судопроизводстве возложено на Федеральную службу судебных приставов и ее территориальные органы (далее – ФССП России). Исполнительный лист, выданный на основании вступившего в законную силу судебного решения, может быть предъявлен для исполнения в течение трех лет со дня вступления решения в законную силу. Взыскатель представляет в территориальное управление ФССП России исполнительный лист и заявление о принятии исполнительного листа к исполнению, подписанное самим взыскателем или его представителем на основании доверенности. В соответствии с этими документами и Федеральным законом об исполнительном производстве судебный пристав-исполнитель в трехдневный срок возбуждает исполнительное производство и предоставляет должнику срок (пять дней) для исполнения решения суда. Если должник добровольно не исполняет требования, указанные в решении суда и исполнительных документах, судебный пристав принимает меры по принудительному исполнению решения суда, в том числе обращает взыскание на имущество должника и временно ограничивает выезд должника из Российской Федерации. Срок исполнения судебного решения федеральным судьей составляет два месяца. Исполнительное производство может быть окончено при исполнении должником требований исполнительного документа (уплата долга, возврат имущества и т. д.). Следует обратить внимание, что исполнительное производство по подп. 3 п. 1 ст. 47 отличается от исполнительного производства по ст. 46 вышеуказанного закона. Исполнительное производство может быть окончено без исполнения или частичного исполнения, если исполнительный документ возвращен взыскателю по основаниям, указанным в ст. 46 данного закона (например, отсутствие у должника имущества, на которое может быть обращено взыскание).

Исполнение судебного приговора имеет свои особенности исходя из основания его вынесения: а) установления факта совершения преступления и вины подсудимого; б) специфики уголовной ответственности, обуславливающей сочетание принуждения и кары как необходимого эффекта уголовно-правового воздействия; в) особой уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной регламентации, носящей ярко выраженный публично-правовой характер. Так, УПК РФ в разд. XIV «Исполнение приговора» отдельно регламентирует обращение к исполнению приговоров, определений и постановлений (гл. 46 УПК РФ), а также производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора (гл. 47 УПК РФ). Особый порядок исполнения подразумевает и вынесение оправдательного приговора.

Сказанное позволяет заключить, что порядок исполнения судебных решений является довольно обобщенным понятием и имеет свои особенности в зависимости от вида судопроизводства, судебного акта, основания вынесения и, как следствие, отраслевой регламентации. Но как межотраслевой институт в обобщенном виде он может и должен быть воспринят уголовным правом в качестве объекта уголовно-правовой охраны. В нем отражаются все особенности правового регулирования правосудия, фиксируется важный аспект его реализации – обязательность и исполнимость правосудных актов, а следовательно, и гарантии его эффективной реализации.

Здесь уместно согласиться с А. И. Друзиным, указывающим, что правосудие, имея конечной целью восстановление нарушенного правопорядка, само должно осуществляться в строгом соответствии с законом. Процессуальное законодательство через систему правовых гарантий оптимальности судебной деятельности устанавливает строгую схему и оказывает соответствующее властное воздействие на общественные отношения [1, с. 7].

Сказанное дает нам основание перейти к характеристике порядка исполнения судебных решений как объекта уголовно-правовой охраны. Объектом посягательства, как известно, выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу различных социальных благ. Понятие, сущность и содержание этой категории отнюдь не является незыблемым и аксиоматичным в науке уголовного права.

Как отмечает И. В. Дворянсков, категорию «объект» в уголовном праве принято рассматривать, как минимум, в трех аспектах: в качестве объекта уголовно-правовой охраны, элемента состава преступления и объекта реально совершенного преступления. Причем они далеко не всегда совпадают по значению [2, с. 116].

Охраняемым аспектом отношений в сфере правосудия при посягательствах на порядок исполнения судебных решений выступает институциональный принцип обязательности судебных решений. Это означает, что предметом уголовно-правового регулирования должна выступать, во-первых, сама процедура точного и своевременного их исполнения, во-вторых, требования и условия к действиям субъектов соответствующих отношений, а в-третьих, беспрепятственное и законное осуществление обеспечительных мероприятий, в частности в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации.

Принцип обязательности является необходимым условием поддержания высокого авторитета судебной власти, определяет саму возможность ее осуществления и гарантирует достижение целей судопроизводства.

Кроме того, согласно ст. 3 Федерального Конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» путем признания обязательности исполнения на всей территории Российской Федерации судебных постановлений, всту-

пивших в законную силу, обеспечивается единство судебной системы страны. Аналогичные требования содержатся и в других нормативных актах, в частности в п. 6 ст. 1 Закона Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132 «О статусе судей в Российской Федерации», уголовно-процессуальном и гражданско-процессуальном законодательстве и т. д.

Сказанное позволяет определить посягательства на порядок исполнения судебных решений. К таковым, исходя из направленности и механизма причинения вреда охраняемым отношениям (вредоносности), можно отнести:

– незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации (ст. 312 УК РФ);

– неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК РФ).

Согласно Методическим рекомендациям по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 312 Уголовного кодекса Российской Федерации «Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации» (утв. ФССП России 25.04.2012 № 04-7) [3], общественная опасность подобных деяний выражается в том, что они существенно затрудняют или исключают возможность исполнения судебных решений (в исполнительном производстве), возмещения ущерба, причиненного преступлением или иными правонарушениями, а также осуществления конфискации имущества, назначенной по приговору суда.

Что касается неисполнения судебного акта, то механизм причинения преступного вреда этим деянием выражается в воспрепятствовании достижению целей правосудия, снижении его эффективности, подрыве авторитета. Негативные последствия могут заключаться в незаконном освобождении от уголовной ответственности. В отличие от незаконного освобождения от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ), данное преступление совершается не прокурором, следователем или лицом, производящим дознание, а судебными приставами-исполнителями либо сотрудниками уголовно-исполнительной системы в отношении а осужденного.

Данное обстоятельство может косвенно повлечь совершение повторного преступления ввиду фактической безнаказанности виновного.

Совершение данного преступления в гражданском судопроизводстве может привести к ущемлению имущественных и иных прав и интересов физических и юридических лиц, в чью пользу оно было вынесено ранее.

Таким образом, порядок исполнения судебных решений выступает подвидовым объектом системы уголовно-правовых гарантий охраны правосудия. Преступления, выражающиеся в нарушении этого порядка, посягают непосредственно на реализацию принципа обязательности актов судебной власти. Причинение вреда охраняемому объекту может осуществляться несколькими способами: а) посредством нарушения процедуры точного и своевременного их исполнения, б) несоблюдения требований и условий к действиям субъектов соответствующих отношений, в) воспрепятствования законному осуществлению обеспечительных мероприятий, в частности в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Друзин А. И. Воспрепятствование исполнению судебного акта / отв. ред. А. И. Чучаев. Ульяновск, 2001. 181 с.
2. Уголовное право. Общая часть : учеб. / И. В. Дворянсков, Е. А. Антонян, С. А. Боровиков [и др.] ; под ред. д-ра юрид. наук, проф. И. В. Дворянскова. М., 2022. 532 с.

3. Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 312 Уголовного кодекса Российской Федерации «Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации» (утв. Федеральной службой судебных приставов от 25.04.2012 № 04-7) // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2012. № 6.

REFERENCES

1. Druzin A. I. *Vosprepyatstvovanie ispolneniyu sudebnogo akta* [Obstruction of the execution of a judicial act]. Ed. by Chuchayev A.I. Ul'yanovsk, 2001. 181 p.
2. Dvoryanskov I.V., Antonyan E.A., Borovikov S.A. et al. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': ucheb.* [Criminal law. General part: textbook]. Ed. by Dvoryanskov I.V. Moscow, 2022. 532 p.
3. Methodological recommendations for the identification and investigation of crimes provided for in Article 312 of the Criminal Code of the Russian Federation "Illegal actions with respect to property subject to inventory or arrest or subject to confiscation" (approved by the Federal Bailiff Service No. 04-7 of April 25, 2012). In: *Byulleten' Federal'noi sluzhby sudebnykh pristavov* [Bulletin of the Federal Bailiff Service]. 2012. No. 6. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА САЛМИНА – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, sia1405@mail.ru

IRINA A. SALMINA – associate professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, sia1405@mail.ru

Статья поступила 03.10.2024

Научная статья

УДК 341

doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.026

Криминализация экоцида на международном и национальном уровнях

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА КИРИЛОВСКАЯ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, natasha.8172@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9031-5182>

Аннотация. В статье рассматривается проблема криминализации экоцида в международном и национальном праве. Криминализация на международном уровне экоцида как самостоятельного международного преступления имеет длительную историю, начиная со второй половины XX в. и продолжается до сих пор. Отмечается, что здоровая окружающая среда является важнейшим условием существования человечества, для ее защиты важно криминализировать экоцид на международном уровне и установить индивидуальную уголовную ответственность для должностных и частных лиц. Обращается внимание, что при наличии положительных результатов криминализации экоцида на национальном уровне в законодательстве некоторых государств отсутствуют такой состав преступления, общие позиции относительно названия данного преступления, его состава, квалификации и мер наказания. Учитывая, что экоцид наносит серьезный вред окружающей среде и безопасности всего человечества, необходимы его криминализация и унификация на международном и национальном уровнях.

Ключевые слова: экоцид; окружающая среда; Комиссия международного права; международные преступления; военные преступления; преступления против человечности; преступления против мира; Кодекс преступлений против мира и безопасности человечества.

5.1.5. Международно-правовые науки.

Для цитирования: Кириловская Н. Н. Криминализация экоцида на международном и национальном уровнях // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2024. № 4 (28). С. 199–208. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.026.

Original article

Criminalization of Ecocide at International and National Levels

NATAL'YA N. KIRILOVSKAYA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, natasha.8172@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9031-5182>

Abstract. The article deals with the problem of criminalization of ecocide in international and national law. Criminalization of ecocide at the international level as an independent international crime has a long history from the second half of the 20th century and up to date. It is noted that a healthy environment is the most important condition for the existence of mankind. For its protection, it is important to criminalize ecocide at the international level and establish individual criminal liability for officials and individuals. Attention is drawn to the fact that at the national level there are positive results of criminalization of ecocide, but legislation of some states does not contain such a *corpus delicti*, common positions regarding the name of this crime, its composition, qualifications and penalties. Given that ecocide causes serious harm to the environment and the safety of all mankind, its criminalization and unification at the international and national levels are necessary.

Keywords: ecocide; environment; International Law Commission; international crimes; war crimes; crimes against humanity; crimes against peace; Code of Crimes against the Peace and Security of Mankind.

5.1.5. International law sciences.

For citation: Kirillovskaya N.N. Criminalization of ecocide at international and national levels. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2024, no. 4 (28), pp. 199–208. doi 10.46741/2713-2811.2024.28.4.026.

Бережное отношение к окружающей среде, ее защита и сохранение для настоящего и будущего поколений является главной задачей каждого государства и международного сообщества в целом. Сегодня большинство государств признает необходимость защиты окружающей среды путем установления уголовной ответственности за противоправные действия, наносящие ей значительный ущерб.

Первые попытки криминализации деяний, причиняющих вред окружающей среде, на международном официальном уровне были связаны с деятельностью Комиссии международного права (далее – Комиссия) – вспомогательного органа Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. В 1947 г. Комиссия получила запрос от Генеральной Ассамблеи ООН на подготовку проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества (далее – Кодекс) [1]. На тот момент уже действовал Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси от 08.08.1945 (Устав Нюрнбергского трибунала), который регламентировал наказания за преступления против мира, человечности, военные преступления. В данную группу не вошли деяния, причиняющие значительный ущерб окружающей среде, так как акцент в то время был сделан на непосредственной защите человеческой личности [2]. Такая позиция вполне объяснима, так как в 1950-е гг. не было общего понимания необходимости проявлять заботу в отношении природной окружающей среды. Никто в полной мере не осознавал, что может быть причинен ущерб, который невозможно будет восполнить [2]. Все это предопределило работу Комиссии, которая в 1954 г. подготовила первый проект Кодекса, включив в него преступления, кодифицированные в Уставе Нюрнбергского трибунала 1945 г.

Запрос международного сообщества на криминализацию деяний, причиняющих значительный ущерб окружающей среде, возник во второй половине XX в. Связано это было с действиями армии США в войне против Вьетнама. В период с 1961 по 1971 г. армия США массово использовала химические гербициды и дефолианты с целью уничтожения джунглей, в которых прятались партизанские отряды. Очевидно, что это были умышленные дей-

ствия по уничтожению экосистем, которые приводили к массовой гибели живых существ и имели широкомасштабные и долгосрочные негативные последствия. В связи с этим американский профессор-биолог А. В. Галстон охарактеризовал действия американской армии в войне с Вьетнамом как экоцид, понимая под ним массовый ущерб и разрушение экосистемы Вьетнама [3, с. 140]. В 1972 г. на Стокгольмской конференции, посвященной проблемам окружающей среды, премьер-министром Швеции Улофом Пальме впервые был публично использован термин «экоцид» и рассмотрен проект Конвенции об экоциде [3, с. 141].

Дальнейший процесс криминализации экоцида на международном уровне проходил на фоне различных международных мероприятий, посвященных вопросам защиты и охраны окружающей среды, результатами которых стало принятие важных документов, направленных на установление и закрепление ответственности государств за международное противоправное деяние в период вооруженного конфликта, наносящее ущерб окружающей среде, путем предоставления полного возмещения за такой ущерб. Однако установление международно-правовой ответственности государств не снимало с повестки дня вопроса об установлении индивидуальной уголовной ответственности лиц за противоправные действия, причиняющие значительный ущерб окружающей среде. Учитывая международный запрос на международную криминализацию деяний, указанных в 1980-х гг., Комиссия международного права вновь вернулась к рассмотрению проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Назначенный специальный докладчик г-н Дуду Ти-ама предложил дополнить перечень международных преступлений наказуемым деянием в отношении окружающей среды и предложил следующее определение: «тяжкое нарушение международного обязательства, имеющего основополагающее значение для защиты окружающей среды» [2]. В таком виде определение встретило многочисленные возражения со стороны государств и сомнения относительно включения его в группу международных преступлений. С учетом высказанных комментариев и замечаний со стороны государств-членов Комиссия доработала определение и в 1991 г. представила новый проект Кодекса, который включал в перечень международных преступлений наравне с другими военными преступлениями преступление, наносящее значительный ущерб окружающей среде. Статья 26 проекта Кодекса гласила: «Лицо, которое умышленно причиняет или приказывает причинить *широкомасштабный, долгосрочный и серьезный ущерб* окружающей среде, в случае признания его виновным подлежит наказанию» [4]. Однако после прений было принято решение исключить данное деяние из списка военных преступлений и оставить только те преступления, квалификация которых как преступлений против мира и безопасности человечества не вызывает сомнений. Тем не менее в 1996 г. Комиссия международного права создала рабочую группу для изучения возможности включения в проект Кодекса деяний, причиняющих преднамеренный и серьезный ущерб окружающей среде [5]. Рабочая группа рассмотрела этот вопрос на 48-й сессии и предложила Комиссии считать такое преступление либо военным преступлением, либо преступлением против человечности, либо отдельным преступлением против мира и безопасности человечества. Комиссия постановила путем голосования признать деяния, причиняющие значительный ущерб окружающей среде, как военное преступление. Такое решение нашло отражение в ст. 8 Римского статута Международного уголовного суда 1998 г., в которой закреплено, что противоправные действия в отношении окружающей среды, причиняющие обширный, долгосрочный и серьезный ущерб, совершенные в период международного вооруженного конфликта квалифицируются в качестве военного преступления и относятся к юрисдикции

Международного уголовного суда (МУС). Таким образом, криминализация деяний, причиняющих значительный ущерб окружающей среде, подпадающих под юрисдикции МУС, связана с периодом военного времени, в мирное время данные деяния не криминализируются.

Подводя некоторые итоги, можно отметить: во-первых, термин «экоцид» в международных документах не используется; во-вторых, деяния, причиняющие обширный, долгосрочный и серьезный ущерб окружающей среде, не рассматриваются в качестве самостоятельного международного преступления, а квалифицируются как военные преступления, совершенные в период международного вооруженного конфликта.

В настоящее время представителями западных стран осуществляется активная разработка термина «экоцид» в качестве самостоятельного международного преступления [3, с. 145]. В 2021 г. группа международных юристов подготовила и предложила на обсуждение следующее определение экоцида: «незаконные или необоснованные акты, совершенные с осознанием существенной вероятности того, что эти действия могут привести к *серьезному, либо широкомасштабному, либо долгосрочному ущербу* окружающей среде». Под окружающей средой понимают землю, ее биосферу, криосферу, литосферу, гидросферу и атмосферу, а также космическое пространство. При оценке ущерба группа международных юристов предлагает учитывать любую из указанных характеристик. При наличии хотя бы одной характеристики действие будет квалифицировано как экоцид. Так, *серьезный ущерб* предполагает значительные неблагоприятные изменения, нарушения или повреждения любого элемента окружающей среды, включая серьезное воздействие на жизнь людей или природные, культурные или экономические ресурсы; *широкомасштабный ущерб* характеризует действия, выходящие за пределы ограниченного географического района, пересекает границы государств или причиняется ущерб целой экосистеме или видам или большому числу людей; *долгосрочный ущерб* признается в том случае, если исправление путем естественного восстановления в течение разумного периода времени невозможно [3, с. 145]. Экоцид будет считаться международным преступлением независимо от того, совершен он в мирное или в военное время (по аналогии с геноцидом). Предложенная дефиниция нашла поддержку среди западных стран. Учитывая глобальный характер экоцида, разработка его дефиниции должна осуществляться на универсальной площадке путем тесного сотрудничества всех государств и международных организаций, только в этом случае возможна криминализация и универсализация состава экоцида как самостоятельного международного преступления на международном и национальном уровнях.

Таким образом, криминализация экоцида на международном уровне как самостоятельного международного преступления на сегодняшний день не завершена. Следует отметить заинтересованность государств по установлению международной уголовной ответственности за деяния, причиняющие значительный ущерб окружающей среде, осознавая, что здоровая окружающая среда является важнейшим условием существования человечества. В отличие от международного права, криминализация экоцида на национальном уровне имеет положительные результаты: большинство государств включило данное деяние в свое уголовное законодательство; квалифицировало его как преступление против мира и безопасности человечества; признало его в качестве особо тяжкого преступления и предусмотрело сроки наказания более десяти лет лишения свободы.

В Российской Федерации экоцид признается преступлением, квалифицируется как деяние против мира и безопасности человечества, что свидетельствует о серьезности преступления, имеющего глобальный характер. Согласно ст. 358 УК РФ под ним понимается

массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу. Понятие экологической катастрофы нормативно не закреплено в российском законодательстве, однако действуют нормативно-правовые акты, регламентирующие как порядок социальной защиты граждан, подвергшихся воздействию вследствие катастроф [6], так и ряд актов федеральных органов исполнительной власти по порядку определения наличия обстоятельств, характеризующих реальность угрозы возникновения экологических катастроф [7].

Экоцид нашел закрепление в законодательстве многих республик бывшего СССР. Так, например, в уголовных кодексах Казахстана (ст. 169) [8], Кыргызской Республики (ст. 409) [9], Таджикистана (ст. 400) [10], Республики Беларусь (ст. 131) [11], Республики Молдова (ст. 136) [12], Туркменистана (ст. 175) [13], Украины (ст. 441) [14] в разделе, посвященном преступлениям против мира и безопасности человечества, закреплено понятие экоцида. Содержательно оно соответствует российскому законодательству. Как и в УК РФ, в уголовных кодексах указанных стран не уточняется объективная сторона экоцида относительно мирного или военного времени его совершения. Уголовный кодекс Грузии, напротив, закрепляя в ст. 409 экоцид, квалифицируя его как преступление против мира, безопасности человечества и международного гуманитарного права, определяет, что наказание за данное преступление наступает независимо от того, совершен экоцид в мирное или в военное время [15].

В уголовном законодательстве некоторых стран положения по криминализации деяний, причиняющих значительный ущерб окружающей среде, схожи с положениями Римского Статута Международного уголовного суда и закреплены в группе военных преступлений. Так, Уголовный кодекс Эстонии в § 104 в разделе военных преступлений криминализирует деяния, причиняющие *серьезный ущерб окружающей среде* [16]. В уголовных кодексах Республики Армении (ст. 140) [17], Азербайджанской Республики (ст. 116) [18] данные деяния указаны среди прочих военных преступлений: «действия, направленные на причинение *обширного, долгосрочного и серьезного* ущерба окружающей природной среде». Отнесение к группе военных преступлений предполагает их криминализацию исключительно в период военного времени. В отличие от уголовного законодательства Азербайджана и Эстонии в уголовном законодательстве Армении криминализация данного деяния предусмотрена как в период международного, так и немеждународного вооруженного конфликта.

В уголовных кодексах Республики Узбекистан [19], Литвы [20], Латвии [21] не криминализировано преступление «экоцид» или «действия, направленные на причинение обширного, долгосрочного и серьезного ущерба окружающей природной среде». В то же время надо отметить, что Литва и Латвия являются членами Римского Статута МУС, учитывая это, государства-члены обязаны привести свое национальное законодательство в соответствие положениям Римского Статута. Уголовный кодекс Китая также не предусматривает экоцида. Примечательно также то, что, в отличие от уголовного законодательства других стран, Уголовный кодекс Китая не содержит в принципе отдельного раздела, посвященного международным преступлениям. Глава 10 УК Китая «Преступления военнослужащих против воинского долга» предусматривает ряд составов, нарушающих нормы международного гуманитарного права относительно некоторых групп, подлежащих защите со стороны международного права: раненных и больных военнослужащих (ст. 444), военнопленных (ст. 448), гражданского населения (ст. 446) [22].

Уголовное законодательство европейских стран пока не является в этом вопросе унифицированным. Однако ситуация может измениться в связи с принятием 11 апреля 2024 г. Европейским парламентом и Советом Европейского Союза Директивы 2024/1203 о защите окружающей среды посредством уголовного права и замене директив 2008/99/ЕС и 2009/123/ЕС [23], в рамках которой вводятся новые виды экологических преступлений, приравненных к экоциду, но без использования данного термина; ужесточаются наказания за такую группу преступлений; определяется обязанность государств-членов в течение двух лет привести свое национальное законодательство в соответствие положениям директивы, то есть к 2026 г. Неслучайно Бельгия в 2024 г. провела реформу своего уголовного законодательства, на смену действующего пока Уголовного кодекса 1867 г. придет новый документ, отвечающий современным реалиям, который вступит в силу в 2026 г. Новый Уголовный кодекс предусматривает введение экоцида, под которым понимается преднамеренное совершение противоправного деяния, причиняющего *серьезный, широкомасштабный и долгосрочный* ущерб окружающей среде. В стадии обсуждения находится вопрос о криминализации экоцида на уровне национального законодательства и в ряде других европейских государств: Нидерландах, Великобритании, Испании и др.

Уголовный кодекс Вьетнама в ст. 342 криминализирует экоцид и квалифицирует его как преступление против человечности: «Те, кто в мирное время или во время войны совершает акты по массовому уничтожению населения на определенной территории, источников их существования, подрывая культурную и духовную жизнь страны, нарушая основы общества с целью подрыва такого общества, а также другие акты геноцида или акты экоцида или уничтожения природных ресурсов, должны быть приговорены к отбыванию наказания в виде лишения свободы на срок до 20 лет, пожизненного заключения или смертной казни» [24].

Таким образом, анализ уголовного законодательства отдельных государств свидетельствует о криминализации экоцида на национальном уровне, квалификации его как преступления, посягающего на мир и безопасность человечества. В то же время следует отметить отсутствие общих позиций относительно названия данного преступления, его состава, квалификации и мер наказания в уголовном национальном законодательстве отдельных государств. Учитывая, что экоцид наносит серьезные последствия окружающей среде и безопасности всего человечества, следует отметить необходимость его криминализации и унификации на международном и национальном уровнях. Для обеспечения защиты и охраны окружающей среды криминализация экоцида является только началом этого процесса, важно чтобы данная статья была применимой на практике, и виновные привлекались к ответственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Резолюция 177 (II) Генеральной Ассамблеи ООН от 21.11.1947 «Планы по формулированию принципов, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала и нашедших выражение в его решении. URL: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/040/38/pdf/nr004038.pdf> (дата обращения: 20.10.2024)
2. Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Документ о преступлениях против окружающей среды, подготовленный членом Комиссии г-м Кристианом Томушатов от 27.03.1996. URL: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789213621400c005/read?xmlPath=%2Fdeliver%2Ffulltext%2F9789213621400%2F90f60bd1-ru.pdf&docserverPath=%2Fdocserver%2Ffulltext%2F9789213621400%2F90f60bd1-ru.pdf&flowpaperKey=%247d63aab3787e34375b1&flowpaperS3BaseUrl=https%3A%2F%2Fmedia.un-ilibrary.org%2Fflowpaper> (дата обращения: 25.10.2024)

3. Лобач Д. В., Углова Е. А. Перспективы криминализации экоцида в практике международных отношений // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 4. С. 136–148.
4. Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества // Ежегодник Комиссии международного права. 1991. Т. 2. Ч. 1. С. 43–51. URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_1991_v2_p1.pdf (дата обращения: 24.10.2024).
5. Резюме работы Комиссии международного права по подготовке Проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. URL: https://legal.un.org/ilc/summaries/7_4.shtml (дата обращения: 22.10.2024)
6. О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС : закон Российской Федерации от 15.05.1991 № 1244-1 (ред. от 25.12.2023) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 21. Ст. 699
7. Об утверждении Порядка подтверждения Государственной корпорацией по атомной энергии «Росатом» наличия обстоятельств, характеризующих реальность угрозы возникновения техногенных, экологических катастроф и (или) наступления их последствий либо гибели людей на опасном объекте : приказ Госкорпорации «Росатом» от 11.10.2023 № 1/26-НПА. URL: <http://parvo.gov.ru> (дата обращения: 30.01.2024).
8. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V ЗПК (с изм. и доп. на 09.09.2024). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&pos=192;-79#pos=192;-79 (дата обращения: 15.10.2024).
9. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 127. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112309/edition/14072/ru> (дата обращения: 15.10.2024).
10. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 № 574 (с изм. и доп. на 20.06.2024). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325#pos=6;-125 (дата обращения: 15.10.2024).
11. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-3. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 15.10.2024).
12. Уголовный кодекс Республики Молдовы от 18.04.2002 № 985-XV. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923#pos=6;-143 (дата обращения: 15.10.2024).
13. Уголовный кодекс Туркменистана от 12.06.1997 № 222-I (с изм. и доп. на 25.11.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286&pos=6;-108#pos=6;-108 (дата обращения: 15.10.2024).
14. Уголовный кодекс Украины от 05.04.2001 № 2341-III (с изм. и доп. на 20.08.2024). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109&doc_id2=30418109#pos=8;-100.19999694824219&pos2=4052;-93.19999694824219 (дата обращения: 15.10.2024).
15. Уголовный кодекс Грузии от 22.07.1999 № 2287. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=263> (дата обращения: 15.10.2024).
16. Уголовный кодекс Эстонии от 06.06.2001 URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/16677> (дата обращения: 15.10.2024).
17. Уголовный кодекс Республики Армении от 05.05.2021. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=8059&lang=rus> (дата обращения: 15.10.2024).
18. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30.12.1999 № 787-IQ (с изм. и доп. на 23.02.2024). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353#pos=6;-145 (дата обращения: 15.10.2024).
19. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-XII (с изм. и доп. на 10.10.2024). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110&pos=5;-108#pos=5;-108 (дата обращения: 15.10.2024).
20. Уголовный кодекс Литвы от 26.09.2000 № VIII-1968. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/2888> (дата обращения: 15.10.2024).
21. Уголовный кодекс Латвии от 17.06.1998. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/19088> (дата обращения: 15.10.2024).
22. Уголовный кодекс Китая от 01.07.1979. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgflyd/201601/t20160111_3149373.htm (дата обращения: 25.10.2024).

23. DIRECTIVA (UE) 2024/1203 DEL PARLAMENTO EUROPEO Y DEL CONSEJO relativa a la protección del medio ambiente mediante el Derecho penal y por la que se sustituyen las Directivas 2008/99/CE y 2009/123/CE de 11 de abril de 2024. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/ES/TXT/PDF/?uri=OJ:L_202401203 (дата обращения: 20.10.2024).
24. Уголовный кодекс Вьетнама от 21.12.1999 № 15/1999/QH10. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/5025> (дата обращения: 20.10.2024).

REFERENCES

1. Rezolyutsiya 177 (II) General'noi Assamblei OON ot 21.11.1947 "Plany po formulirovaniyu printsipov, priznannykh Statutom Nyurnbergskogo tribunala i nashedshikh vyrazhenie v ego reshenii" [UNGA Resolution 177(II) Formulation of the principles recognized in the Charter of the Nurnberg Tribunal and in the judgment of the Tribunal]. Available at: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/040/38/pdf/nr004038.pdf> (accessed October 20, 2024).
2. Proekt Kodeksa prestuplenii protiv mira i bezopasnosti chelovechestva. Dokument o prestupleniyakh protiv okruzhayushchei sredy, podgotovlennyy chlenom Komissii g-m Kristianom Tomushatom ot 27.03.1996 [Draft code of crimes against the peace and security of mankind prepared by Mr. Christian Tomuschat, member of the Commission of March 27, 1996]. Available at: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789213621400c005/read?xmlPath=%2Fdeliver%2Ffulltext%2F9789213621400%2F90f60bd1-ru.pdf&docserverPath=%2Fdocserver%2Ffulltext%2F9789213621400%2F90f60bd1-ru.pdf&flowpaperKey=%247d63aab3787e34375b1&flowpaperS3BaseUrl=https%3A%2F%2Fmedia.un-ilibrary.org%2Fflowpaper> (accessed October 25, 2024).
3. Lobach D.V., Uglova E.A. Prospects for criminalization of ecocide in the practice of international relations. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo = Pacific Rim: Economics, Politics, Law*, 2022, vol. 24, no. 4, pp. 136–148. (In Russ.).
4. Draft Code of Crimes against the Peace and Security of Mankind In: *Ezhegodnik Komissii mezhdunarodnogo prava. T. 2. Ch. 1* [Yearbook of the International Law Commission]. 1991. Pp. 43–51. Available at: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_1991_v2_p1.pdf (accessed October 24, 2024).
5. Rezyume raboty Komissii mezhdunarodnogo prava po podgotovke Proekta Kodeksa prestuplenii protiv mira i bezopasnosti chelovechestva [Summaries of the Work of the International Law Commission]. Available at: https://legal.un.org/ilc/summaries/7_4.shtml (accessed October 22, 2024).
6. On social protection of citizens exposed to radiation as a result of the Chernobyl disaster: Law of the Russian Federation No. 1244-1 of May 15, 1991 (as amended of December 25, 2023). In: *Vedomosti SND i VS RSFSR* [Bulletin of SND and VS RSFSR]. 1991. No. 21. Art. 699. (In Russ.).
7. Ob utverzhdenii Poryadka podtverzhdeniya Gosudarstvennoi korporatsiei po atomnoi energii «Rosatom» nalichiya obstoyatel'stv, kharakterizuyushchikh real'nost' ugrozy vozniknoveniya tekhnogennykh, ekologicheskikh katastrof i (ili) nastupleniya ikh posledstviy libo gibeli lyudei na opasnom ob"ekte: prikaz Goskorporatsii "Rosatom" ot 11.10.2023 No. 1/26-NPA [On approval of the procedure for confirmation by the State Atomic Energy Corporation Rosatom of the existence of circumstances characterizing the reality of the threat of man-made, environmental disasters and (or) the onset of their consequences or the death of people at a dangerous facility: Order of the Rosatom State Corporation No. 1/26-NPA of October 11, 2023]. Available at: <http://pravo.gov.ru> (accessed January 30, 2024).
8. Ugolovnyi kodeks Respubliki Kazakhstan ot 03.07.2014 No. 226-V ZRK (s izm. i dop. na 09.09.2024) [Criminal Code of the Republic of Kazakhstan No. 226-V ZRK of July 3, 2014 (as amended and supplemented of September 9, 2024)]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&pos=192;-79#pos=192;-79 (accessed October 15, 2024).
9. Ugolovnyi kodeks Kyrgyzskoi Respubliki ot 28.10.2021 No. 127 [Criminal Code of the Kyrgyz Republic No. 127 of October 28, 2021]. Available at: <https://cbd.minjust.gov.kg/112309/edition/14072/ru> (accessed October 15, 2024).

10. *Ugolovnyi kodeks Respubliki Tadjikistan ot 21.05.1998 No. 574 (s izm. i dop. na 20.06.2024)* [Criminal Code of the Republic of Tajikistan No. 574 of May 21, 1998 (with amendments and additions of June 20, 2024)]. Available at: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325#pos=6;-125 (accessed October 15, 2024).
11. *Ugolovnyi kodeks Respubliki Belarus' ot 09.07.1999 No. 275-Z* [Criminal Code of the Republic of Belarus No. 275-Z. of July 9, 1999]. Available at: https://pravo.by/document/?gu_id=3871&p0=hk9900275 (accessed October 15, 2024).
12. *Ugolovnyi kodeks Respubliki Moldovy ot 18.04.2002 No. 985-XV* [Criminal Code of the Republic of Moldova No. 985-XV of April 18, 2002]. Available at: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923#pos=6;-143 (accessed October 15, 2024).
13. *Ugolovnyi kodeks Turkmenistana ot 12.06.1997 No. 222-I (s izm. i dop. na 25.11.2023)* [Criminal Code of Turkmenistan No. 222-I of June 12, 1997 (as amended and supplemented of November 25, 2023)]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286&pos=6;-108#pos=6;-108 (accessed October 15, 2024).
14. *Ugolovnyi kodeks Ukrainy ot 05.04.2001 No. 2341-III (s izm. i dop. na 20.08.2024)* [Criminal Code of Ukraine No. 2,341-III of April 5, 2001 (as amended and supplemented of August 20, 2024)]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109&doc_id2=30418109#pos=8;-100.19999694824219&pos2=4052;-93.19999694824219 (accessed October 15, 2024).
15. *Ugolovnyi kodeks Gruzii ot 22.07.1999 No. 2287* [Criminal Code of Georgia No. 2,287 of July 22, 1999]. Available at: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=263> (accessed October 15, 2024).
16. *Ugolovnyi kodeks Estonii ot 06.06.2001* [Criminal Code of Estonia of June 6, 2001]. Available at: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/16677> (accessed October 15, 2024).
17. *Ugolovnyi kodeks Respubliki Armenii ot 05.05.2021* [Criminal Code of the Republic of Armenia of May 5, 2021]. Available at: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=8059&lang=rus> (accessed October 15, 2024).
18. *Ugolovnyi kodeks Azerbaidzhanskoi Respubliki ot 30.12.1999 No. 787-IQ (s izm. i dop. na 23.02.2024)* [Criminal Code of the Republic of Azerbaijan No. 787-IQ of December 30, 1999 (as amended and supplemented of February 23, 2024)]. Available at: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353#pos=6;-145 (accessed October 15, 2024).
19. *Ugolovnyi kodeks Respubliki Uzbekistan ot 22.09.1994 No. 2012-XII (s izm. i dop. na 10.10.2024)* [Criminal Code of the Republic of Uzbekistan No. 2012-XII of September 22, 1994 (with amendments and additions of October 10, 2024)]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110&pos=5;-108#pos=5;-108 (accessed October 15, 2024).
20. *Ugolovnyi kodeks Litvy ot 26.09.2000 No. VIII-1968* [Criminal Code of Lithuania No. VIII-1968 of September 26, 2000]. Available at: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/2888> (accessed October 15, 2024).
21. *Ugolovnyi kodeks Latvii ot 17.06.1998* [Criminal Code of Latvia of June 17, 1998.]. Available at: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/19088> (accessed October 15, 2024).
22. *Ugolovnyi kodeks Kitaya ot 01.07.1979* [Criminal Code of China of January 7, 1979]. Available at: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgflyd/201601/t20160111_3149373.htm (accessed October 25, 2024).
23. *DIRECTIVA (UE) 2024/1203 DEL PARLAMENTO EUROPEO Y DEL CONSEJO relativa a la protección del medio ambiente mediante el Derecho penal y por la que se sustituyen las Directivas 2008/99/CE y 2009/123/CE de 11 de abril de 2024*. Available at: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/ES/TXT/PDF/?uri=OJ:L_202401203 (accessed October 20, 2024).
24. *Ugolovnyi kodeks V'etnama ot 21.12.1999 No. 15/1999/QH10* [Criminal Code of Vietnam of December 21, 1999 No. 15/1999/QH10]. Available at: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/5025> (accessed October 20, 2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА КИРИЛОВСКАЯ – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, natasha.8172@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9031-5182>

NATAL'YA N. KIRILOVSKAYA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Economics and Law of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, natasha.8172@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9031-5182>

Статья поступила 08.10.2024

